Семён АФАНАСЬЕВ

2020

АЛЕКС и АЛЕКС - 5

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жить дальше без тех близких, к которым привык, иногда очень сложно. Порой даже кажется, что незачем. Но впереди тебя ждёт турнир, на котором такие, как ты, никогда не побеждали. Плюс тебя может забросить на другой конец земли. И всё равно интересно: а что же будет завтра

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31

Глава 1

А теперь внимание. — Резко и отрывисто скомандовала Чоу.

И Рени понял, что шутки кончились.

До какого-то времени он думал, что полностью понимает, к чему она стремится. Но сейчас, по едва заметным эмоциям на её лице, он понял: главное только начинается. И это ближайшее будущее ему очень активно не нравилось.

Формально (а местами и операционно) она полностью находилась в его подчинении и ни словом, ни жестом ранее его приоритетности не оспаривала. Вплоть до этого момента.

Должно было случиться что-то на самом деле серьёзное, чтоб она решила перехватить бразды правления. Будем надеяться, ненадолго.

К сожалению, положение вещей, как и позиция «учредителей» из Поднебесной, такое положение вещей в ряде случаев допускали.

— Тебе известно имя ключевого контактёра в нашей компании?.. Ты лично с ним когда-нибудь общался?.. Ты знаешь того из ваших в Столице, кто с ним контачит регулярно?..

Вопросы сыпались, как из пулемета. Чоу не давала федералу расслабиться, продолжая напирать.

Что интересно, она совсем не ожидала его ответов. После каждого заданного ею вопроса, федерал только морщил лоб, силясь успеть за ней мыслью. Но не успевал, поскольку за одним вопросом тут же следовал следующий. Несмотря на напряженную атмосферу вокруг, Ли внутренние восхитился: о девятом ранге можно очень много слышать, но увидеть своими глазами, как он работает, удаётся далеко не всем.

Сейчас Чоу именно что работала, в полную силу и на износ, выкладываясь на грани и за гранью. Рени это тоже видел.

Кстати, она предусмотрительно ввела комм в какой-то интересный режим перед началом беседы. Мало того, что умная техника теперь сама держала допрашиваемого в фокусе, так по экрану сами собой ещё и отбивались целые вереницы символов, тут же уходя по активированному каналу связи.

Чуть поёжившись, Ли подумал: видимо, умная система коммуникатора рассчитана на такие ситуации, когда сотрудник типа ЮньВэй будет действовать в одиночку.

Рени чудесно понимал подоплёку происходящего. Если бы он сам имел за спиной хотя бы второй или третий ранг ханьской медицинской искры, он бы, будучи независимым свидетелем, зафиксировал непроизнесённые ответы допрашиваемого со своей стороны.

Сейчас это, похоже, вместо живого человека автоматически делала умная техника.

— Но иногда приходится работать с тем, что имеешь, — вздохнула девушка, словно угадав мысли своего босса. — Дядя Ли, я почти закончила. Он не выпадал из фокуса на камере? — она мельком взглянула на дальнего родственника и тут же перефразировала вопрос. — Черный шрифт бегущей строки не менял цвет на красный или синий?

— Нет. — Уверенно ответил старший менеджер. — Я бы заметил.

— Дядя, нам сейчас необходимо подняться на ваш этаж, чтобы вы лично получили подтверждение от нашего с вами уважаемого родственника из метрополии. — Безукоризненно вежливо заключила ЮньВэнь, намекая не экстренный сеанс связи с родиной. — Я очень уважаю вас лично, — она искренне приложила руку к груди. — Но есть одна неприятная вещь, которую нам с вами предстоит завершить прямо сейчас.

Ли не был идиотом и прекрасно понимал: интересы Поднебесной только что в очередной раз пересеклись с его личными.

Вообще-то, это случалось и ранее, но никогда до этого — под присмотром внешнего эмиссара.

Откровенно говоря, Рени было наплевать, кто именно из его местных сотрудников какому федеральному ведомству и о чём стучит. Он всегда умел выстраивать работу и очень тщательно соблюдал баланс, поэтому никаких утечек не опасался.

Там, где с ним враждовали муниципалы, на помощь приходило Федеральное законодательство. Там же, где задевались интересы местной Столицы, он всегда успешно примыкал к муниципалам.

До сегодняшнего дня эта система не давала сбоев. К сожалению, девочка только что прямо при нём решила: один из информаторов, работающих в Компании и сливающих кое-что федералам, более нежелателен.

Что за этим следовало, несложно было угадать.

Кстати, приданные мордовороты местного клана даже не заметили: помимо далеко идущих федеральных планов одного из их ведомств, ЮньВэнь только что при всех, за какие-то три минуты, влёт определила личность агента, листая перед носом федерала персональные дела сотрудников.

Отдав распоряжения дяде на своём языке и филигранно извинившись перед ним же за то, что вынуждена приказывать старшему, она сообщила местным, что вопросов более не имеет и что федерала можно забирать.

А сама тут же первой полезла из машины.

———

— Господин Ли, к вам тот, кого вы вызывали! — сам факт, что секретарь обращалась в этой ситуации на Всеобщем, уже говорил о многом.

Даже не обладая толикой возможностей Чоу, Рени понимал: она уже оценила и эмоции, и настрой вошедшего и наверняка приняла в отношении него какие-то свои решения.

Пропуская заместителя начальника одной из ключевых служб сектора в распахнутые двери, ЮньВэнь неловко поскользнулась, заплелась каблуками о ковровое покрытие и неуклюже облапила вошедшего.

«Случайно» разрывая на нём рубаху и на мгновение касаясь его живота своей ладонью.

Вошедший дёрнулся, словно от удара током, тут же сложился в коленях и с остекленевшими от удивления глазами рухнул лицом вперед, как стоял.

— Помогите! Человеку плохо! — секретарша в мгновение ока развила целое море бурной деятельности, вызывая и скорую помощь, и сотрудников штатного медпункта здания с первого этажа.

Попутно изображая перед свидетелями в приемной действительно несчастный случай.

Старший менеджер отметил, что обставлено всё было идеально.

Достаточно многочисленные свидетели в приемной, в коридоре, в соседних кабинетах сквозь открытые двери чудесно видели: приглашённому на ковёр сотруднику стало плохо на пороге начальственного кабинета.

Что местная медицина ничего, кроме банального и естественного сердечного приступа, не обнаружит, у него также сомнений не было.

— Благослови Господь эту страну, не признающую искры наших целителей, — пробормотал он себе под нос.

А сам ещё какое-то время терялся в догадках: какие же планы на ближайшую реальность были у его секретарши, если она пошла на такие откровенно непопулярные шаги? Принимая на себя ответственность сразу по нескольким достаточно серьёзным пунктам, каждый из которых Метрополия будет рассматривать под микроскопом.

— Как бы по Компании не ударило, — вздохнул он вдогонку собственным мыслям. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, девочка.

За кадром остались невысказанными его слова о том, что она уедет в любой момент, а ему тут ещё жить дальше.

— Даже секунды не беспокойтесь на эту тему! — походя

отрезала ЮньВэнь, продолжая старательно генерировать панику и создавать суматоху на Всеобщем. — Тот канал, по которому с вами обязательно свяжутся в течение следующих трёх часов, и ответит на все ваши вопросы, и подтвердит все мои полномочия.

А вот тут его накрыло по-настоящему. Кажется, основное начальство Чоу сидело даже не в достаточно известной, хоть и узко специализированной, службе; а занимало какие-то кресла чуть не в Государственном Совете.

_____

Завершив все необходимые манипуляции, Чоу вздохнула с облегчением. Во-первых, она обезопасила себя от наблюдения со стороны тех местных сил, которые действительно могли ей помешать в ближайшее время. Дополнительным бонусом шёл крот, потенциально угрожавший регулярным коммуникациям с центральным аппаратом и некоторым деликатным проектам и операциям.

Во-вторых, она только что набрала очки в глазах прямого начальства в Поднебесной. Несмотря на присутствие рядом местных клановых и дяди Ли, она прямо на их глазах прояснила для себя очень важный кусок информации, более чем интересный на родине.

По завершении кутерьмы, вызванной приездом скорой и констатацией несчастного случая с одним из сотрудников, ЮньВэнь добросовестно сделала массаж на затылке Рени, чем привела его в благостное состояние духа.

Пояснив ему, чего ждать в ближайшее время (на всякий случай), она вздохнула и направилась в Корпус.

Хотя в Компании всё и прошло как по маслу, её рабочий день еще не закончился. Если бы её спросили, зачем она это делает, китаянка бы никак не смогла обосновать своего решения с точки зрения формальной логики. Но все её ощущения просто вопили: сейчас надо ехать к израильтянину. Просто для того, чтобы быть поближе к своей основной инвестиции.

Того, что основные события на территории учебного заведения еще не закончились, ей объяснять было не нужно. За сегодня она трижды мысленно ставила себя на место федеральных агентов. Не считая их глупее себя, она и от них ждала тех шагов, которая сама бы на их месте сделала.

_____

Наличие Анны на балконе нам ничуть не мешает. Хаас, как ни смешно, очень быстро засыпает на свежем воздухе, и лично мне в итоге удаётся за ночь отдохнуть. Во всех смыслах этого слова.

На следующее утро отправляюсь на полигон. Во-первых,

нужно поддерживать форму. Что-то подсказывает, что она мне ещё ох как понадобятся.

Во-вторых, Бак настаивает на регулярном и вполне определённом тренинге в свете предстоящего турнира. Полигон, конечно, не даёт всей необходимой подготовки, но некоторые элементы типа перемещений между зарядами плазмы на нём отрабатывать даже лучше, чем с живым партнером.

В отличие от живого партнера, техника не устаёт, не промахивается, не нарушает заложенной программы, не увлекается и не меняет рисунок отрабатываемых упражнения в эмоциональной горячке.

Выполнив запланированный набор манипуляций, я набираю Жойс: мы с ней собирались с утра, на свежую голову, обдумать, как быть дальше с бизнесом.

Хаас, кстати, утром убежала ещё раньше меня: в связи с происшедшими изменениями, в качестве извинений от Корпуса, ей вроде как тоже полагается теперь отдельная комната, которую она и помчалась принимать.

К сожалению или нет, но рабочим персоналом либо приравненной к таковому она не является. Поэтому в гостинице, где квартируем мы с моей половиной, ей номер не светит. Жить на одном этаже у нас точно не получится. Если её поселят отдельно от всех, она будет обитать в другом здании.

Несмотря на наши договоренности, трубку Жойс почему-то не поднимает. Может быть, она в душе?

На подходе к своему номеру автоматически активирую сенсорный режим — и тут же ускоряясь. Картина, которую я наблюдаю сквозь закрытые двери с помощью чипа и Алекса, мне очень не нравится.

К сожалению, времени на обдумывание нет вообще. Хорошо, что эмоции не захлестывают и не бьют через край, потому что управляются в том числе через чип.

Открыв двери номера при помощи большого пальца на сенсоре, на какое-то время задерживаюсь в прихожей, будто стаскивая ботинки. Жойс лежит вырубленная поперёк кровати и не подаёт признаков жизни.

Хорошо, что лишние чувства сейчас отключены. Не будь чипа и Алекса, возможно, в следующие секунды я бы и не справился. Ни в каком смысле.

Сканировать жизненные параметры на расстоянии получается плохо. Подхожу, беру её одной рукой за запястье, вторую кладу ей на висок.

Я понятия не имею, чего ждать от того мужика, который сейчас бесшумно (как он думает) выскальзывает из санузла. Мой

расчет прост: стоящий к нему беззащитной спиной пацан, по идее, должен его расслабить.

Параллельно, напрягаюсь изо всех сил вместе с Алексом чуть в ином плане: совместными усилиями пытаемся поймать малейшие отголоски витальных функций Жойс. Которые почти не ощущаются.

— Это что-то типа нано-вируса, какие-то нейро-дегенеративные процессы. — Скороговоркой бормочет Алекс. *— Мужик сзади в возрасте, лет за сорок; среагировать успеем; движется медленно. Не отпускай её руку, я смотрю, что можно сделать.*

В такие минуты хорошо, что хоть Алекс сохраняет видимость олимпийского спокойствия, трезвую голову и скорость мышления.

Действительность, однако, вносит свои коррективы. Мужик за спиной почти неслышно смещается вбок и приставляет что-то металлическое к моей шее.

— Этой версии, видимо, для гарантии нужен тактильный контакт! — наконец, и у Алекса прорываются какие-то эмоции.

Проблема в том, что сместиться в сторону сейчас не вариант: на линии упирающегося мне сейчас в шею приспособления, если я смещусь, окажется Жойс.

Полной неожиданностью для нас с соседом оказывается и то, что тип в возрасте за моей спиной движется гораздо быстрее, чем мы от него ожидаем.

Пока я, скручиваясь в сторону, прихватываю его за руку и пытаюсь взять на приём, он успевает среагировать. К моему счастью, ствол его странного приспособления смотрит уже сверху вниз и выстрел по касательной задевает лишь кожу на моём бедре.

Алекс тут же раздражается серией нецензурных бранных выражений, ему обычно крайне несвойственных.

— Я и не знал, что у вас такие технические достижения уже работают, — констатирует он, закончив материться.

— Что там? — закономерно спрашиваю его, поскольку только театральных пауз сейчас для полного счастья и не хватает.

— Колония нано-вирусов, все подробности потом, — отмахивается он. *— Быстро звони в медпункт! Один могу не справиться!*

К счастью, мои собственные физические возможности намного выше, чем у среднего человека. Пока этот престарелый тип выбирал слабину на спусковом крючке своего агрегата, я успел вырвать ему горло.

Невзирая на болевой шок, он успевает выстрелить дважды.

Первый его заряд лишь чиркнул меня по бедру, чему я в пылу схватки не придал значения. А вот второй заряд полноценно попадает-таки в Жойс.

— Что можем сделать, чтобы вытянуть её? — Надеюсь, наше с ним внутреннее пространство не передаёт всех эмоций, которые я сейчас испытываю. *— Ты со своими возможностями что-то можешь?*

— Ты не до конца понимаешь, что сейчас происходит, — хмуро и отстранено отвечает Алекс. *— О ней забудь. Это самое лучшее, что ты можешь сейчас для неё же сделать, если хочешь выжить. На простого человека это хрень действует, как кувалда. Ты что, не чувствуешь, что постепенно уплываешь?*

— Чувствую, — скриплю зубами. *— Но я думал, что ты, как обычно, справишься.*

— Не уверен. — После паузы безэмоционально говорит сосед. *— Как и не уверен, что её организм вообще сохранил витальные функции. Так, не мешай мне. Всё очень серьёзно на этот раз…*

_____

Вызов от Коротышки пришёл бы неожиданно, не предполагай Камила в своей постоянной профессиональной паранойе каких-то осложнений.

Бледный до неприличия, словно потерявший до двадцати процентов ОЦК, пацан вначале быстро прошёлся камерой коммуникатора по обстановке в комнате, затем — по месту принудительной инъекции на своей ноге, а также по нападавшему. Следующим кадром он крупно показал неизвестный ему тип инъектора.

Затем коротко доложил о происшедшем.

— Только держись, — мгновенно осипнув, прохрипела Камила. — Что сейчас чувствуешь? — Параллельно с этими словами, её пальцы уже выбивали все подобающие в таких случаях команды штатному медицинскому ИскИну Корпуса. — Окей, отставить! — Она тут же мысленно выматерила себя, поскольку чудом был уже то, что Алекс ещё оставался в сознании, пропустив выстрел из овода.

Судя по картинке на заднем плане, Жойс повезло меньше, чем Коротышке. Признаков жизни подруга уже не подавала, да и не могла подавать, если ей достались целых два заряда.

Суета последующих минут слилась у Карвальо в одно непрекращающееся мгновение.

Управляя срочной доставкой Коротышки в медсектор, она попутно не забыла и о теле подруги в его номере, и об извещении всех полагающихся по случаю должностных лиц.

Кстати, на досуге надо обдумать. Когда она, разрываясь между тремя кнопками, вслух озвучила затык с приоритетами, пацан сам предложил доложиться своему куратору.

— Чем дольше ты с кем-то сейчас говоришь, тем лучше. Больше шансов, — не стала скрывать от него правды Камила. — Удерживай сознание. Не уходи.

— Не отключаюсь, — мгновенно сориентировался Коротышка. — Звоню, тебя не отключаю.

В следующие минуты капитан Карвальо занималась сразу несколькими задачами параллельно, от каждой из которых зависело более чем много.

К её удивлению, своему подполковнику Коротышка докладывал о происшедшем хоть и не без проблем, но явно без перебоев дыхания. Может, и правда вскользь? И обойдётся?

Мысли о подруге капитан гнала от себя изо всех сил. Будучи профессионалом в своём деле, никаких иллюзий она не испытывала.

Глава 2

Несмотря на неожиданную паническую атаку в исполнении Алекса, чувствую себя неплохо. Правда, масла в огонь активно подливает Камила: не то чтобы она специально истерила, но крайнюю степень тревоги на её лице сейчас было бы видно даже слепому. Хотя лично мои субъективные ощущения бывали и хуже, порой намного.

Паника в глазах капитана Карвальо, бросающей взгляды мне за спину на кровать, медленно, но верно передаётся и мне. Вдобавок ко всему, она настаивает, чтобы я не уходил со связи и постоянно с кем-то общался. Крайне кстати приходит мысль известить куратора: он всё время стремится предъявить, что узнаёт новости последним.

Я бы хотел очень многое сейчас сказать Баку на тему жизни в федеральном Корпусе, но брошенный вскользь вслед за Камилой взгляд на Жойс удерживает меня от пустого суесловия.

Куратор отвечает почти сразу. Судя по картинке с его стороны, он сейчас рулит на своей машине в Корпус.

В ответ на мой доклад, он как-то буднично и слишком ровно говорит, что принял информацию.

Я, конечно, не ожидал, что он бросится проявлять участие на уровне Камилы, но всё равно холодная отстранённость местами неприятна.

Он что-то прикидывает пару секунд, затем настоятельно советует не расслабляться и внимательно смотреть по сторонам: вполне возможно, что у валяющегося на полу тела есть сообщники.

— … с вами очень могут попытаться пообщаться представители нашей безопасности. Отказываетесь от любых разговоров. Никаких бесед ни с кем до моего появления, — итожит он хоть что-то конструктивное, затем отключается.

Не могу сказать, что рассчитывал на его сочувствие, нафиг бы оно мне было нужно. Но этот разговор позитива лично мне не добавляет.

Я как раз заканчиваю общаться с подполковником, когда, гремя ботинками и колесами, на этаже гостиницы появляется пара медбратьев. Конструкция в их руках в мгновение ока распадается на два транспортера на колёсиках.

Поначалу они собираются погрузить меня и тело, что валяется на полу (почему?). Я отрицательно качаю головой и молча указываю взглядом на Жойс.

В следующую секунду здоровяки в белых халатах, кажется,

перестают воспринимать меня всерьёз. Они отмахиваются от моего замечания и настаивают на своём.

В воздухе виснет обстановка нездоровой нервозности. В целях экономии времени, стреляю под ноги каждому из них, привлекая наконец их внимание и добиваясь осмысленности в глазах каждого.

— Следующий выстрел — по колёсам вашей конструкции, — киваю на каталку. — Поотшибаю нахрен колёса — понесётесь в медсектор за новой. Эта ездить уже не будет. Потом вам обратно идти, а норматив на доставку меня в приёмный покой тикает.

Жойс никогда не расставалась с пистолетом. После разговора с подполковником, учитывая возможность присутствия одного непонятного стрелка не территории, я взял её ствол себе на всякий случай. Теперь вот он пригодился…

Переглянувшись, светочи быстрой транспортировки раненых проникаются весомостью аргумента в моих руках и вместо трупа мужика грузят на второй транспортёр всё же Жойс.

Возможно, мои действия сейчас — глупость и чистое мальчишество, но я не хочу оставлять её тут. Даже если от неё осталось одно только тело. Мастер Донг говорит, что ты не проигрываешь до тех пор, пока сам не сдаёшься.

Я, кстати, и не знал, что у нас в медсекторе есть вспомогательный медицинский персонал типа медбратьев. Интересно, а где они обычно сидят либо прячутся? Я ведь провёл там не один час в общей сумме, заглядывал почти во все углы от нечего делать. Раньше их там что-то не видел.

Сцепив обе каталки наподобие поезда, они развивают удивительную скорость даже для меня.

Когда они сворачивают по верной аллее в сторону резиденции Камилы, часть напряжения меня отпускает и отходит на задний план: я грешным делом посчитал здоровяков подстраховкой того тела, что осталось лежать в номере. Ну а что, хорошая схема: если не справляется первый, по вызову медицинской бригады прибывает типа эвакуация раненого. Которая на самом деле — вовсе не врачи, а ассистенты и дублёры исполнителя.

— *Не мельтеши мыслями. Мешаешь.* — Отзывается в ту же секунду Алекс. — *Лучше всего вообще смотри только туда.*

В нашем внутреннем пространстве появляется изображение его морского пляжа с жирной зелёной стрелкой в направлении горизонта.

— *Гляди по стрелке и ни о чём не думай.* — Продолжает руководить сосед. — *Ты мне сейчас гормонов целые коктейли в кровь бросаешь, мешает. Пожалуйста, НЕ ДУМАЙ!*

Изо всех сил пытаюсь исполнить весьма странное в его исполнении пожелание. Обычно он наоборот просит шевелить мозгами как можно больше.

В медпункт так и прибываем очень быстрой рысью; при этом здоровяки, кажется, слушаются только ствола в моих руках.

_____

— Анна, прошу прощения за беспокойство. Вы сейчас очень заняты?

Хаас была весьма удивлена, когда с ней на связь неожиданно вышел куратор Алекса. Вообще-то, она направлялась решать кое-какие приятные бытовые моменты своего личного пребывания на территории Корпуса.

— Внимательно слушаю вас, — она дисциплинированно затормозила прямо посередине коридора и вошла в ближайшую пустую аудиторию.

В следующие пару минут подполковник с кафедры Алекса описал ей весьма непростую ситуацию и закончил словами:

— Не в службу, а в дружбу. Я не имею права лично вам приказывать на эту деликатную тему, но очень вас прошу. На личном уровне. Приложите, пожалуйста, усилия своего клана, чтобы взять его под охрану? Хотя бы на ближайшие полсуток? Я пока сам не разобрался, что происходит, а рассчитывать на стандартные механизмы, в таких условиях…

Девочка не была бы Хаас, если б не умела читать между строк и понимать прочитанное.

Алекса только что чуть не ухлопали явно не местные, а кто-то очень серьёзный. Серьёзных же в Муниципалитете кроме местных — только федералы.

Методом исключения, она через секунду пришла к выводу, что подполковник Бак банально опасается задействовать привычные каналы, в силу ему одному известных деталей обстановки.

— Я вас поняла, всё сделаю. — Коротко кивнула дочь юристов. — Сориентируйте, пожалуйста, по требованиям к охране.

— Должен быть беспрепятственный допуск на территорию, неограниченный временем действия пропуска, — принялся перечислять Бак, явно размышляя вслух на ходу. — В идеале, не должны зависеть ни от какой техники и механики. Извините, тут без деталей…

— Клановые техники пойдут?

— Да. — Офицер чуть удивлённо вынырнул из своих соображений. — Уровень третий уже будет очень хорошо. Слушайте! А вы же из юристов?! У вас же и возможность законно оформить присутствие имеется…? — Баку явно не хватало слов,

отчего он активно жестикулировал сейчас свободной рукой и беззвучно открывал и закрывал рот.

Вместо ответа, Анна молча зажгла на ладони шарик плазмы. Затем всё же сказала:

— Четвёртый уровень, с половиной. Контроль — больше пятёрки. Являюсь официальным представителем его официального законного представителя, пардон за тавтологию. — Она не стала вдаваться в детали их личных взаимоотношений и дружбы, вопросительно подняв бровь.

— Это было бы идеально! — с явным облегчением выдохнул куратор. — Я лично вам буду очень обязан! Минуту назад он ехал в медсектор, сейчас должен быть там. Видимо, в приёмном покое…

— Исполняю. — Вежливо кивнула Анна и отключилась, разворачиваясь в обратном направлении и переходя на бег.

Кажется, заселение в отдельную комнату на некоторое время откладывается.

_____

Эта девочка попалась под руку очень кстати. Бак мысленно похвалил себя за сообразительность и вовремя случившуюся эврику.

Он вообще не особо общался с любыми «стихиями» в Корпусе, на любой из их кафедр. Не особо он вникал и в местные муниципальные расклады: если забивать себе голову текущей обстановкой на каждом новом рабочем месте, на пенсию можно выйти слюнявым идиотом.

Разумеется, вышесказанное не касалось районов боевых действий. Но в тех местах подполковник, слава богу, уже очень много лет лично не отмечался, твердо следуя выбранной стезе научной работы.

То, что Бак не бывал давно в горячих местах, однако, вовсе не означало, что он растерял все правильные привычки. Тяжело вздохнув, он потратил еще почти пять минут на исследование в сети того, что же из себя сегодня представляет дом Хаас тут на местности. Его, в принципе, устраивало доверить на время соискателя кому-то надежному, кто гарантировал бы сохранность головы пацана в течение того времени, пока сам Бак будет разбираться с происходящим.

Вчера он очень здорово дал маху, себе в этом следовало признаться. Позволив обвести себя вокруг пальца, он пошел на поводу и классически перенес внимание на негодный объект. А за это время противоположная сторона завершила запланированные приготовления и…

А вот что «и» — сейчас и будем выяснять.

Вынырнул из сетевых анонсов клана Хаас офицер уже гораздо

более спокойным.

Наитие и предчувствие не подвели и сейчас. Нестандартные ситуации в режиме цейтнота не решаются стандартными инструментами девять раз из десяти — это он знал хорошо и на собственной шкуре.

Федеральные инструменты до выяснения обстановки задействовать нельзя. Судя по тому, что по территории Корпуса кто-то гуляет минимум парами, как у себя дома.

Но и оставлять соискателя без подобия прикрытия будет тоже неправильно.

Неформальное обращение к тем, кто имеет вес на территории, иногда даёт гораздо больше толку, чем апеллирование ко всевозможным законодательным параграфам. Это подполковник тоже узнал на личном опыте, правда, гораздо раньше и намного юго-восточнее.

Эта девочка и вправду оказалась решением сразу трех вопросов на ближайшее время.

— Уже не говоря о том, что полноценного пятого уровня огня в исполнении такой пигалицы никакой исполнитель даже подсознательно ожидать не будет, — пробормотал офицер сам себе, закрывая сетевые вкладки комма.

Судя по настойчивости организации, которую представлял его вчерашний собеседник, и третьей попытки их стороны зайти на цель нельзя было исключать.

С учётом этого момента, несовершеннолетняя высокоуровневая представительница юристов, являющаяся заодно весьма неслабым огнём даже по взрослым армейским меркам, была «тем, что доктор прописал»: доверять, в силу подросткового максимализма, она не будет никому, если не знает того человека лично.

Круг общения Алекса она тоже представляет не хуже него самого (разумеется, добросовестный куратор знал о самом близком товарище на тренировках своего соискателя).

Если же, тьфу три раза, вчерашние контактёры еще не исчерпали своих кадровых ресурсов на территории Корпуса, то полноценный боевик почти пятого уровня, не стеснённый в выборе средств, в лице малолетней девчонки будет им более чем неприятным сюрпризом. Который сходу не проходится.

Ещё более изящно решался деликатный вопрос подведомственности и легитимности. Все юридические осложнения, буде таковые воспоследуют, своей широкой грудью примет на себя юридический клан муниципалитета номер один.

— Хороший руководитель — это тот, кто делает всю работу чужими руками, но при этом несёт стопроцентную

ответственность за результат. — Сам себе подытожил Бак.

После чего вздохнул, экстренно вызвал заведующего кафедрой и следующие две минуты орал дурниной на своего непосредственного начальника, высвобождая эмоции и давая волю чувствам.

_____

— … вкратце так. — Бак закончил ходить из угла в угол и невежливо уселся прямо на стол заведующего кафедрой.

Так, что его колено находилось прямо напротив носа непосредственного начальника.

Под закрытыми дверями, в коридоре, толпилась какая-то часть преподавательского состава, поскольку дверь на кафедру была закрыта волевым решением полковника Блекстера.

— Ну, я услышал тебя, — изобразив задумчивость, якобы невзначай отвёл взгляд в сторону шеф. — Но я не до конца понимаю, чего ты сейчас хочешь от меня? Даю тебе честное слово. — Заведующий кафедрой решительно поднял глаза на товарища. — Ко мне, в отличие от тебя, почти никто не обращался. Тем более, уж точно никто не обращался в таком формате, как твоя вчерашняя встреча за воротами.

— О-о-о, а ты молчишь! — весело протянул подполковник. — Значит, кто-то и с тобой говорил? Жду подробностей. — Он требовательно покачал ногой перед лицом собеседника.

— Да какие там подробности… — сейчас Блекстер смотрел ровно и не мигая. — Позвонили из верхнего штаба, знакомые знакомых. Вначале около получаса месили воду в ступе ни о чём. Затем очень издалека намекнули: если будут какие-то нештатные ситуации на территории, лучше соблюдать спокойствие и нейтралитет. Во все колокола не звонить. Не приказ, и даже не пожелание. Именно что ни к чему не обязывающие намёки.

— И ты мне только сейчас об этом говоришь?! — брови Бака взвились почти что на затылок.

— Так а кто думал, что оно всё до такого дойдёт?! — не остался в долгу начальник, взмахивая рукой в сторону окна. — Знаешь, давай заново, спокойно и конструктивно… Какие бы ни были сейчас наши с тобой эмоции, повлиять лично мы ни на что не можем. — Шеф требовательно впился взглядом в куратора.

— Согласен, — уныло вздохнул подчинённый. — И мне вот что не до конца понятно. Ждать ли третьего? И если да, растолкуй мне, как начальник: рассчитывает ли наша кафедра

на вооруженные силы в принципе, как на источник правового иммунитета? Или будет, как обычно? «Вы держитесь, отбивайтесь. Если отобьетесь — молодцы. Но если вдруг чего-то не то, то мы вас…!»

— Нашёл, о чём спрашивать, — насмешливо фыркнул Блекстер. — Ты лучше скажи, как монстр прикладной методики. Чего они с такими дровами, как у тебя в записи, на такую задачу полезли?

— Знаешь, я успел подумать об этом. Пока ехал. — Бак слез со стола начальника и вернулся к окну.

В самую первую минуту общения, закрыв изнутри двери кафедры на все возможные замки с разрешения шефа, он первым делом сбросил тому запись от своего соискателя.

— У меня есть только одно логическое этому объяснение…

Куратор непритворно задумался и замолчал.

Полковник, подождав секунд десять, продублировал свой вопрос:

— Почему именно эта модификация овода? Это же дрова позапрошлого века? Неужели они лезли к нам, на серьёзный объект, подставляясь сразу под такую кучу статей — и им зажали нормальную снарягу?!

— Самое первое, что просится в голову, это надёжность, — не согласился старший преподаватель. — В отличие от прочих комплексов, несмотря на очевидные минусы, у этого есть один непобедимый плюс: он прост, как молоток. Примерно так же безотказен. Из строя не выводится ни при падении, ни при перегреве, ни при переохлаждении. Как и при всех остальных пертурбациях, которые теоретически могли приключиться и с исполнителем, и с прибором на территории нашего заведения. Где одарённых среди учащихся — десять из десяти. И можно нарваться даже на полноценную плазму в исполнении третьего курса.

Полковник видел, что Бак может сказать что-то ещё, оттого требовательно смотрел на товарища.

— Есть ещё момент… — продолжил куратор. — Может, они от себя работают? Что было под рукой, то и взяли? Из неподотчётного?

— Вот я именно на это тебе и хотел намекнуть, — хмуро кивнул начальник. — У меня вообще нет и никогда не было предчувствия. Но именно сейчас оно вопит, как резаное: это чистой воды самодеятельность! Я вчера сразу не понял впопыхах; а сейчас с тобой, вспоминая и интонации, и подстрочник, уверен на все сто! Нифига это не санкционированные действия.

Бак вздохнул:

— Только с правовой точки зрения, в нашей с тобой ситуации это всё равно ничего не меняет. В свете меморандума местного муниципалитета, у всех нас без исключения связаны руки. — Офицер явно имел в виду усреднённых федералов.

— Что, даже не попробуем прикрыть пацана?

— Почему не попробуем? Попробуем… Но мы всё время опаздываем. Клянусь, я ломаю голову, не отрываясь! У меня хороших решений пока не просматривается. А судя по сегодняшнему утреннему пассажу, я шага на три отстаю в анализе от той стороны. — Подполковник стоял спиной, но выражение его лица угадывалось даже с такого ракурса.

— Хреново отдавать команду «огонь», если не распределены сектора и не обозначены ориентиры, — отстранённо согласился заведующий кафедрой.

_____

Разговор двух неустановленных абонентов.

— Доброе утро.

— Добрее бывало…

— Вы узнали меня?

— Ближе к делу. — Немолодой мужчина, шагающий по территории Корпуса, не стал активировать голографический режим, поскольку его собеседник разговаривал втёмную.

— Вы уже в курсе о происшествии в вашем заведении?

— Что стряслось? — идущий явно напрягся.

— Вы ещё не на месте… — понятливо констатировали на том конце. — Как дойдёте до кабинета, в сводке будет происшествие. У меня просьба. На наш труп не обращайте внимания, пусть работает военная прокуратура. Просто спустите на тормозах.

— Бл#дь!..

— Но пострадавшего мальчика, пожалуйста, посетите в этом вашем лазарете срочно. Это же не является отклонением от привычных процедур? Мне нужно знать как можно скорее его клиническую картину и текущее состояние. Больше ничего. Не слишком тяжёлая задача для будущего пенсионера от безопасности?

— А ваших возможностей не хватает? — съязвил уже почти бегущий вприпрыжку человек.

— Медсектор переведён в первый режим, внешние сообщения отрезаны. — Не принял остроты собеседник. — Со своей стороны, обещаю забыть о вас и больше никогда не тревожить…

— Даже если вас будут резать на части! — перебил пожилой.

— Я сам вас наберу через сорок минут.

_____

Анна едва успела.

После разговора с куратором своего товарища, она начала уверенно подозревать: такие грандиозные вещи на территории Корпуса без ведома федералов происходить не могут.

Прямо сейчас, пусть и косвенно, наследница юридического клана получила тому почти материальное подтверждение. И пусть для доказательной базы в суде считанного ею между строк будет недостаточно, так здесь ведь и не суд.

А в свете последних меморандумов муниципальной Ассамблеи, представительнице семьи Хаас никакие разрешения не были нужны для того, чтобы занять ту позицию, которую она сейчас собиралась транслировать.

— Вы не подойдёте к нашему доверителю до тех пор, пока у вас не будет соответствующим образом заверенной бумаги от Ассамблеи кланов. — Чётко и холодно сказала маленькая светловолосая третьекурсница, преграждая штатному безопаснику Корпуса вход в помещение.

— Девочка, ты в своём уме?! — изумился немолодой мужчина, широко раскрывая глаза.

— Не совершайте повторно одну и ту же ошибку. — Невысокая и субтильная блондинка без помпезности и буднично активировала какой-то специальный режим коммуникатора ВАРВАР.

Стоившего больше полугодовой зарплаты стоявшего перед ней уже пожилого офицера.

— Я, Анна Хаас, законный представитель находящегося внутри… наблюдаю попытку нарушения муниципального меморандума от… пытающийся незаконно проникнуть в помещение, где находится недееспособный доверитель клана Хаас, знаком мне лично и является федеральным служащим, чьи полномочия на территории Муниципалитета в настоящее время являются недействительными…

Поживший и немало повидавший, наполовину пенсионер сейчас отлично понимал, что чувствует тигр в клетке.

Девка тупо гнула свою линию, по полной используя преимущества недавно возникшего и временного (будем надеяться) правового коллапса.

Сдаться в такой ситуации было не просто унизительно, а и решительно невозможно.

Мужчина досадливо крякнул и, прикрыв глаза на всякий

случай, уверенно сделал шаг вперёд.

Пахнувший в лицо жар, казалось, опалил кончики ресниц и волос.

— С ума сошла?! — шустро отпрыгнул назад мужчина. — Да я тебя щас…!

— Ещё одно ваше движение — и я вызову физзащиту своего клана. — Бестрепетно парировала пигалица. — Будете потом им объяснять и о ваших намерениях, и о федеральных полномочиях, которые недействительны. Без бумаги Ассамблеи к нашему доверителю вы не подойдёте. По крайней мере, пока я в сознании и жива, не подойдёте, — прикинув что-то, добавила девочка. — Тем более что мы сейчас готовим расширение иска о вашей преступной бездеятельности. У юридического представителя Алекса Алекса есть основания полагать предумышленную злонамеренность федерального правительства. Данное довожу до вас официально, как до одного из ответчиков по этому иску. — Она покосилась на видеофиксатор и продолжила. — На всякий случай: лично против вас будет возбуждено сразу два производства. И как против должностного лица, допустившего халатность на вверенной территории; и личный иск, на основании некомпетентности и злонамеренности.

— Твою ж мать… — пожилой мужчина растерянно отошёл в сторону, лихорадочно думая, что бы такое предпринять.

Ни для кого не секрет: когда Столица договаривается с такими вот муниципалами, в качестве жертвенных пешек чаще всего выступают именно федеральные служащие, которыми не жалко пожертвовать.

Например, пенсионеры. Со всех сторон являющиеся отработанным материалом, который повторно не используешь. Ещё и на пенсии экономия.

_____

Там же, через тридцать пять минут.

— Вы выяснили то, что я просил?

— ИДИТЕ ВЫ НА#УЙ СО СВОИМИ ПРОСЬБАМИ!..

_____

Ещё через минуту.

«Данный абонент не может быть вызван иначе как через муниципальную программу связи. Приносим извинения за доставленные неудобства. Федеральные каналы связи в этом секторе временно недоступны. Пожалуйста, обратитесь к своему поставщику услуг»

Глава 3

Когда каталки заруливают в медсектор, двое здоровяков быстрыми и точными движениями перекидывают нас в две стоящие рядом реанимационные капсулы.

Камила мажет нечитаемым взглядом по Жойс и оставляет её капсулу без внимания.

Воткнув в моё тело полтора десятка каких-то иголок, от пяток до макушки, она дальше бросается к монитору и уподобляется весеннему дятлу, выбивая неповторимые трели на клавиатуре.

Я вижу, что благодаря этим иголкам через тонких шланги мне впрыскиваются какие-то растворы, это во-первых. Параллельно, вторая функция — подача телеметрии от моего организма на медицинский компьютер.

— *О, грамотная техника,* — подает голос Алекс. — *Можно сказать, умная.*

И я слышу, что он значительно повеселел.

— *Не то чтобы прямой антидот,* — продолжает он, — *но похоже, что ориентировано именно на этот тип инвазии*.

Мне неохота расспрашивать его о деталях, потому что я и по общему своему самочувствию чувствую: кризис миновал и печальный исход лично мне уже не страшен.

Камила, видимо, придерживается совсем другого мнения. Глядя на экран, она хмурится всё больше и больше; а выбиваемые ею пассажи становятся отрывистые и длиннее.

— Камила, мой чип говорит мне, что ты впрыснула то, что надо. Вроде бы кризис миновал. Чего у тебя рожа хмурая?

Плюс общения с близкими людьми состоит в том, что можно не выбирать специально слов и формулировок.

— Отгадай с трёх раз? — огрызается она. — Оттого и хмурая, что страшно. Если верить компу, то ты не просто легко соскочил. Считай, отделался чем-то типа лёгкого насморка. Вот разбираюсь, как такое возможно…

— У меня ресурсы чипа несоизмеримы с обычными. Я, пока к тебе ехал, начал введённые добавки вручную нейтрализовывать.

— Не п#зди под руку. — Резко отвечает она. — Если бы это было так просто и зависело от внутренних резервов организма, овод не был бы оводом. Невежество рождает необычайную смелость суждениях. А ты, кажется, даже не санитар. Овод распространяется перневрально и является боевым средством… — следующую минуту она объясняет мне фармакодинамику, фармакокинетику, механику, физику процесса и ещё кучу всякой ненужной теории.

Она уже упоминала раньше, что эта теория не является открытой и доступной информацией в Федерации.

То, что она сообщает, я уже знаю и от Алекса — он посвятил меня за последние пару минут.

Наверное, даже железной доктору Карвальо иногда надо просто высказаться. Сейчас именно такой случай, потому молча слушаю всё, что она говорит.

Отвечая на её вопросы о самочувствии, о количестве её пальцев у меня перед носом и об ощущениях в голове, я деликатно обхожу момент наличия независимого интеллекта в моём чипе. Как и то, что его протоколы лечения могут вообще не иметь аналогов у нас.

На душе пусто, тоскливо и паскудно.

Стараюсь отгонять маячащую на заднем плане депрессию, потому что стоит только начать жалеть себя — и всё. Сливай воду.

— Камила, займись Жойс, — вкладываю в голос как можно больше тех эмоций, которые испытываю.

Наша бравая капитан вздрагивает, как от удара хлыстом.

— Не хорони её раньше времени. — Не знаю зачем, но продолжаю настаивать.

— Тут речь не о «раньше времени». Тут речь совсем о другом… — внезапно доктор Карвальо всхлипывает и раздражается каким-то старческим бабским рыданием.

Пару мгновений она просто воет навзрыд, затем берёт себя в руки.

— Камила, у неё бьётся сердце. Я это слышу и чувствую. Пожалуйста, не дай уйти её витальным функциям.

— Тебе знакомо понятие агонии? Если что, агония бывает очень разной. — Она высмаркивается в бумажную салфетку и, скомкав белый квадратик, отправляет его точно в мусорку у противоположной стены.

— Ты надо мной сейчас поиздеваться решила? — начинаю закипать. — Тебе так трудно сделать то, что надо?! НЕ ТЯНИ ВРЕМЯ!

К сожалению, несмотря на улучшение, моё общее состояние ещё очень далеко от идеального.

— Я тебя чуть гормонально поддержал, — признаётся сосед. *— Если б не я, ты б чувствовал себя хуже. Я кое-какие пики сгладил. Но сейчас выкарабкиваемся.*

Следующие секунд десять мы с Карвальо орём друг на друга.

По прошествии их, подсоединив и Жойс к реаниматору, Камила тяжело вздыхает:

— Ну сделала я, как ты просил, А дальше что?

— Её сердце бьётся. Она лежит в реанимационной капсуле. Если засбоит её дыхательная функция, насколько я понимаю, эта капсула и лёгкие ей будет вентилировать. Правильно?

— Правильно, но что толку? Овощ он овощ и есть. Коротышка, поверь врачу со стажем. — Камила не прекращает всхлипывать и пялиться в свой экран. — Или у них со снаряжением зарядов что-то не то было? — недоумевает она сквозь слёзы. — Может, ей досталась двойная порция? А тебе остатки? Да ну, чушь… не бывает так, — она поднимает глаза на меня. — Знаешь, ты особо в своей капсуле не ёрзай! Когда кажется, что всё идёт гораздо лучше, чем должно быть по правилам, это часто является сигналом того, что всё очень хреново на самом деле!.

— Моё состояние ты что, на стресс сейчас списываешь? — нехотя пожимаю печами.

Не знаю, что за телеметрия ей идёт от вставленных в меня иголок, но у меня свой экран перед глазами, во внутреннем пространстве. На нём количество активных нано-хреновин в моём организме стремительно уменьшается. Мозга они, кстати, тоже не достигли из-за какой-то примочки Алекса с гемато-энцефалическим барьером.

Алекс постепенно отпускает какую-то блокаду моих ощущений, потому состояние ощущается, как под танк попал. Но это, по его словам, самые что ни на есть остаточные явления.

— Нет, не стресс, — соглашается тем временем Карвальо. — Если тебе полагается быть трупом, то за счёт шока на этом свете ещё никто не удержался. Хотя бы и она, — кивок в сторону Жойс и ещё один каскад рыданий. — У тебя иммунная система каким-то образом воспринимает инвазию, как инфекцию. И почему-то нереально быстро реагирует… странно…

— Ханьская медицинская искра, не забывай. — Пожимаю плечами. — И прекрати мазать сопли по столу… Камила, смотри. С технической точки зрения, Жойс жива. Я слышу, что у неё бьётся сердце и поддерживается дыхание. Причём самопроизвольно. Можешь мне пояснить на пальцах, что вообще произошло? Какие процессы надо откатить назад, чтоб …? — я не договариваю, но Карвальо и так понимает меня правильно.

Вздохнув, она начинает свои пояснения, перемежающиеся ремарками Алекса по внутренней связи.

****

— Как насчёт небольшого сотрудничества? — Чоу буквально ворвалась в ангар Фельзенштейна, пользуясь кое-какими незадекларированные возможностями управляющей Компании на территории.

— Как ты сюда попала?! — искренне изумился в ответ израильтянин, разворачиваясь к ней навстречу во вращающемся кресле. — Сюда же местным входа нет, включая даже очень серьезных людей?!

— Армии хода нет, прочим федералам тоже нет. И муниципалам тоже нет, — покладисто согласилась китаянка. — А управляющей компании очень даже есть. Пожалуйста, давай не будем тратить времени на дурацкие споры? Ты заметил, что я сейчас не истерю, не ругаюсь?

— Это-то и пугает, — вздохнул Моше, разворачиваясь обратно к экранам.

— Я всё же неплохой специалист и в ряде процессов понимаю не хуже тебя, — констатировала хань в затылок Фельзенштейну, подходя сзади вплотную. — Я ни за что не поверю, что представители двух древних народов не смогут договориться между собой в одной простенькой ситуации. В которой их интересы не то чтобы не пересекались, скорее, наверняка друг другу не противоречат.

— Что ты можешь знать о моих интересах? — повторно удивился Моше, уже через плечо, не оборачиваясь.

— Мне нет дела ни до каких твоих интересов, — примирительно подняла вверх пустые ладони Чоу. Затем, подумав мгновение, положила их на плечи израильтянину. — Но я же вижу, что мальчишка и тебе не безразличен.

— А может, у меня на него собственные коварные планы, — уязвленно огрызнулся Фельзенштейн.

— Мне нет дела до твоих планов, — мягко повторила китаянка. — Сейчас предлагаю на некоторое время всего лишь объединить усилия, если мы оба хотим видеть его в относительной целости хотя бы завтра.

— А ему что-то угрожает? — неподдельно озадачился Моше.

— В принципе, логичный вопрос. У тебя же нет допуска к сводкам по территории, — не удержалась от шпильки хань. — Смотри на экран. — Она откатила израильтянина в сторону вместе с креслом и, склонившись над его персональным терминалом, выбила длинную последовательность цифр по его клавиатуре.

****

Представитель безопасности на территории Корпуса задумчиво шагал по одной из аллей. Он абсолютно не переживал по поводу размолвок с неизвестным «доброжелателем», поскольку был слишком для этого стар и опытен.

Еще лет пятнадцать — двадцать назад он бы, вероятно, бросился сломя голову выполнять пожелания неизвестного

доброхота. Молодые всегда падки на лесть и наивны: в надежде на неизвестные бонусы, другой бы на его месте выложился на все сто.

И никогда не узнал бы, что такие, как он, в играх Столицы на территориях всегда проходят по разряду одноразовых инструментов. Благодарность к которым не входит в сметы, выделяемые на негласный аппарат.

Странно, что на такой дешевый трюк пытались подловить именно его. Но с учётом обстоятельств, все накладки можно было списать на вопиющую некомпетентность той стороны либо на их фатальное невезение. Всё-таки, второй труп за пару дней — это перебор. Ещё и на фоне инициированной местным муниципалитетом кампании по дискредитации Федеральной легитимности.

Неожиданно комм офицера принудительно активировался, установив связь в этот раз со вполне реальным тридцати пяти — сорокалетним человеком; подтянутым, светловолосым и, кажется, высоким.

Поскольку собеседник сидел, о его физических кондициях можно было только догадываться.

— Вы уже справились со своими нервами? — чуть насмешливо и почти вежливо спросил вызывающий, словно ничего и не было.

— Да. Кстати, у меня поводов нервничать значительно меньше, чем у вас, — глумливо хохотнул безопасник.

Он уже успел связаться со знакомыми в одном из местных кланов, где собирался осесть на пенсии. Те заверили его в своей полной поддержке и навскидку набросали сразу три варианта выведения его из-под удара репрессивной машины муниципального юридического клана номер один.

— Я бы не был столь категоричен на вашем месте, — неуступчиво сделал акцент на неприятном столичный хлыщ. — И вдогонку: зачем вы пытаетесь от меня скрыться?! Если мне понадобится, я смогу с вами пообщаться при любом сценарии.

— Любой даже полицейский опер первого года службы знает: если тебе угрожает противоположная сторона стола, значит, у неё ничего на тебя нет. Значит, логических аргументов либо доказательной базы у твоего собеседника по нулям и сказать ему ничего. — Безопасник перевел взгляд с кипариса, на который демонстративно пялился последние пять секунд, снисходительно посмотрев на собеседника. — Знаете, есть ещё одно правило, мне его внук рассказал после шахматной секции. Если у тебя проигрышная позиция в шахматах и мозгами выиграть не вариант, нужно как можно сильнее пугать того, с кем играешь. Нужно создавать эмоциональную угрозу, даже если это и нереально. Когда человек испуган, индекс его аналитической производительности

снижается что ли на шестьдесят процентов. — Без пяти минут пенсионер смотрел на более молодого мужчину спокойно, безмятежно и бестрепетно. — А с федеральный линии я ушёл специально, чтобы проверить ваши допуски и компетентность. Судя по тому, что вы не можете справиться с бездомным клошаром, раз за разом задействуя далеко не последние по потенциалу ресурсы, я сильно сомневаюсь: стоит ли вообще с вами связываться.

— Разбирательства и исков уже не боитесь? Перспектива оказаться в Квадрате вас совсем не пугает? — молодой не сдавался, насмешливо поднял бровь.

— Давайте не будем парить друг другу мозги, — устало предложил безопасник. — Я не отказываюсь с вами поработать. Но это сотрудничество должно быть безопасным для меня и выгодным нам обоим. Пока же я вижу, что у вас неплохие доступы к документам и каналам коммуникации; но абсолютно никакие оперативные возможности в данной обстановке и на данной территории. И вы сейчас пытаетесь остротой мозга, — насмешливая и пренебрежительная улыбка вышла эталонно, — скомпенсировать отсутствие у вас твердого кулака. Необходимого вам здесь и сейчас. Уже молчу о том, какие задачи вам поставлены и насколько они легитимны. Достаточно откровенно?

— Кажется, вы в курсе моих проблем не хуже, чем я сам, — неожиданно сдал назад столичный.

— Опыт не пропьешь, — покровительственно кивнул безопасник. — А я всё-таки без пяти минут пенсионер. Кстати, если бы я был на вашем месте, я бы отступил от инструкции и выбрал бы, что мне дороже: соответствовать неизвестно кем придуманым требованиям? Или решить задачу любой ценой?

— Вы хотите предложить что-то конкретное? — оживился инициатор разговора.

— Не раньше, чем вы однозначно подтвердите, что с «кулаками» у вас напряжёнка. А также сообщите, какие именно задачи не решил подорвавшийся на крыше труп и этот, который сегодня подхватил респираторное заболевание, — безопасник откровенно насмехался.

— Я очень внимательно вас слушаю. — Столичный не мигая смотрел водянистыми рыбными глазами.

— Я не хочу сказать, что вы абсолютно не владеете оперативной обстановкой, хотя оно местами имеет место… Ваша проблема в том, что вы смотрите со стороны, а не изнутри Корпуса. — Офицер сделал паузу, насмешливо глядя на голограмму.

— Продолжайте.

— Та задача, которую вы сами себе нарисовали — заметьте, я

только догадываюсь и не хочу ничего говорить вслух — легко решается при помощи местных ресурсов, внутри Корпуса. Более того: ваша задача, если я верно её расшифровал, совпадает с устремлениями доброго десятка даже не фигурантов, а вполне себе организованных структур. Только муниципального масштаба, не Федерального.

— У пацана есть враги на месте? — звонивший не стал ходить вокруг да около и включился в разговор откровенно. — Причём, влиятельные достаточно, чтоб решить попутно и нашу задачу?

— Если я правильно понимаю, откуда вы сейчас звоните, то переключение с глобального масштаба на мелкий в вашей конторе всегда проходило с трудом, не примите на свой счёт. — Уклончиво сформулировал безопасник.

И молча задержал веки опущенными чуть дольше обычного.

— Если вы о местных муниципальных кланах, то это не просто не наш уровень. Это вообще не наша юрисдикция. — Сдержанно подтвердил рыбий глаз.

— Ну тогда я вас вообще не понимаю, — искренне удивился офицер. — Что до меня, то это с точностью до наоборот моя и компетенция, и юрисдикция. Логичен вопрос: почему бы вам, вместо этих танцев с бубном, не попросить меня в лоб о поддержке кулаками? Тем более что они в нашем случае могут быть и заёмные? И по нашей с вами официальной отчётности не никаким образом не проходят? Что не умаляет их эффективности…

— Что конкретно вы можете предложить?

— А вот это уже конструктивный разговор, — поощрительно прикрыл глаза безопасник и потёр руки. — Но сперва давайте всё же обсудим, что лично я с этого буду иметь. Пенсия как никогда близка, а шестьдесят процентов оклада на ней мне будет мало: я буду очень скучать по оставшимся сорока…

_____

Один из анонимных чатов Корпуса.

###: То, о чём вы спрашивали меня в своё время, может оказаться реальным сегодня. Если вы по-прежнему заинтересованы в получении дополнительной информации по последней теме, которую мы обсуждали, встречаемся в известном вам месте через 15 минут.

Sayara: *+* ***0_0*** *Бегу, сейчас буду!*

* * *

Хорошие возможности выпадают нечасто. Исфахани это

знала всегда.

Также, она понимала, что вдвойне обидно бывает ***п о т о м*** *, если вдруг тебе выпал отличный шанс — а реализовать его не сумел ты сам.*

Будешь потом костерить себя последними словами и называть неудачником, но уникального сочетания факторов уже не воротишь. Можешь лишь кусать локти, вместо того, чтобы наслаждаться триумфом.

Она не была бы собой, если бы оставляла за спиной неоплаченные долги, чем бы они ни были.

С самой первой недели пребывания в Корпусе, она старательно искала точки опоры. Тогда же, она очень грамотно просчитала: местный представитель безопасности не сегодня-завтра уйдёт на пенсию. Если согласиться на отношения с ним (которые он открыто предложил наедине), но лично, а не официально — то нелицеприятные эпизоды её биографии канут в лету вместе с его уходом на пенсию.

Если совсем откровенно, то ей приходилось оказывать ему периодически и достаточно деликатные услуги, а не только делиться информацией. Какой-никакой, он всё же был мужик. Говоря прагматично, изредка встаёт и у него, и что-то с этим деду делать было надо. А тут как раз возможность, молодая и красивая, почти модель… Ещё и, считай, бесправная иностранка — то есть, жаловаться и стучать начальству не побежит в любом случае.

Зато он её подолгу вообще не мучил, отстреливался быстро и она всегда была в курсе всего, что воспринимала в Корпусе на свой счёт. Симбиоз, мать его.

Кто бы что ни говорил, но миром правит информация. Мужики же часто дают доступ к ней посторонним, основываясь ну никак не на логике. Не был исключением и этот гормонально активный (время от времени) дедушка.

Справедливости ради, отношения между ними впоследствии сложились хоть и деловые, но не без симпатии с каждой из сторон.

Его симпатия в её адрес базировалась на понятно какой основе — где б он ещё получал такие услуги, в таком исполнении, да бесплатно.

А её хорошее отношение к нему возникло со временем оттого, что на все её вопросы, включая самые деликатные, он всегда давал максимально развернутые ответы. Когда она поняла, что он не держит от неё секретов в моментах, её касающихся, она искренне зауважала его. Ведь должностью старикашка периодически рисковал, болтая с ней языком явно больше положенного.

Она не обольщалась насчёт того, что он испытывает к ней

какие-то чувства. Да даже если бы и, ну и что? Подумаешь… Нет, она была лишь удобным инструментом, причём весьма деликатного характера — для целей, о которых на каждом углу орать не будешь. Особенно если ты в преклонном возрасте, давно семьянин и избегаешь компрометирующих связей.

Посчитаться же с уродом Алексом было не просто вопросом её желания. По ряду моментов, это было залогом её успешного функционирования в будущем. Когда необходимость отомстить ему любой ценой встала остро, Саяра без колебаний пошла с этим к безопаснику.

И не прогадала. Он, как водится, золотых гор не обещал, но при случае грозился сориентировать.

А сейчас, кажется, настал именно такой момент.

_____

Исфахани быстро вошла в известное ей помещение в административном здании, в пустующем крыле, где они периодически и встречались.

Её уже ждали.

К удивлению Саяры, о тактильных удовольствиях в этот раз старикашка вообще не заикнулся.

— Возможность, о которой ты просила. Есть сегодня. — Врубил он в лоб и без предисловий. — Он здорово ранен, по ряду моментов не в ресурсе и серьёзной опасности не представляет…

_____

Чуть позже. Разговор двух неустановленных абонентов.

###: Я оформил вашу просьбу только что. Ситуация заряжена. Ожидаю результата до вечера.

###1: Правда можем рассчитывать на результат так быстро? — человек не скрывает эмоций, демонстрируя явную заинтересованность. — Кажется, мне пора начинать верить в бога, если всё так.

###: Более чем. В результат верим с обеих сторон. Там очень серьёзные охотники, кровно заинтересованные в нашем с вами результате. Плюс, на их стороне выступает тот из егерей, которому тоже позарез нужен такой же итог. Просто карта легла удачно. Мелкая шавка им не противник.

###1: У нас есть собственный печальный опыт с объектом. — В голосе говорящего явно проступает беспокойство. — Не сочтите меня перестраховщиком, но … мы уверены?

###: А мы с вами ничего не теряем в любом случае. Результат или будет в течение пары часов — или будем думать дальше. Мы к нему не имеем никакого отношения. Говоря формально.

###1: Кстати, если у вас возникли какие-то расходы, то…

###: НЕТ! Пока никаких расходов, инвестировали лишь имеющееся понимание обстановки в заведении, хе-хе. И загодя подготовленные контакты. Ждём результат. На связи.

###1: На связи. Удачи.

Глава 4

Какое-то время проходит в бессмысленной пикировке с Камилой.

Я чётко вижу, что ключевые витальные функции Жойс ещё исполняются. Причём, если говорить о сердцебиении и дыхании, они поддерживаются самопроизвольно, а не принудительно.

Камила же, вместо чётких ответов на мои вопросы, размазывает сопли по столу и отнекивается односложными фразами типа «не лезь не в своё дело» и «посыплются органы, включая мозг».

Странно. Мне с занимаемого места многого не видать, но определённую активность чувствую даже отсюда.

Попытки надавить на нашу врача ни к чему не приводят, так как она ещё больше замыкается и вот-вот взорвётся.

Вижу по ней: она искренне считает, что Жойс больше не жилец. Хорошо, хоть реаниматор работает автоматически.

Алекс, в ответ на мою бомбардировку вопросами во внутреннем пространстве, тоже отмахивается и не говорит ничего конкретного. Правда, в отличие от Камилы, он хотя бы кратко упомянул о разнице научных подходов. Дескать, я мыслю категориями Чоу и искры хань; а Камила и он сам — совсем другими категориями. Какой-то там «доказательной медицины, которая…».

Взгляд на одну и ту же проблему с разных сторон, если верить Алексу, может здорово различаться.

С другой стороны, одну разумную вещь сосед только что родил, частично примирив меня с ситуацией. Реанимация к Жойс подключена по высшему разряду. Её статусом военнослужащей все расходы и процедуры в любом военном медицинском заведении покрываются автоматически (это я и сам знаю, из занятий в Корпусе).

Судя по молчанию капсулы, в которой лежит сержант, ухудшения не происходит и её состояние вроде как стабилизировано (хотя и вопрос, на каком уровне).

Если бы было иначе — в этом режиме госпиталя капсула бы уже орала, как резаная, всеми зуммерами, и требовала бы вмешательства врача (с режимом больницы Алекс почему-то принялся разбираться в первую очередь и преуспел).

Несмотря на моё категорическое нежелание видеть кого-либо рядом сейчас, медсектор вскоре начинает напоминать проходной двор.

Вначале прибегает Анна. Проявив несвойственную ей обычно тактичность, она деликатно выясняет мой градус настроения и тут же испаряется.

Но далеко, оказывается, дочь юридического клана не уходит.

Камила, активировав какой-то специальный госпитальный режим, буквально через минуту вместе со мной рассеяно наблюдает на большом настенном мониторе, как Хаас с порога разворачивает местного безопасника. Тот за каким-то лядом тоже рвался сюда, причём кроме меня других пациентов сейчас здесь нет.

Хаас какое-то время пикируется с ним. Затем, предусмотрительно разорвав дистанцию, чтоб иметь больше манёвра, всерьёз угрожает тому искрой.

Спасибо, что тут ещё скажешь. Не знал, что беспокойство кого-либо о тебе может быть настолько приятным. Какое-то время развлекаюсь и отвлекаюсь тем, что пытаюсь придумать, что бы такое приятное сделать для неё. Юридические коллизии коллизиями, но не пустить безопасника внутрь — это в любом случае мощно. Она реально собиралась его зажарить, было видно по ней.

Как на зло, ничего искромётного в качестве приятного сюрприза в её адрес в голову не лезет.

Затем мне пару раз звонит Бак, но ему с моего комма отвечает сама Карвальо: я на процедурах, лично ответить не могу, всё очень серьёзно, сказать она пока ничего не может, и вообще. Хотите справку о его недееспособности письменно? Будет. С открытой датой, поскольку … смотрите выше. Кстати, применение техники такого плана уже зафиксировано военным госпиталем автоматически и в гости следует ждать как минимум ещё и военную прокуратуру. Всё же, мы на территории Федерации. А не в диких пампасах. Она лично надеется, что куратор пострадавшего и кафедра очень хорошо знают, что армии надлежит делать в такой ситуации. Она же, в свою очередь, уже известила своего непосредственного начальника, который применение специальных средств по военно-причастным в зоне своей ответственности просто так не оставит. Включая родственные связи и ветеранскую организацию, ибо правила игры.

Вслед за Баком, уже не на мой комм, саму Камилу лично набрал заведующий кафедрой. С ним она была ещё менее любезна и вообще прооралась: в медсекторе активирован какой-то первый режим и все попытки внести разлад будут расцениваться как сознательные намерения расстроить работу военного госпиталя, со всеми вытекающими.

Заведующий кафедрой моментально сдал назад и лишь поинтересовался, когда он сможет задать мне пяток невинных вопросов. Можно удалённо. Важно прежде всего для меня и кафедры, а не для галочки.

Камила на этом этапе смягчилась и предположила, что через несколько часов я уже сам смогу заявиться на кафедру, хоть и инкогнито. Типа, при таком типе поражений мне полагается пластом лежать не один месяц, и то без гарантии. То, что я двигаюсь и соображаю, находясь в сознании, не моя заслуга. Это какая-то странная мутация, на которую протоколы лечения не рассчитаны.

Вслед за моим кафедральным начальством зазвонил комм самой Камилы. Поговорив буквально несколько секунд, она хлопнула аппарат на тумбочку рядом со мной, активировала голографический режим и сказала хмуро:

— Общайтесь.

А сама, тут же всхлипнув по новой, исчезла в направлении коридора. Откуда ещё минуту доносились оглушительные (в моём нынешнем состоянии) звуки того, как на отсмаркивается.

— *Единичка, я в курсе твоих проблем.* — Без предисловий начала Чоу, связавшаяся со мной почему-то через капитана Карвальо. Впрочем, она тут же пояснила этот момент. — *Я вижу, что в медсектор сейчас не попадёшь: это отражается на терминале управляющей Компании. Потому позвонила так. Хочу тебе сказать: не сдавайся. Я знаю, ты сможешь справиться. Ситуация может казаться безнадёжной, но иногда и надо всего лишь не падать духом.*

— *Странно сейчас слышать именно тебя. Ещё и с таким текстом.* — Отвечаю, чуть помолчав. — *И не могу сказать, что я этому рад. Извини. Это всё? Мне сейчас не хочется разговаривать и есть о чём подумать.*

— *Это всё. Тебе Моше привет передаёт,* — зачем-то добавляет она, проводя камерой по узнаваемым очертаниям ангара израильтянина. И по нему самому.

Затем соединение разрывается.

Интересно, что это сейчас было?

****

Вечер того же дня.

«Привет, Коротышка.

Если ты это всё читаешь либо слушаешь, значит, меня уже нет. Я предусмотрительно оставила на всякий случай распоряжения федеральному нотариусу, точно такие же копии есть и у муниципального. Их тебе доставят позже, это будет

точно такое же письмо. Хотя, блин, по факту это и завещание.

У меня есть свой дом, который теперь полностью твой. По идее, документы на дом тебе передаст этот же человек. На самом деле, там всего лишь выписка из федерального резерва, но «документы на дом» — звучит солидно, хе-хе. Владей! Для подтверждения твоих прав хватает только твоей биометрии.

Весь товар и бабки в торговой сети теперь тоже твои. Считай это моим подарком… Слава яйцам, ты почти полностью в курсе всех дел, да и стандартизацию сети придумал ты, так что, даст бог, справишься.

Ну а если нет — просто слей всё крупным оптом вот по этим каналам (список), и вырученных денег лично тебе на много лет хватит. Особенно если будешь тратить меньше трёх сотен монет в месяц, как ты и делаешь, когда без меня живёшь, хе-хе.

Алекс, есть одно важное дело. Я тебе раньше не говорила, оно не только моё потому что было… Но сейчас вместо меня остаёшься ты. Потому прошу теперь тебя.

В колониях есть провинция… там, на новых территориях, кое с кем на паях я затеяла выращивание нового сорта табака, плюс собственное нормальное производство.

Мне это уже безразлично, но многие люди сорвались с мест и ждут запуска. У тех крестьян вообще не особо много надежды в жизни, так что новый агрокомплекс с переработкой — их единственный шанс.

Пожалуйста, прими всё в свои руки. Документы на земельные участки, там типа кооператива собственников, спросишь вот у этого человека… банковские счета совместного предприятия пока пустые, но на них надо сбросить выручку из розницы — этого должно хватит для начала.

Извини, пора бежать.

PS Теперь можешь трахнуть, наконец, Карвальо, я разрешаю. Хе-х, если она даст. Я, кстати, видела, какими глазами ты на неё периодически пялишься. Сейчас я улыбаюсь: я заценила твои волевые усилия и как ты старательно обходил её по дуге, когда она голая рассекает в твоём присутствии.

Мне уже всё равно, действуй. И не вешай нос. Жизнь не заканчивается.

Целую напоследок.

Твоя сержант двести тринадцатого отдельного колониального батальона

Жойс Паола Кайшета

Дата, подпись.

Примечание: подпись и дееспособность лица заявителя удостоверяю согласно… федеральный нотариус… номер

лицензии…»

Завещание Жойс принёс и озвучил Федеральный нотариус в сопровождении каких-то чинов военной прокуратуры. Для этого он поставил на воспроизведение специальную одноразовую таблетку, которые в ходу именно в юстиции, исключительно для этих целей.

Несложный аппаратик размером с ноготь имеет единственное назначение и транслирует одновременно как текст, так и видео.

На видео она была жизнерадостной и было понятно, что всерьёз эту свою собственную эскападу она не воспринимает.

Перед таблеткой, мне был вручен акт, по которому вся эта кавалерия присутствует при вскрытии и получает право ознакомиться с содержанием.

Я пытался возразить, что это очень личное. Безрезультатно.

Я сейчас в прямом смысле прикован к капсуле, заменяющей кровать. Фиксация включает специальные аналоги браслетов для рук и ног.

Наверное, я бы попытался освободиться, исключительно чтоб съездить пару раз по морде пришедшим (терять всё равно особо нечего), но я сейчас не в самой лучшей форме и уверенно смогу вырвать с мясом только один браслет из четырёх.

Остальные три меня наверняка удержат на какое-то время. Это если не считать поступающих через маленькие трубочки препаратов.

В ответ на мою мимику, стоящий позади делегации военных юристов Бак очень яркой пантомимой показывает, чтоб я не ерепенился.

Чуть подумав, соглашаюсь с ним. И в самом деле, есть масса способов прочесть письмо, даже не вскрывая конверта. Как и скопировать содержимое этой таблетки на иной носитель, чтоб воспроизвести его без помех.

Так что, всё происходящее, видимо, банальная часть какого-то непонятного мне пока спектакля.

Логических причин возражать против группового ознакомления с завещанием, при ближайшем рассмотрении, действительно нет.

Только эмоции. А от их прилюдной демонстрации меня сейчас очень просит воздержаться куратор, язык бесшумных жестов которого я отчего-то полностью понимаю.

Ладно. Как бы ни было, мы с одной кафедры. Какие-то общие задачи и желания нас всё же связывают.

———

Несколько часов назад Камила, сверившись с каким-то

электронным сообщением, сообщила, что по факту применения овода мы ждём кого-то из соответствующей юстиции. Это вроде как стандартная и регламентированная процедура, потому я и не нервничал.

По логике, и Карвальо это подтвердила, применения такого инструментария по своим надо избегать. Соответственно, если применение имело место, его следует как минимум расследовать.

Затем её позвали за каким-то чёртом в штаб заведения. Я не понял, что там было и как выглядел вызов, но она подскочила, как ужаленная. Бросила, что обратно будет через пятнадцать минут и покинула, говоря цинично, рабочее место, хотя это категорически недопустимо.

Просила никому не говорить, что её нет, если вдруг кто нагрянет.

— А если именно сейчас принесёт юстицию, — сомневаясь, предположила она, — у них есть свой допуск. Вот этот блок активируется и их сюда система пустит автоматически, — Камила оставила возле меня штатный коммуникатор сектора. — Я мигом!

Я и лежал, в ус не дул. Чувствую себя нормально, Алекс бодро рапортует о скором окончании то ли дезинфекции, то ли дезактивации, то ли всё вместе.

Когда сработала обозначенная Камилой иконка, я и в мыслях не имел дёргаться: с одной стороны, у неизвестного ведомства не может быть резиновым его местный штат. Двоих тут они уже безвозвратно потеряли, причём последнего — вот только что.

С другой стороны, территория госпиталя в армии — это особое место. Я не стал военным (и не стану), но кое-что из их так называемого декларируемого милитаристского духа чувствовать уже начал.

И расслабился. Решив, что даже такому недо-военному, как я, в госпитале бояться нечего.

А вместо юстиции вошли Исфахани, старший братец-Штавдакер и ещё пара шавок. Плюс на закуску — местный безопасник, который, закрыв двери, буднично кивнул им в мою сторону и ничего не сказал.

Глава 5

Когда ему неожиданно позвонила Саяра, вываливая на голову практически готовый чужой план, Питер в первый момент хотел встать на дыбы.

Было что-то неправильное в том, что им командовала молодая девчонка.

Ещё одним резавшим слух моментом был тщательно акцентируемый ею цейтнот: дескать, второй раз такой возможности может не представиться.

Старший наследник семьи Штавдакер по роду работы в полиции отлично знал, какой тип нарушений чаще всего осуществляется с упором именно на нехватку времени (пусть полиция и числилась военной).

Его будущая половина в этот момент явно что-то просекла по его глазам, потому что тут же мудро и быстро сгладила острые углы:

— Я понимаю, что выгляжу сейчас гротескно, но очень прошу тебя услышать меня.

Она покорно опустила веки и сложила руки на коленях.

Хвала новой технике, голограмма передавала малейшие нюансы мимики и поведения.

— Всё будет так, как ты решишь. ТЫ мужчина в доме. — Продолжала пока ещё Исфахани, но в будущем, хм, кажется, точно Штавдакер. — Будет глупо не воспользоваться возможностью, если та сама идёт в руки. Ты уже догадался, с чьей подачи я к тебе сейчас обращаюсь? — Саяра требовательно посмотрела в глаза Питеру.

— Предполагаю, — односложно кивнул он, старательно контролируя мимику и изображая олимпийское спокойствие.

Озвучивать вслух очевидное ему не хотелось. На территории Корпуса была только одна служба, и буквально пара человек, которые бы были в состоянии обеспечить предлагаемое.

Методом исключения, начальника Корпуса можно было не учитывать. Оставалась только безопасность. А её невеликий штат Штавдакеру-среднему был отлично известен ещё со времён собственной учёбы в этом же заведении.

— Он сказал, что в этом вопросе есть не только моя выгода. Я всего лишь отомщу, — продолжила Саяра. — Тебя просили подумать — и это просили передать отдельно — что лично ты думаешь о возможности выбить какие-то там подпорки из-под клана Хаас?

А вот в этом месте он задумался по-настоящему. В принципе,

рано или поздно, но вопрос с одним ходячим позором Семьи всё равно надо было решать.

— Питер. Я тебе честно говорю: в большой политике ничего не понимаю, у меня ногти чешутся от желания всего-то открутить башку этому долбаному Алексу. Но я также понимаю, что мои хотелки — не основания переворачивать с ног на голову всё остальное. — Продолжала тем временем его будущая жена. — Как ты скажешь, так и будет. Если ты сейчас скажешь, что этот план не ведет никуда, кроме удовлетворения моих личных амбиций, мы на этом остановимся. И я больше никогда не вернусь к этому разговору. — Девушка тягуче и пронзительно посмотрела на парня.

Вероятно, она была весьма неглупа, не только красива, мелькнуло у Питера. Потому что именно в этом месте она сделала очень грамотную методически паузу, не продолжая давить и дожидаясь обратной реакции со стороны мужчины.

— Говори дальше, — вздохнул он.

— Нет, это ты говори. — Как-то кротко и беззащитно попросила она. — Допустим, всё прошло по плану. Есть варианты, что что-то выиграет и Клан? Не только мои капризы?

«Она подкупила меня именно своей странной привычкой называть все вещи своими именами», — отстранённо подумал Штавдакер-средний. — «Причём она откровенно говорит даже там, где стесняюсь я. Например, в вопросах физиологии».

— Будешь смеяться, но есть. — Проворчал он вслух, отбрасывая сомнения и включаясь в тему серьёзно.

Он был слишком поглощён собственными мыслями, оттого пропустил ту долю секунды, когда в глазах его будущей супруги зажглись ровно на йоту торжествующие огоньки.

— Но если такие варианты действительно имеются в практическом приложении, и сейчас происходит то, что я думаю, то этот наш с тобой разговор должен предусматривать мою встречу с ещё одним человеком. Лично. — Теперь вопросительно смотрел на неё он. — Ты же явно не от своего имени звонишь?

— Да, такой вариант упоминался, — не стала в очередной раз спорить Саяра. — Более того. Если ты сможешь приехать прямо сейчас, то у вас есть полноценный шанс прийти к совместному решению.

Хотя никого второго в кадре не было, любому посвящённому подоплёка была ясна более чем кристально. Прикинув варианты, он решил рискнуть.

Саяра тут же начала зачем-то объяснять, где именно на территории Корпуса находится нужное ему здание, но здесь он уже устал сдерживаться и изображать что-либо.

— Я знаю, — коротко перебил он девушку.

—

Как Питер и предполагал, за необычным предложением вернуть Клану репутацию (а Саяре — самооценку) торчали уши местного безопасника.

Дед явно готовился на пенсию, что в его возрасте неудивительно. И не хотел оказываться на улице с пустыми руками, что понятно в свете мутной перспективы Федеральных пенсий на территории Муниципалитета (по крайней мере, на данном историческом этапе).

Оформить аналоги необходимых документов и выехать на место лично и срочно Штавдакеру-среднему позволяла, с одной стороны, нынешняя должность.

С другой стороны, сегодняшний правовой коллапс в муниципалитете отменил сразу кучу стандартных процедур; и каждый мог трактовать ситуацию так, как ему заблагорассудится. Выезд военного полицейского по профильному вопросу (что ни говори, имело место убийство на территории Корпуса, да не одно), с индульгенцией от юстиции (взятой по совместительству, чтоб тем два раза не ездить) — вполне себе проявление служебного рвения. Если кто-то потом будет анализировать события извне.

С этой стороны всё можно обставить чисто, это Питер сопоставил буквально за несколько секунд.

Другое дело, что для сверхзвуковой скорости оформления необходимых бумаг и полномочий нужны не только рвение и желание.

С учётом нынешней обстановки, нужны ещё и очень большие деньги.

Деньги у Штавдакеров были, в отличие от рядового клерка безопасности на территории Корпуса (ладно, пусть старшего офицера по званию. Но всё равно нищего, как церковная мышь, если сравнивать с возможностями топового Клана).

В отличие от Саяры, он смотрел на вещи более прагматично, как он сам думал. И не хотел идти на поводу у представителя другой службы, имеющего к тому же собственные интересы (с интересами его клана не стоящие даже рядом).

Фишка была в том, что от военной юстиции он, как «Штавдакер, сидящий на двух стульях сразу», мог получить только доступ к телу противника. Не стоило недооценивать потенциального противодействия.

Долбаного пацана сейчас охраняли кое-какие протоколы армейского медицинского сектора, временно ставшего чуть ли не военным госпиталем. В отличие от Саяры, Питер профессионально знал: на полноценные процессуальные действия его временные

полномочия не распространялись бы.

Безопасник, явно разводя его на слабо через посредника, предложил рискнуть.

Штавдакер-средний уже не был новичком в системе, оттого видел: старик явно поёт с чужого голоса. Он понятия не имел, что стояло за энтузиазмом этой пожилой пародии на слугу закона и безопасности, но выбора у деда явно было меньше, чем у него или у той же Исфахани.

Подумав немного, прямо в конспиративном помещении жилого многомодульного блока Корпуса Питер сделал встречное предложение старику, от которого не отказываются. Во-первых, дед идет внутрь вместе с ними: если он рассчитывает отсидеться где-то в другом месте, загребая жар чужими руками, то со Штавдакерами такой фокус не пройдет. В этом случае, он прямо сейчас забирает Саяру домой и будь что будет. Как отомстить пацану, они найдут и через полгода.

Развивать аргументацию не потребовалось.

По мере изложения своей позиции, одетый в форму военной полиции представитель клана с удовлетворением отмечал радикальное изменение эмоций на лице своего собеседника:

— Если же вы сейчас говорите не из исключительной заботы о нашем реноме и престиже, — с явной насмешкой в голосе завершил мысль Питер, — то вы полноценно следуете с нами внутрь. Со всеми вытекающими для всех участников процедуры. И все вопросы мы решаем на месте и вместе.

— В вашем присутствии и с вашим участием! — неожиданно включилась сбоку Саяра, подхватывая будущего мужа под руку и прижимаясь к нему всем телом.

Хотя в этой её эскападе и не было прямой необходимости, Питеру вдруг стало отчего-то необычайно тепло на душе.

Старик предсказуемо поломался минуты полторы, но отступать ему, как и думалось, было явно некуда.

_____

Будучи клановым в энном поколении, Штавдакер-средний не зря ждал подляны. Старый пидор технично «забыл» упомянуть о парном посте мордоворотов Хаас, перетаптывавшемся у входа в медсектор. Кстати, сама белобрысая пигалица Анна тоже ошивалась рядом.

Безопасник, то ли изображая хорошую мину при плохой игре, то ли искренне, насмешливо посмотрел на Питера, а тот мгновенно задумался и отпрянул обратно за угол.

Применение искры по своим одаренным из Муниципалитета — это всё равно что война. Причём, война гражданская, да ещё в тот момент, когда все разрозненные силы агломерации надо сплотить в

один кулак.

— Вот же с-сука старая, — неприязненно пробормотал военный полицейский, всерьёз прикидывая, а не зарядить ли «другу» в зубы.

Опыт в очередной раз доказал преимущество над молодостью и энтузиазмом, а такое техничное втягивание впору было давать примером в учебнике. Питер оказался зажат в буквальную вилку: с одной стороны, ему надлежало выполнить те самые предписания, за которые он лично бился и платил баснословные деньги юстиции. К пацану надо было попасть по-любому.

С другой стороны, Хаасы этого сделать явно не дадут.

С неожиданно стороны себя проявила Саяра. Питер и до этого предполагал, что она может быть как водой, так и кристаллом льда. Но сейчас эти подозрения получили зримое воплощение.

Исфахани, подняв на несколько секунд раскрытые ладони на уровень груди в ритуальном жесте и беззвучно шевеля губами, в следующий момент резко произнесла на Всеобщем:

— Снявши голову по волосам не плачут!

Не обращая внимания на взвившиеся вверх брови Питера, его будущая супруга решительно вышла из-за угла и без предупреждения врезала по Хаасам инфразвуком, во всю мощь своей искры.

Видимо, остатки каста плеснули даже назад, поскольку неодарённый безопасник вздрогнул и моментально стёр улыбку со своего лица.

Впрочем, старик тут же взял себя в руки и мерзко захихикал, переступая через лежащее на земле тело Анны Хаас:

— И-и-и, как некрасиво! А ведь в случае чего, этот удар в спину местным законодательством трактуется весьма определённо!

По плану, Питер должен был сразу на входе представиться официально, так как в медсекторе при активированном первом режиме что-то могло писаться и на автономные носители. Все модули и закладки может не получиться разыскать в условиях цейтнота, а допуски безопасника при нынешней правовой ситуации в муниципалитете ничего в плане принудительного удаления информации не решали.

Штавдакер-средний отстранил свою девушку себе за спину и тоже проследовал внутрь, старательно пытаясь придумать что-то едкое в ответ.

Еще через секунду им всем стало не до взаимных подколок, потому что у пацана в руках неожиданно оказался полноценный армейский ствол.

— Какого х#я?! — неподдельно изумился шедший первым безопасник, который вообще-то гарантировал тишину и

спокойствие на объекте.

Оттого и топал в авангарде.

Дальнейшие события понеслись вскачь.

Саяра ойкнула и повторно активировала свою искру, выпуская каст.

Лежащий в реанимационной капсуле пацан, по чью душу и был этот визит, недолго думая, тут же выстрелил. И одновременно с её кастом проделал ей дырку во лбу.

Безопасник заматерился и принялся судорожно лапать левую подмышку, с чем предсказуемо опоздал.

Следующий выстрел из реанимационной капсулы пацана достался уже ему, и тоже в лоб.

Сам Питер за это время успел изготовиться и выдать на-гора заряд плазмы такого объема, которого не показывал с момента окончания этого самого заведения, на классах вечного майора Стоуна.

А ещё, видимо, сучка Хаас пришла в себя раньше времени. Потому что буквально в этот же момент за спиной хлопнула входная дверь, предусмотрительно зафиксированная безопасником в открытом состоянии на основании документов Питера.

Потом голос этой малолетки завизжал от входа, а Питер сделал ошибку. Ему не приходилось участвовать в подобных передрягах; всё же, служба была спокойной.

Вместо того, чтобы сперва выпустить заряд плазмы в пацана и решить проблему с ним, а уже потом разбираться с Анной за спиной, Штавдакер-средний задергался на месте, коряво перенацеливаясь себе за спину.

Вообще-то, классы майора Стоуна именно это действо и оговаривали как типичную ошибку новичка в аналогичной ситуации. Но долбаная Хаас посещала занятия Стоуна прямо на этом жизненном этапе, а толком не наработанные рефлексы Питера за годы после выпуска покрылись пылью.

В итоге, через долю секунды, его развернувшуюся руку с подготовленным кастом уже сзади пробила пуля.

Каст, сорвавшись с руки, закономерно среагировал с точно таким же в исполнении Хаас, которая орала не просто так. Похоже, она тоже нервничала.

В отличие от Питера, бесполезные полигонные занятия здоровяка-майора не выветрились из её головы окончательно. Она не думала, как он, а старательно выводила из строя своего главного и единственного противника в его лице.

Еще через мгновение слетевший (неизвестно, каким образом) со своего места пацан исполнил по голове Питера футбольный удар ногой. А встретившиеся в замкнутом объёме сгустки плазмы

сожгли нахрен второй управляющий реанимационный блок возле стены, плюс стойки капсулы, в результате чего лежавшее там темнокожее тело мешком картофеля рухнуло прямо на пол.

На Питере тут же сработала автоматическая система вызова подкрепления.

Хаас мгновенно затребовала представителей своего клана через канал связи, который у неё почему-то работал и в госпитале.

А прибывшие через считанные минуты объединённые силы местной Ассамблеи и Федеральной юстиции, на удивление, не мучились противоречиями ни секунды. Вопреки ожиданиям всех присутствующих, противоборствующие силовые группировки моментально договорились и, не сходя с места, без разбора, арестовали всех присутствующих в помещении.

В суматохе, без внимания остались призывы этого долбаного Алекса не отключать валяющееся на полу черножопое тело от реанимационного блока и срочно восстановить подключение, поскольку какие-то там жизненные функции угнетались и угасали чуть ли не посекундно.

Глава 6

— Пошли покурим! — муниципал, выполнивший первую часть работы и завершивший свою часть «бесед» с фигурантами, без стука заглянул в помещение к федеральному коллеге.

— Ну пошли, — не стал спорить федерал, рывком поднимаясь из-за стола. — Сиди здесь, — ничуть не заботясь о последствиях, бросил он одному из верзил, сопровождавших на территории Корпуса несостоявшегося офицера военной полиции. — Да, теперь об этом уже можно говорить уверенно. — Пробормотал он себе под нос, прикрывая за собой двери помещения.

Связавшись с начальником Корпуса, ввиду выбытия по естественным причинам местного безопасника, они заняли первый этаж в ближайшем учебном здании и теперь лихорадочно пытались свести концы с концами.

— А ты сейчас о чём? — озадачился муниципал, выходя на крыльцо и наклоняя голову к плечу.

— Да Питеру Штавдакеру труба, — поделился коллега предварительными впечатлениями, разминая между пальцами дорогую колониальную сигару.

— О, где взял? — моментально оживился местный.

Было понятно, что на государственное жалованье такого не купить. По крайней мере, не для повседневного употребления.

— Неважно, держи… — представитель Столицы на данной территории извлёк из нагрудного кармана точную копию только что раскуренного источника ароматов и протянул её новому знакомому.

— Благодарю, — удивлённо покивал тот, принимая презент. — Слушай, сигару же минут сорок курить, это ж не сигареты! Блин, и окурки не охота с собой тащить, и начинать вхолостую… — он растерянно заозирался по сторонам.

— Расслабься, — чуть покровительственно покивал майор Дирк, представлявший в данном случае слегка дискредитировавшую себя федеральную вертикаль. — Сорок минут и будем стоять. Минимум. Мне уже всё ясно, а у тебя вообще полномочий с гулькин нос.

— Хоть ты понимаешь, — расстроено кивнул муниципальный капитан со смешной фамилией Мах и с благодарностью прикурил от специальной зажигалки собеседника. — Наши считают так: если Ассамблея что-то вякнула, и печать под этим ляпнула, теперь вся система — коту под хвост. А нам надо тут же упасть раком и ишачить от забора и до обеда. А вот когда наши с вашими через месяц договоря-я-ятся, и стратегический курс в очередной раз

сменится…

— … а когда обстановка через пару недель развернётся на сто восемьдесят!.. — подхватывая чужую мысль, одновременно выдал Дирк.

После чего офицеры, не стесняясь, громко заржали.

— Приятно иметь дело, — отсалютовал сигарой в воздухе капитан. — Слушай, я сразу не стал тебе говорить, мало ли как оно бы пошло… — он явно имел ввиду, что на месте федерала мог оказаться кто-то намного менее сговорчивый. — Давай между нами: ты сейчас как себе видишь наши действия? Потому что на моём уровне противоречий по гланды…

— Принял. Давай тогда пойдём сверху вниз. По вертикали, кто из ваших тут всех задоминирует, если что? — мгновенно включился майор. — Ты местный, знаешь расклады. А я в ваших реалиях ни ухом, ни рылом. Наши с тобой решения должны быть независимыми, но не противоречить друг другу. Тогда всем спокойнее будет, согласен?

— Согласен. — Повторно вздохнул муниципал, глубоко затягиваясь и жмурясь от удовольствия. — Знаешь, тут если разобраться, то все наши. Кроме безопасника, но его я в свой отчёт и включать не буду, извини… По безопаснику ты согласен, что это ваша тема? Федерал, на федеральном объекте, пострадал от федерала же, при федеральном режиме вашего госпиталя…

— СОГЛАСЕН. — Перебил коллегу Дирк. — Развивайся и ответь на вопрос. Пожалуйста.

— Ну, со стороны всё выглядит, как клановый конфликт на территории Федерации. Упс, Федерального объекта, — зачем-то поправился капитан. — И на первый взгляд оно всё мутно и запутано, но только на первый. Если раскладов не знать. На твой вопрос, вариантов ровно два. Первый — это Хаасы. Они сейчас на волне, председательствуют в Ассамблее и юристы по профилю.

Собеседники понимающе переглянулись.

— Тебе не кажется, что их подвиги смотрятся, как откровенная резня? Вернее, попытка таковой? — Поправился теперь уже майор, выступая в роли оппонента и прикидывая опорные точки своего будещего отчёта.

— Боже упаси! Они, во-первых, скорее свидетели, чем участники. Во-вторых, они имеют добро на пребывание у вас на территории, как и на оговоренный ряд действий тут же, от муниципальной Ассамблеи. — Покачал головой Мах. — Вы ж резину тянете, ни «да» ни «нет» не говорите в ответ на Меморандум. А кресло без жопы не бывает на таком уровне… ты понял.

— Да я не спорю, я так. В порядке дискуссии. — Внёс ясность

федерал. — Если совсем откровенно: лаять на клановых и мне сейчас никто не позволит. В первую очередь — моё же начальство, за которым будет пристально следить уже его начальство. Мне кажется, стратегия расследования в нынешнее время будет только одна. — Майор решился выложить карты на стол. — Если можно не раздувать пламя, а хоть как-то его притушить, то все будут соблюдать максимум деликатности. Другое дело, что нам с тобой этого никто специально доводить не будет. Будут только указания спускать, без аргументации и пояснений.

— Значит, точно между собой не конфликтуем? — ухватился за последнюю мысль муниципал. — Работаем сообща, никому ничего не говорим, друг против друга не дуем? Потом только оформляем результаты — каждый себе?

— Ну да. — Подтвердил уже намечавшиеся договорённости майор. — Давай тогда стартуем с твоих Хаасов. Что по ним?

Вообще-то, капитан повторялся, но лишь оттого, что нервничал. Намёками они уже согласились между собой, в самом начале. Когда надо было стандартно развести всех участников инцидента по разным помещениям и провести экспресс-опросы, составляя более-менее точное картину происшедшего.

Квалифицировать события, тоже не сговариваясь вслух, они решили только после согласования друг с другом.

Такое совместное решение далось легко потому, что никого из них не нужно было убеждать: на уровне среднего класса и простых сотрудников (коими являлись они) мир и спокойствие между ветвями властей важнее, чем амбиции рулящих кругов.

— С Хаасами всё просто. На Анне Хаас был боевой концентратор, он зафиксировал момент удара по ней энергетической искрой. — Просветил коллегу муниципал. — С этого всё и завертелось. Если она права, то дело проще пареной репы.

— Решается на раз-два, — задумчиво согласился Дирк. — Раз: сняли слепок профиля атакующей искры с концентратора. Два: сравнили слепок с профилем искры в личном деле погибшей учащейся.

— Знаешь, если честно, я и в голове не держу не доверять показаниям официальной представительницы юридического клана, — признался капитан. — Она ещё и под добровольной присягой высказалась, так что… Я, конечно, не исключаю, что они там все актёры, но не в семнадцать же лет и не в такой ситуации!

— Если есть слепки, то как ни актёрствуй, не поможет, — насмешливо фыркнул, соглашаясь, майор. — А тут ещё и с хронологией нет проблем, видимо.

— Ну да. До долей секунды. Что на улице, что в госпитале. Но экспертизу ждать будем долго, — муниципал просительно поднял взгляд на коллегу. — У нас с моего уровня две недели лысиной об паркет стучать. Как бы за это время политический курс не переменился…

— Экспертизу ждать вообще не будем, — правильно понял его собеседник. — У меня от босса карт-бланш. Как только определимся с цепочкой, я к себе всё запущу. У нас сказали, никто из трёх отделов домой не пойдёт, пока я не разрешу. Так что, можешь считать, эксперты заряжены.

— Красиво жить не запретишь, — уважительно покивал головой удивлённый капитан. — Ладно… Дальше за Хаасами идут Штавдакеры.

— С моей стороны теперь выглядит, как будто они как минимум спровоцировали всё происшедшее, — мгновенно среагировал Дирк. — Если, говоришь, по Хаасам первый удар был. И почему ты говоришь во множественном числе? Разве они представлены не единственным наследником?

— А не совсем. Во-первых, с Питером были двое из клана сенатора Энзи. Где и зачем он их взял, я не знаю; но допуски на сопровождение он им выдал лично, и от имени своего Клана.

— Ух ты…

— Ну да. У вас пока не отражается, раз Ассамблея ждёт ответа Столицы. — Мах явно увлёкся. — Далее. Питер Штавдакер вполне себе официально уже несколько лет проходит по ведомству военной полиции, где даже до кое-чего дослужился. Но поверь, это не основная его точка приложения усилий. И потом, ты будешь расклад слушать или к словам цепляться?

— Говори-говори!.. — примирительно поднял левую ладонь майор.

— Во-вторых, в нашей процессуальной коллизии он является, как ни парадокс, федеральным должностным лицом. Что автоматом даёт бонус их клану. Мясник, это прозвище вообще всех Штавдакеров в узких кругах, заранее позаботился о бумагах вашей же Федеральной юстиции, они у нас прогрузились и вполне себе в деле фигурируют.

— Да? Странно, — вскинулся Дирк. — У меня на эту тему пока пусто. Нет уведомлений, — добавил он, тут же сверившись с планшетом.

— Так ты через Столицу же известий ждёшь. А сейчас с вашими каналами не очень, — собеседник многозначительно похлопал глазами, намекая на известные обоим обстоятельства. — Далее…

— Далее же шушера всякая идёт, нет? — потянулся федерал,

расслабляясь.

— Не скажи. Погибшая первой по счёту одаренная, Саяра Исфахани, с федеральной точки зрения ни к каким кланам не относилась, согласен. Но это если не считать её помолвку с Питером Штавдакером. В рамках Муниципалитета, это даёт ей плюшки, плюс определённые иммунитеты даже в вашем Федеральном Суде. Правда, последнее только если она бы могла выступить лично… доверенность тут не канает… Кстати, по заявлению Анны Хаас, эта Саяра первой и напала на юридический клан.

— Блин, кажется, что-то складывается, — оживился майор, мысленно выстраивая событийную мозаику.

Услышанного уже хватало для понимания ситуации.

Иногда дознание следует начинать не с начала, а с самого конца. Например, сейчас.

Этому не учат в академиях, но порой бывает так, что в первую очередь надо найти козла отпущения. Если он есть — тогда порядок. Дальнейшая схема выстроится вокруг него и будет поддержана и в суде, и начальством.

Сегодня не позавидуешь Штавдакеру-среднему. За какие-то пару минут инцидента, с точки зрения федерального майора, тот намотал на хвост целый комок проблем, с которыми доблестный военпол наверняка оставит его разгребаться в одиночестве.

Погибший при офицере военной полиции безопасник — раз. Развороченная его собственной личной искрой реанимация армейского госпиталя — два, тут следов тоже не скроешь. Муниципалы, может, и попытались бы вывести своего человека из-под удара, но Дирку достаточно всего лишь быстро и добросовестно сделать все экспертизы. Тут позиция бетон.

Ещё была жертва из армейских по вине Питера, это три. Его филькины грамоты от юстиции могли помочь прикрыть его только в том случае, если бы он просто опросил пацана в медсекторе. Как было упомянуто в предписании.

Федерал, разумеется, и сам уже сориентировался, из-за чего возник сыр-бор. Попутно: если бы с тем пацаном в госпитале случилось что-то типа сердечного приступа в момент визита «федералов», это тоже с натяжкой могло проканать.

Но вот после сплетённых лично Штавдакером лаптей боевому федеральному сержанту, ещё и темнокожему… плюс не где-то, а в госпитале… Нет, в военной полиции карьера местного кланового точно закончена. Столько отягчающих надо ухитриться собрать за одну минуту.

Оставался, правда, ещё открытый пока вопрос со стрельбой из пистолета погибшей сержантши, да по местному безопаснику, на

убой. Но это уже обсуждать с местными никак не стоит. Чисто федеральная подведомственность и юрисдикция.

Для начала, пацан формально федеральный в этом эпизоде, как и тот погибший офицер. Надо выяснить детали и только потом принимать решение. Слишком всё перепуталось, сходу не разберёшься.

— Есть план. — Чуть невежливо перебил майор младшего коллегу. — Танцуем от козла отпущения. Федеральные плюшки места работы с этого вашего… или нашего?.. Мясника, кажется, сейчас слетят со скоростью звука. Предлагаю…

_____

Следующие несколько часов прошли в напряжённом общении со всеми подряд, порой одновременно.

Особо пикантной была необходимость принимать процессуальные решения на ходу, и тут же воплощать их собственноручно — дань обстановке, чёрт бы её побрал. Вместе со всеми недо-революциями.

Когда майору Дирку позвонили из очень авторитетного места в Столице и, оторвав его ровно на минуту, выдали «рекомендации» по делу, он даже спорить не стал:

— Хорошо. Если вы так считаете, освобожу его прямо сейчас.

Соединение разорвалось, а он по инерции закончил в потухший экран:

— Жираф большой, ему виднее.

Глава 7

— К сожалению, документов на дом Жойс Кайшеты у меня нет, но я могу всё объяснить. И доказать. — Со сдержанным достоинством выдаёт представитель нотариата. — Они были изъяты лично ею, шесть дне…

—

Проиграв запись из таблетки, он выдержал подобающую случаю паузу в пяток секунд, даже траурно склонив голову.

К сожалению, Анна оказалась на это время выведена из строя необходимыми процедурами то ли опросов, то ли допросов. Поскольку являлась чуть ли не ключевым незаинтересованным (формально) свидетелем исполнения мною федерального безопасника и Саяры Исфахани.

За кого другого я бы, может, ещё и подумал, переживать или нет. Но Хаас мало того, что вообще не при делах с точки зрения государственного обвинения (понять это даже моих небольших познаний хватает). Она ещё и профессионал именно на той самой стезе хитрых юридических бесед.

Что у федералов не выйдет впарить или вменить ей что-либо серьёзное, я даже не сомневаюсь. Ну а муниципалы кашлять на Клан, председательствующий в Ассамблее, тем более поостерегутся.

Насколько я успел заметить по Анне, основной удар инфры в исполнении Саяры поглотила защита её концентратора. Мысленно перекрестившись, под аккомпанемент заявлений нотариуса, думаю: правильно я его отдал Анне. Саяра, чтоб ей в гробу икнулось, била на поражение. Интересно, что это ей в голову вступило?

Кстати, она ведь и в палате втихаря искрой по мне отработала. Причем настолько филигранно, что этого никто не заметил. Интересно, сохранится ли её удар в записи сенсоров медсектора?

Больная с-сука. Теперь её уже не спросишь, какая вожжа под хвост ей влетела. С того света ещё никто не отозвался.

Задним числом я, естественно, прихожу к мысли, что валить их с безопасником без разговоров, возможно, было не лучшей моей идеей в жизни.

К сожалению, других вариантов в имевшей место, как говорит майор Стоун, обстановке не просматривалось. Само появление в палате консорциума Штавдакер — Исфахани плюс безопасник, с учётом прохода ими охраны Хаас на входе, означало только одно: имел место конфликт их с охраной от

Анны (иначе и быть не могло). И этот конфликт закончился не в пользу последней.

В принципе, всё тот же Стоун учит действовать в такие момент весьма определённо. Лучше потом долго разбираться, но живому, чем…

Если бы я лежал в палате один, возможно, вначале поговорил бы. Хотя-я-я, удаление Камилы в чётко подгаданное время тоже не случайность и говорит не в пользу версии возможности мирного диалога. Ворвавшись через какое-то время через головы дознавателей в собственный госпиталь, Карвальо чётко дала это понять всем без исключения. Её поначалу пускать не хотели, но она, плюнув на всё, принялась орать, что с собственным начальством и командованием округа, если понадобится, объяснится сама. А вот если все находящиеся на территории медсектора, невзирая на чины и звания, не примутся исполнять её требования, как послания Бога, то жалеть такие сопротивляющиеся начнут немедленно, в режиме реального времени.

Для аргументации она активировала ещё какой-то усиленный режим и пообещала, что до работы автоматизированных встроенных систем охраны осталось ровно пятнадцать секунд. Теперь уже двенадцать.

Итогом общего компромисса стало моё помещение обратно в реанимационную капсулу, но уже с фиксаторами, типа как потенциально опасного буйного помешанного.

Я и не знал, что госпиталь позволяет даже такое.

Кто-то из юстиции пытался обсудить с Камилой вопросы параллельных допусков, но она холодно отбрила его: «Особый режим функционирования, госпитальный. Теперь отсюда никто не выйдет без контроля, и не войдёт, иначе как после электронных подтверждений секретариата гарнизона».

Не разбираюсь в этих делах, но секретариат, кажется, тоже встал на уши. Потому что ходили вперёд-назад все подряд, а входная дверь работала, как часы. Только голосом робота предлагая поднести свой глаз к сканнеру на стене каждому желающему пройти сквозь неё.

На какое-то время в горячке я не обращал внимания на собственные ощущения, тем более что вроде как стал чувствовать себя лучше. А потом чего-то резко поднялось давление, в голове зашумело, ещё и круги появились перед глазами. Капсула противно хрюкнула на весь этаж и моментально примчавшаяся Камила пустила мне по венам какую-то химию:

— *Спи.* — Успокаивающе кивнула она. — *Всё нормально. Не переживай. Но если уснёшь, так будет лучше.*

— А когда мы сможем с ним пообщаться? — запоздало среагировал от дверей кто-то из дознавателей в момент, когда я уже отрубался.

— Как только разрешу, — мстительно процедила в ответ Карвальо. — Особый режим госпиталя, — напомнила она.

— Мне тут что, часами его теперь ждать?! — искренне поудивлялся в первый момент её собеседник.

— Если прикажу, то и по стойке «смирно»! — Рявкнула наша капитан, аппетитно тряхнув сиськами в разрезе халата перед моими глазами. — Вон отсюда, стать за жёлтой чертой!..

—

Не в меру добросовестный представитель нотариальной ветви юстиции старательно оговаривается, что документы на дом Жойс он не пропил, а вовсе даже законно отдал ей самой. После чего лезет в какую-то папку, видимо, за подтверждающими бумагами.

— Спасибо, не надо деталей. — Недослушиваю до конца его пассаж. — Я полностью в курсе этого момента. Она же продавала дом на прошлой неделе, ей деньги были нужны. Завещание, видимо, сделано раньше. А второго дома у неё не было…

— О каких деньгах и товаре идёт речь в письме? — на первый взгляд вежливо, интересуется сотрудник прокуратуры, высовываясь из-за спины нотариуса, как чёртик из табакерки.

Ну понятно. Любое дознание или следствие материальные вопросы интересуют в первую очередь. Знаю на личном опыте.

— Вам какое дело? Это не ваша информация. — Ворчу в ответ.

Чуть размыслив, решаю быть самим собой и слов не подбирать. И раньше таким не страдал, а уж теперь…

Говоря прагматично, смертная казнь мне не положена в любом варианте, так как я несовершеннолетний.

Я, конечно, не строю иллюзий на тему справедливости нашей судебной или правоохранительной систем, но с момента тюряги у меня появились в друзьях и доброжелателях, как минимум, Хаас и Бак. Это если считать только тех, кто может радикально повлиять на ситуацию и не допустить беспредела в процессе разбирательства.

Бак, кстати, расположившись методически грамотно за спинами всех, под неодобрительными взглядами Камилы семафорит мне знаками целые поэмы. Если я точно его понимаю, он предлагает сейчас ни с кем не спорить, ничего не доказывать, в бутылку не лезть и положиться на старших товарищей. В завершении он тычет пальцами в циферблат своего допотопного наручного будильника, который носит на запястье, и выбрасывает на пальцах, через сколько часов меня вообще освободят от любых

ограничений. Если говорить о юридических, не медицинских. Если я правильно его понял.

Ладно. Дальше Квадрата не отправят даже в самом худшем случае. Тем более, как по мне, я был полностью прав. Глядишь, и разберутся нормально, с помощью Хаас с той стороны и кафедры с этой.

А с учётом Жойс, находившейся в соседней капсуле, я б и по второму разу стрелял, не думая. Повторись эпизод дважды.

А в Квадрате, если что, тоже есть участок территории, где условия практически полностью повторяют второй полигон нашей кафедры. Там тоже тренироваться можно. Как показывает личный опыт…

И на тамошнем положняке можно жить. Опять же, братва подогреет, случись что. И нормальный народ попадается. Тот же мастер Донг, по слухам, в нашем Квадрате бывал минимум дважды, и как бы не по паре лет за приговор. Ещё Гутя…

Кажется, лекарства Камилы не такие и простые. Меня, вероятно, местами несёт, в плане самоконтроля и точности мышления. Да и терять особо нечего, как оказалось. Потому с наслаждением добавляю прокурорскому:

— Не нужно совать свой нос, куда не просят: его там и прищемить могут.

— Вы сейчас угрожаете федеральной прокуратуре? — он тут же саркастически поднимает левую бровь.

— Боже упаси… кто я такой? Будьте добры, моего законного представителя пригласите сюда. Без Анны Хаас я вообще не вижу поводов для бесед с федералами вообще, с вами — в частности. Особенно в свете новых муниципальных законодательных актов. Вы сейчас точно не нарушаете нового муниципального меморандума?! Я не федеральный, я местный, если что. По крайней мере, буду именно на этом настаивать в ходе судебных разбирательств.

При упоминании фамилии моей белобрысой подруги, все присутствующие федералы моментально корчат такие лица, как будто заглотили целиком по сырому лимону.

Кажется, я попал, куда надо. А успех всегда надо развивать.

— Она вам расскажет и о законности такого вопроса, от вас мне, и много чего ещё! — вещаю по инерции. — Если это официальный разговор вас со мной, то почему он не оформлен надлежащим образом?! Эй, ало! Я к вам обращаюсь! Где протокол беседы?! Где уведомление об официальном характере разговора?! Какой правовой статус этой беседы?!

Благодаря чипу и оставшемуся от Алекса программному обеспечению, вижу: федералы действуют в этом вопросе не от

своего имени, а попутно. Имеет место то, что Анна наедине называет «выполнение заказа». Правда, условия мне сейчас неясны, но, судя по довольному лицу куратора, этого и не требуется.

Бак перемещается поближе и, став от них чуть сбоку, вопросительно смотрит на прокурорского, чуть подняв подбородок. Сотрудник прокуратуры упирает взгляд в пол и ничего не отвечает.

Спасибо Алексу. Хорошие программы, причём их тут в отдельной директории целый блок. Надеюсь, хоть он отправился к себе домой, как и собирался.

Потому что после удара искрой Исфахани, да после случившегося с капсулой Жойс, я поначалу не заметил, когда он исчез. А уже оклемавшись, в итоге не обнаружил его во внутреннем пространстве.

— Может, вы сироту обокрасть решили?! С чего у вас такой интерес к материальным активам несовершеннолетнего?! — подобным образом ору ещё минуты три, благо, изображать истерику почти не приходится.

Все нужные слова рождаются сами собой.

Это видео и письмо Жойс писала явно до ввода муниципальных пошлин. Сходу не сформулирую, почему вижу, но понятно по контексту.

Если я хоть что-то понимаю в делопроизводстве, мне сейчас, помимо прочего, придётся вступать в наследство по её имуществу на таможенных складах муниципалитета. После этого, надо будет заново делать сверку по объёмам товара плюс распределения их в каналах: перевести товар в деньги в этом случае важнее всего, плюс это надо сделать срочно. Такое понимаю даже я.

Видимо, у прокурорских есть и свои интересные мысли в эту сторону, вернее, были. Такие мысли надо купировать в зародыше…

Перемолвившись между собой, представители различных ведомств в итоге приходят к какому-то согласию.

Меня начинают расспрашивать исключительно о двух выстрелах из ствола Жойс, сделанных моей рукой.

Хорошо, что есть Хаас. Ссылаюсь на её прямой запрет вести подобные беседы без неё.

Федералы опять переглядываются между собой и как-то скучнеют.

Кто бы мог подумать, что наша маленькая блондинка окажется основным козырем в данной ситуации.

Хотя, чего-чего, а надёжности в ней хватит на пятерых, несмотря на её более чем скромную геометрию и внешность

несовершеннолетней блондинки, за интимную связь с которой полагается увесистый срок в Квадрате. Причём совсем не по блатной статье, к-хм.

Глава 8

Кажется, сейчас будет какая-то передышка в общении, поскольку присутствующие то и дело косятся друг на друга и перетаптываются в нетерпении.

— Я со своей стороны всё закончил! — нотариальный представитель отчего-то оглядывается по сторонам и обращается в первую очередь не ко мне, а к другим. — Могу быть свободным?

Ему кивают по очереди два человека, переглянувшиеся перед этим между собой. Самое интересное, что в их эмоциях сквозит сейчас исключительно скука, ничего более. Надо же, какая незамутнённая чистота помыслов…

Нотариуса отпускают другие люди, а один из типов в незнакомой мне форме пытается важным тоном обратиться к Камиле:

— По мере нашей готовности, нам будет необходимо продолжение этого разговора.

Та в ответ лишь пожимает плечами, не отрываясь от монитора:

— Я на месте. Режим не снимаю, пока четыре подписи не совместятся. После этого ещё четыре часа на исполнение. Из госпиталя без моего разрешения никто не выйдет, как и не войдёт. Хоть четырёхзвёздочный генерал. За сохранность пациента отвечаю. Что-то ещё?

Палата быстро пустеет, а технично задержавшийся последним Бак подходит ко мне и в пару секунд описывает ситуацию, которую мы имеем за то время, что я спал после инъекции Камиллы:

— … ну и всё завертелось. Обе стороны, муниципалы и федералы, со всей возможной скоростью подчищают хвосты. Лично моё мнение: поскольку вопрос на контроле в офисе военного прокурора, все службы следят за динамикой в режиме реального времени. Когда из медицинской капсулы сержанта Кайшеты прервался сигнал, или пришел таковой о её клинической смерти, у нотариуса тут же сработал свой сигнал, ввиду контроля из Министерства юстиции. Думаю, даже позвонить лично могли, распорядиться вручную… А когда он принес завещание сюда, то застал вас в очень интересном положении. Естественно, при чтении такого документа не могли не поприсутствовать все заинтересованные. Считайте, дознаватели и к ним причастные… Алекс, мой главный посыл: успокойтесь и не нервничайте! Всё будет хорошо!

Камила сбоку от него отстранённо хлопает два раза в

ладоши, чуть сбивая его с мысли.

— Видите, даже доктор Карвальо присоединяется… — моментально находится куратор. — Молчите и слушайте. Волноваться вам не о чем потому, что уже завертелись целые клубки процедур. Это всё идёт между различными федеральными ведомствами, в разных географических точках. На вашей стороне… м-м-м… не могу в деталях, прошу понять правильно. — Он пытливо всматривается мне в глаза, дожидаясь моего подтверждающего кивка. — В общем, с учётом вашего нетривиального статуса, а также с учётом регулярных претензий в адрес убитого Мохнатого Уха (Бак так и называет безопасника, к моему несказанному удивлению), сразу по обеим линиям его подчинения, забегу вперёд: в правомочности ваших действий у тех, у кого надо, сомнений нет. Вас не бросят и отстоят.

— Спасибо. — Раздаётся со стороны Камилы и Бак куртуазно разворачивается в её сторону, чтоб картинно раскланяться.

Что это с ним? У него ж жена и дети, он сам говорил.

До меня с запозданием доходит: на завещании Жойс стояла дата. Она действительно предшествовала продаже дома. Интересно, почему никто не заострил на этом внимания? Решили не грузить меня ушибленного паразитной информацией? Или проверяли на сообразительность?

— Параллельно, Ассамблея Кланов формально главная сейчас на территории Муниципалитета, — возвращается подполковник к пояснениям в мой адрес. — И уж оттуда ветры по данному инциденту дают весьма характерные, м-да. Я не большой специалист в ваших местных раскладах, но, насколько я понял, клан вашей подруги Хаас пытались каким-то образом сковырнуть с главенствующей позиции в Ассамблее их ближайшие конкуренты. Будущую жену наследника которых вы и ухлопали самым первым выстрелом. А на Хаас они рассчитывали надавить путём снятия вас, как фигуры, с игровой доски.

— Если нужно, я со стороны медицины подтвержу обоснованность его решения стрелять, — Камила тактично и хмуро пялится в монитор, но не скрывает, что полностью участвует в разговоре.

— Учту, но думаю, в этом не будет необходимости, — снова слащаво и куртуазно изрекает в её сторону Бак. — Потому что…

Затем он разражается серией инструкций в мой адрес.

— Запомнили? — Спрашивает он от двери. — А то мне уже пора.

— Да. Дословно.

— Алекс. — Бак задерживается на мгновение у двери. — Ещё момент, последний на сейчас. Не расслабляйтесь! У этих бесед, —

он неопределённо ведёт рукой вокруг себя и в сторону окна, — однозначно будет продолжение, причём в самое ближайшее время. Держитесь ровно в таком стиле — и всё будет нормально. И ещё кое-что… Не в моих правилах говорить такое, вдобавок соискателю… НЕ РАСКИСАЙТЕ! Доведите до конца кое-что из нашего совместного плана! Возможно, это окажется самым лучшим ответом всему миру, и трамплином для решения того, — он чуть играет бровью, — что вы себе сейчас наверняка придумываете. Насколько я успел узнать вас лично.

Здесь он меня, конечно, в одно мгновение взбесил. Покровительственным тоном, интонациями свысока, отстранённостью и демонстративной дистанцией, граничащей с показной брезгливостью.

Напоследок ему удаётся меня удивить: он возвращается к моей капсуле, сжимает одной рукой моё плечо, а второй жмёт мою правую ладонь:

— Как минимум, кафедра с вами. Мы ещё тоже кое на что способны.

_____

Одна из кафедр Корпуса.

— Ну что? Как там оно? — заведующий кафедрой при появлении одного из преподавателей мгновенно вскакивает из-за стола и почти бросается тому навстречу.

— Штатно. Местных сбреют юристы, мне звонил от них папа одной нашей учащейся…

— О! Не говори дальше вслух, я понял, о ком ты… Лично тебе звонил?! С каких пеньков?!

— Ни до кого больше не дозвонился: там же ничего не работало, — напоминает вошедший. — Девочка подошла ко мне уже позже; кстати, она подтвердила слова отца. Дополнительно оговорила: даже если бы позиция её взрослых была иной, она бы полноценно действовала в наших интересах. Со всеми доступными ресурсами. Просила лично в ней не сомневаться и её при планировании учитывать.

— Ну-у, если такая девочка на его стороне, это успокаивает больше, чем всё остальное, — многозначительно ухмыляется начальник. — Личная мотивация — она в таких делах самая мощная…

— Там нет ничего такого, о чём поёт твоя озабоченность, Лео! — холодно отрезает подчинённый. — Есть просто рамки нормальной человеческой порядочности и дружеской симпатии, которые…

— ХОРОШО-ХОРОШО! — полковник примирительно поднимает руки. — Продолжай!

— Томсоновские роют сразу во все стороны, но главный лейтмотив прост: как бы поскорее откараскаться от дела. Закрыть любой ценой. Ради этого, готовы договариваться со всеми.

— Безопасность там нас не опережает? — в этот раз шутливое выражение слетает с лица заведующего кафедрой.

— Не в этот раз. Имел место даже не просто явный залёт, а форменный подлог. Теоретически, квалифицируется как должностное преступление.

— Как вскрылось? — на лице начальника угадывается загадочная улыбка.

— Тебе благодарность вынести? Ну СПАСИБО! — сварливо огрызается преподаватель. — Да, ты был прав, — сбавляет он тон через мгновение. — Удалённая сверка документооборота выявила несоответствия. После этого, ИскИн автоматически заблокировал директорию и прошёлся по ней мелким ситом. Накопал столько, что безопасность теперь учиняет следствие внутри самой себя и изо всех сил пытается не выпустить собственное дело из своих рук.

— Не понял? — вскидывается заведующий кафедрой. — Ты о чём?

— У меня там есть товарищ. Ну, скажем, знакомый, с которым мы в своё время с Лубанго вместе начинали, — вошедший красноречиво играет бровями. — Полностью и открыто, конечно, ничего не скажет, но на наводящие вопросы намекнул. В общем, они стараются, чтоб дело вёл их департамент внутренней безопасности. Больше всего опасаются передачи в прокуратуру, и все силы направлены на это.

— Поня-я-ятно, — шеф весело хлопает себя по коленям. — Им всё равно, кто Мохнатого ухлопал, лишь бы его «подвиги» расследовали они сами. А не снаружи…

— Ну а я тебе о чём? А кроме них с федеральной стороны никто и не чихнёт по-серьёзному.

— Дознавателя не считаешь?

— Я его видел. Даже пообщался. Он не заряженный, он искренне от себя. Работает на результат. Ну-у, у него может возникнуть кое-какой личный интерес, но наш его сбреет по закону.

— Ты проинструктировал?

— Да. Но он и сам ориентировался в этом же направлении. Плюс, его маленькая блондинка поддержит, это тоже оговорено…

———

Я и не рассчитывал, что ко мне может не возникнуть никаких вопросов. Но не ждал, что «общение» возобновится буквально через час.

На этот раз первой в помещение входит Анна. Внимательно оглядевшись по сторонам, она подходит ко мне, демонстративно целует меня в лоб и только затем поворачивается к следующим за ней мужикам в форме (которые уже были здесь вместе с нотариусом).

— Можно начинать. — Говорит она им вежливо, но как будто свысока и командным тоном. — Я первая. Мне нужно убедиться в адекватности моего доверителя. ТЫ как? — продолжает Хаас уже совсем другим тоном, впиваясь в меня взглядом.

— Бывало и лучше, — бормочу негромко. — Что это за кавалерия с тобой?

— Это не со мной, — хихикает она, подмигивая мне так, что этого никто не видит. Затем добавляет своему голосу громкости. — Это муниципальный и федеральный дознаватели! Они ведут две независимые линии и в настоящий момент определяются с квалификацией происшедшего. Так, Алекс, — миниатюрная блондинка меняет официальный тон на тот, которым мы общаемся обычно. — Поскольку ты являешься одним из ключевых фигурантов процедуры, а квалификация по кейсу ещё только в процессе, задавай все и любые вопросы, которые сочтешь нужным. Мне и сейчас, до начала разговора с дознавателями.

— Что мне следует знать, с твоей точки зрения, прямо сейчас?

— Хороший вопрос. На всякий случай, для тупых в вопросах, которыми занимается моя семья, — она красноречиво выделяет фразу интонацией. — Тебе не присвоен статус по настоящему делу, ты являешься полноправным гражданином Федерации и бенефициаром преференций муниципалитета. Алекс, я сейчас ПОНЯТНО ДЛЯ ТЕБЯ говорю? — озабоченно и по-детски уточняет будущая акула юриспруденции, продолжая сверлить меня взглядом.

— Более чем. Несмотря на твой канцелярит, я по-прежнему тебя понимаю, — улыбаюсь уголком рта. — Можешь мне пояснить, что это за два джентльмена и почему на них разная форма? Это и есть те дознаватели, о которых ты сейчас говорила?

— Запросто поясняю, — она встряхивает волосами в воздухе точь в точь, как это делала Жойс. — Я лично столкнулась здесь со Штавдакерами. Один из них, Питер, имел на тот момент кое-какой федеральный иммунитет, тебе подробности не надо… у него сработал запрос помощи. По этому запросу вначале прибыло его подкрепление, затем — федеральный дознаватель от профильной службы. Надо подробнее?..

— Не надо. Второй кто? — кошусь на следующего по порядку

мужика, знаки различия которого мне вообще никогда не попадались.

— С моей точки зрения, федеральный иммунитет Штавдакера незаконен и является камуфляжем. Он его использовал неправомочно, чтоб решить исключительно клановые задачи, не выходящие юрисдикцией за рамки Муниципалитета. Но это будет обсуждаться не тут, не с тобой и не сейчас.

Кажется, ей очень нравится эта роль, потому что она увлекается и сейчас выглядит, как проповедник на трибуне.

— Э-э-э, Анна, так второй-то тип — кто? — напоминаю, покашляв.

— Ой, это муниципальный дознаватель, по тому же самому эпизоду, но вызванный уже мной. Не Штавдакером. Алекс, ещё одна деталь! — спохватывается она. — Федеральные иммунитеты у нас сейчас недействительны! А в случае конфликтов законодательных баз, приоритет имеет Муниципалитет!

— На время недействительны, — недовольно бормочет один из мужиков за спиной Хаас, со знаками различия майора.

— Ну вот как наше время выйдет, а ваше настанет, тогда и вернёмся к этому вопросу, — нейтрально пожимает плечами девочка. — Алекс, ты что-то ещё хотел спросить?

— Да. Я правильно тебя понял, что мне не будут вменять в вину безопасника? И Исфахани?

— Квалификация по кейсу ещё в процессе, — Анна многозначительно играет бровью, совсем как Бак. — Перевожу. Есть факт деяния. Хорошее оно или плохое, ещё не решено.

— Именно постановкой знака, плюс или минус, мы сейчас и занимаемся! — «доброжелательно» влезает всё тот же федеральной майор.

— Да. Под наблюдением Ассамблеи, при личной гарантии вашей добросовестности и объективности, обеспечиваемой всеми ресурсами председательствующего Клана Хаас. — Оставляет за собой последнее слово моя подруга. Ей, видимо, этого кажется мало, потому что она не унимается. — Если Хаас решат, что вы не объективны, мы будем вынуждены…

— ДАВАЙТЕ НЕ ТОРОПИТЬСЯ! — муниципал задвигает федерального коллегу себе за спину, вытягивая вперёд шею на манер гуся. — Анна, давайте не ссориться?! Мы здесь исключительно чтоб установить события! Правовую оценку даст вообще ИскИн, вы же знаете! Ваши сведения приняты, проанализированы, зафиксированы и взяты за основу. Ну к чему…

— Тогда НАЧИНАЕМ! — Сердито огрызается Хаас. — Господа, задавайте ваши вопросы. — Серьёзные интонации Анны

и то, как на неё смотрят двое мужиков в формах, очень контрастирует с тем, как по-детски она выглядит.

Несмотря на всё моё текущее настроение и состояние, где-то на задворках сознания мне становится смешно и тянет улыбнуться.

— Если будет что-то потенциально опасное для тебя в ходе разговора, я лично воспользуюсь правом вето Ассамблеи. — Наша малолетняя юрист уверенно касается моего запястья. — Ничего не бойся!

Самое интересное, что майор за её спиной имеет какое-то своё мнение по поводу происходящего, но по каким-то причинам не спешит его озвучивать.

Ладно. Хорошо, чип работает. Посмотрим, что дальше.

Глава 9

— Мне очень не нравится то, каким образом вы ориентируете фигуранта, госпожа Хаас. — Вроде бы нейтрально, но на самом деле с явно слышимым негативом роняет федерал.

— Мне тоже очень много чего не нравится, — вздыхает Анна. — А Ассамблее не нравится еще больше. Будем пикироваться и фехтовать собственными амбициями?

Ситуацию снова сглаживает муниципал, который наподобие боксёрского рефери влезает между спорщиками и примиряюще машет руками.

— Дирк, давай я начну? — мягко предлагает он.

Затем, не дожидаясь ответа майора, тут же разворачивается ко мне:

— Алекс, во избежание возможно кривотолков, я — капитан службы дознания нашего муниципалитета. Я уже успел…

— Могу услышать ваше имя?

— Капитан Мах, — после практически незаметной заминки представляется он.

Да ну! Он что, стесняется собственной фамилии? Интересно…

— Я, как вы понимаете, успел ознакомиться с вашим личным делом в Корпусе, в открытой его части…

Ничего себе. У моего дела ещё и закрытая часть есть? Надо будет поинтересоваться у Бака — любопытно же.

— … в том числе, и с исками, поданными вашим законным представителем сразу по целой серии нехороших статей, — он рефлекторно косится на нашу блондинку. — Включая иски в адрес муниципалитета.

Ты смотри, кто-то ещё из этой служивой братии что-то делает… Даже готовился к разговору.

— Ай, ладно, чёрт с ним! — он как будто что-то прикидывает про себя, затем берёт у стены ближайший свободный стул без спинки и, как ни в чём ни бывало, усаживается рядом со мной. — Так удобнее! Я начну с конца. Алекс, лично мне очень не нравится то, что сейчас происходит в Муниципалитете…

— Капитан, если вы пришли надавить на мой патриотизм, то мимо. Ничего не скажу лично в ваш адрес, вы очень сильно похожи на наредкость адекватного человека. Но в адрес любых государственных образований у меня стойкий иммунитет, включая муниципальные. Я уже оценил, что вы стараетесь делать свою работу максимально качественно и на личном уровне не испытываете ко мне никакого негатива. Плюс, имеете чёткие

указания непосредственного начальства и кого-то ещё: максимально сглаживать все острые углы в беседе, насколько это только возможно. А с Хаасами вы однозначно предпочтёте не ссориться скорее, нежели затеете революцию в своём ведомстве.

— Полностью Хаасам подконтрольном, — якобы про себя ворчит федерал, демонстративно говоря в сторону и ни к кому не обращаясь.

— Это вы когда успели обо мне столько узнать? — сбивается с шага Мах. — Или вы заранее наводили справки?

Чёрт, кажется, без Алекса лучше не использовать кое-какие моменты. А то попадаешь, как баран на прогулке в волчью стаю.

До этого момента капитан был настроен нейтрально-плюс, с потенциалом быстрого перехода в позитив. Сейчас его эмоции горят розовым огнём подозрительности и пурпуром сдерживаемого негатива.

Ничего себе. Это чем я его так напряг?

— Я вас вижу впервые в жизни, если иметь ввиду сегодняшний день. Справки о вас ранее не наводил, ибо не планировал, что всё так окончится, — указываю взглядом на фиксирующие браслеты. — Соответственно, не подозревал о вашем существовании и понятия не имел, что мы с вами встретимся. Как и о том, что из всей службы пришлют со мной общаться именно вас; вы ж не единственный сотрудник на вашем этаже? Более того: на личном уровне мои потери за сегодня очень близки к тому, чтоб сделать мою жизнь не имеющей какого-то дальнейшего смысла для меня лично. Что до вас, у меня просто имплантирован чип. В его настройках есть и калибровка шкалы эмоциональных тонов собеседника, и автоматический маркер вашей достоверности, и многое другое. Включая подсказки по наиболее вероятным сценариям вашего бэкграунда. Я просто *вижу*, с кем разговариваю, и что испытывает человек напротив меня.

Федерал озадаченно присвистывает и моментально меняет цвет. В том смысле, что из фиолетово-бордового презрения пополам с агрессией моментально окрашивается в зелёный цвет любопытства.

Спасибо Алексу за программы, чё. Когда выберусь отсюда, обязательно в церкви пару свечей за него поставлю…

— Ваш чип в деле указан нерабочим и неактивным, — озадачивается Мах.

Хаас презрительно фыркает сбоку, нечаянно надувая пузырёк слюны между губ.

— Армейское дело… — деликатно вставляет майор сзади. — На вынос…

— Ладно, это всё неважно, — капитан решительно рубит рукой воздух. — Алекс, мы с коллегой готовились к этой беседе. Потому все самые неудобные вопросы вам буду задавать я. Вопрос номер один. Исходя из каких соображений вы без разговоров застрелили Саяру Исфахани?

— Как вы технично обходите момент попадания армейского ствола сержанта Кайшеты мне в руки, — надеюсь, моё лицо сейчас похоже на безэмоциональную маску.

Без соседа контролировать мимику оказывается много сложнее: не успеваю работать со всеми иконками прикладных программ на внутренней панели.

Похоже, придётся осваивать управление интерфейсом заново, как новую технику нового вида спорта.

Я только сейчас начинаю в полной мере понимать, какое огромное количество операций походя исполнял Алекс.

— Я спрашиваю лишь о тех событиях, которые мне интересны, — изображает улитку в ракушке муниципал. — Гибель сержанта и нападение на вас находятся за пределами моих задач. Без деталей.

— Выгодная позиция, — пожимаю плечами в положении лёжа. — Знаете, у меня не получилось так классно, как у вас, провести черту между одной попыткой меня убить — и последовавшей сразу за ней второй. Хоть и другими людьми.

— Вам что-то известно о покушавшемся? — абсолютно на рефлексе выдаёт федерал.

И мгновенно жалеет о собственных словах, мысленно костеря себя на все лады. У него есть какие-то инструкции по этому поводу и он заметил, что я это тоже понял.

Ровно через секунду он окрашивается вообще в бордовый цвет, но в этот раз ненавидит по большей части себя. Интересно, за что?

Я, конечно, далеко не Чоу, но ослаблять уровень критичности собеседника сейчас как раз на них и тренируюсь. Возможно, его бессознательная оговорка — результат именно моего небольшого вмешательства. Это надо будет подтверждать экспериментально.

— Смеётесь? — отвечаю майору после театральной паузы.

Назвавшийся Дирком федерал неожиданно сдаёт назад, примирительно вскидывая ладонь и зажмуриваясь. Затем почти вежливо просит:

— Ответьте, почему вы начали стрелять? Это может быть важно не только для нас.

— Майор, бросьте. Я достаточно откровенно открыл карты с самого начала беседы, — в этом месте непроизвольно морщусь, так как раненную ногу простреливает будто удар током. — Я

чудесно вижу, что вы мне ничего не сделаете, по крайней мере, пока власть в Муниципалитете не переменится.

— Чего может и не произойти, — дотошно вставляет Анна, наматывая волосы на палец.

Интересно, это у неё специально отработанные жесты? Чтоб казаться недоразвитой малолеткой и выглядеть неопасно до самого последнего момента? Надо будет спросить её, а то навскидку не видно.

— Стрелять начал по одной простой причине. Здесь, на кафедре одной специальной подготовки, майор Стоун чётко учит: в боевой обстановке всё, что может являться потенциальной угрозой, автоматически приравнивается к официальной угрозе. Госпиталь в момент моей стрельбы находился в первом режиме, — я понятия не имею что за режим, но по оговоркам окружающих уже давно понял, что это словосочетание оказывает на всех магическое воздействие. Плюс Бак наказывал упирать именно на это. — Я до этого был ранен, также на территории Корпуса, и в медсектор попал не зубы лечить. Ранен был специальным средством, находящимся в закрытом федеральном резерве. Капитан Карвальо официально сообщила мне об этом, под роспись, в момент принятия меня на излечение.

Муниципал почему-то слушает это всё рассеяно и вполуха, в отличие от федерала, который снова начинает сердиться.

Да что ж он такой негативный-то? Ему-то с чего печалиться?

— Я не особо силён в военной юстиции, но о постановке парного поста охраны кланом Хаас под дверями сектора меня также уведомили. — Киваю в сторону Анны, которая двигает подбородком вниз-вверх в ответ. — Согласно примитивных процедур первого режима, обо всех посетителях, будь они законными, мне в начале сообщает моя охрана. В данном случае это были бы представители клана Хаас. Чего не произошло.

— Вопрос снимается. — Неожиданно прорезается Мах.

— А если бы я вас спрашивал чуть иначе? — загадывает ребус зелёный от любопытства Дирк.

Который уже абсолютно не красный. Хм, никогда не встречал людей с такой переменчивой гаммой эмоциональных красок. Кстати, у него, получается, высокая скорость обменных процессов.

— Если бы вы спрашивали иначе, я б настаивал на семнадцатой поправке и требовал внесения в протокол дословно следующего: являясь по статусу военнослужащим либо приравненным к таковому, находясь в боевой обстановке либо приравненной к таковой — а первый режим госпиталя это она и есть — я имею право на действия согласно одному из уставов сухопутных войск. Курс кафедры права Корпуса. — Чуть подумав,

добавляю. — Кстати, это единственный теоретический курс третьего этажа учебного сектора, который вспоминает майор Стоун на практических занятиях. Периодически утверждая, что даже от говноедов в жизни бывает польза, это дословно. Могу задать встречный вопрос? — обращаюсь к федералу.

Он медлит. А я спрашиваю:

— Что с нападавшим на меня? Он же — предположительный убийца сержанта Кайшеты?

— Пока без комментариев, — бесстрастно отбривает меня Дирк.

— Ассамблея выдаст *свою* правовую оценку по этому поводу, включая силовую поддержку собственного решения. Если понадобится. — Угрюмо отзывается Анна. — Заявляю вполне официально, от имени председательствующих сейчас в Ассамблее.

Почему-то майор в этом месте моментально теряет запал, из зелёного превращается в синего и задумчиво притормаживает мыслительные процессы:

— Заявление не по адресу. Я — маленький человек, мало что решаю. — После чего поворачивается ко мне, придерживая за плево сидящего перед ним капитана. — Почему вы стреляли так избирательно? Заметьте, я не задаю вопросов по второму убитому.

— Да хоть и задайте. С Мохнатым Ухом всё просто. Я уже ответил на этот вопрос. Всё, что может быть истолковано как угроза, при первом режиме является угрозой. Есть оговоренные процедуры. Вернее, были. Вначале меня должен был предупредить о чьём-то визите тот, кого я знаю. А если к тебе через час после неудачного покушения вламываются люди, которых быть не должно… к тому же, я неодарённый, а там почти у всех были искры, для меня потенциально летальные.

— Почему такой странный выбор целей? — перефразирует вопрос капитан, сбрасывая с плеча руку майора.

— Исфахани по мне врезала инфрой. По идее, датчики медсектора должны были это зафиксировать. Чистая самооборона… Вторая цель была с ней на эмоциональной связи. Я это увидел через чип и последовал требованию устава. В стратегической перспективе, безопасник мне показался более опасным, что ли? Не помню. Был взволнован, а капитан Карвальо утверждает, что ещё и неадекватен.

— Почему не стали убивать Питера Штавдакера и его людей?

— Во-первых, они были не вместе. Когда у вас с кем-то есть общий замысел, причём с теми намерениями, что были у Исфахани, лично мне на эмоциональных пиках это видно. У

Штавдакера, как ни парадокс, не было собственного внутреннего намерения убивать меня. А двое его сопровождающих и вовсе не несли никакой агрессии. Теоретически, я мог дострелить Штавдакера. Но я уже один раз участвовал в разборах на Ассамблее и отлично помню правила: если имеет место клановый конфликт между Домами, дворняге типа меня лучше держаться от свары подальше. Просто правила игры. Возможно, сработал какой-то подсознательный маркер в мозгах.

— А о каком конфликте сейчас речь? — федерал непонимающе сверлит взглядом коллегу, сделав шаг вперёд.

Тот чуть мнётся, потому за него отвечаю я:

— В моём присутствии, Питер Штавдакер кастовал плазму против Анны Хаас. Это является однозначным намерением с точки зрения Муниципального Уложения о кланах одарённых. По факту, это как переход границы вооружёнными людьми иного государства. Объявление войны.

— Ну-у, граница с оружием — далеко не всегда война! — отчего-то цепляется к словам федерал.

— А искра против одарённого — всегда, — просвещаю его. — По крайней мере, в этом Корпусе. Учите местные правила, не только федеральные… И кстати, ваш коллега является прямым служащим Ассамблеи, если называть вещи своими именами. Ему не очень удобно отвечать вам на такие вопросы. Что до остального… Знаете, точностью мои решения в том состоянии не отличались. Я и сейчас не знаю, почему его недострелил. Уже сам немного жалею. Но его люди мгновенно легли на пол и всячески демонстрировали, что их можно не бояться. А самого Питера держала на прицеле Анна, в том смысле, что под кастом. Если бы она хотела убить, она бы это сделала. Возможно, у меня мелькнула мысль, что его надо оставить в качестве источника информации.

— Вас не удивило, что Анна вошла к вам одна? Без сопровождающих? — продолжает задавать бессмысленные с моей точки зрения вопросы Дирк.

— Нет. Первой вошла Саяра. Её искра — энергия, со специализацией инфразвук. Меня она дважды чуть не… вывела из строя. Хаас заскочила почти следом, и концентратор на ней почти что дымился. Для моего профиля в Корпусе это всё равно что намазанный кровью след для охотничьей собаки. Было понятно, что Исфахани отработала по Анне и её людям. Те были без концентратора. Где они и что с ними — было ясно по контексту. А что я не ошибся, стало понятно тогда, когда представители Ассамблеи взяли под стражу Питера, упомянув разрешение его родного отца.

— К ДЕЛУ НЕ ОТНОСИТСЯ! — вспыхивает Анна, широко раскрывая глаза в мою сторону красноречиво таращась мне в переносицу.

— Извиняюсь… — говорю исключительно для неё.

— Что было потом? — вздыхает муниципал, отчего-то тоже испытывая досаду.

Хм. Странно. Я не заметил вообще никакой связи между ним и Хаас. С другой стороны, я могу быть не в контексте. Деньги-то этот парень получает от Муниципалитета, не от Федерального правительства.

— Потом все мельтешили руками, держали друг друга под прицелом и ругались.

— Что делали вы?

— Пытался докричаться, чтоб вернули систему жизнеобеспечения сержанту Кайшете, чью капсулу перевернул Питер Штавдакер. Отсоединяя её от системы.

_____

— У юстиции больше нет никаких вопросов? — спрашиваю хмуро ещё через почти час переливания из пустого в порожнее.

— На нашем уровне нет, но я вижу в реестре исполнительный лист на взыскание, с вас пошлина. — Отчего-то расщедривается на информацию муниципал. — Не моя область, но скоро с вами свяжутся из департамента доходов.

— О каких суммах идет речь? — может, скажет.

— Понятия не имею. — С чистой совестью говорит правду капитан и исчезает вслед за майором.

Анна перед выходом делает знаки, что найдёт способ позвонить, но подобно Баку не задерживается. Почему-то, она не хочет выпускать из виду двоих служивых.

Когда все наконец рассасываются, ко мне подходит Камила, молча обнимает меня и несколько минут сотрясает меня и капсулу надрывными рыданиями, напоминая какого-то диковинного умирающего зверя.

_____

Глава 10

Хайке тяжело отвалилась на спину, порывисто выдыхая ставший почти твёрдым воздух.

Она уже знала, что сын пошёл вместе с Саярой в Корпус, решать тот самый, слегка зависший, семейный вопрос. Питер добросовестно, хотя и коротко отписал ей в мессенджере, обозначив намёками, что будет делать и когда ждать с ним следующей связи.

Откровенно говоря, Хайке и в голове не держала (и предположить не могла), что что-то там может пойти не так.

С одной стороны, Питер был официальным сотрудником Федеральной военной полиции. Помимо доступа к информации (что уже очень немало), это давало еще и целый пакет иммунитетов и привилегий.

Ну, до последнего времени давало; а сейчас надо пролистать все новости от Ассамблеи в клановом чате и посмотреть, как изменилась ситуация на текущий момент.

Во-вторых, вместе с сыном шла Саяра. С точки зрения силы искры, девочка была более чем на высоте. Фрау Штавдакер предполагала, что сама подруга сына и была инициатором предстоящего действия, но это как раз было неважно. Тот случай, когда личные пристрастия (вернее, антипатии) урождённой Исфахани (и будущей Штавдакер) полностью совпадают с кем, что выгодно Клану.

Хайке была увлекающиеся натурой и у неё периодически получалось обманывать саму себя, в частности, по мнению мужа. Так было и на этот раз. Голова её каждый раз кружилась от близости Энзи, во всех смыслах, и оттого критичность её восприятия была не на высоте. Подсознательно, она это и сама поняла, тут же абсолютно искренне пообещав себе вникнуть подробнее сразу после того, как…

Видимо, Лютер что-то такое почувствовал в её изменившемся настрое, потому что, точно также отвалившись на спину рядом с ней, сенатор Энзи мечтательно уставился в зеркальный потолок и спросил лежащую рядом женщину:

— Что-то было не так?

— Да Бог с тобой! — не поленилась всплеснуть ладонями фрау Штавдакер, после чего заставила себя перевернуться на бок и поцеловать сенатора. — Всё чудесно… — прошептала она хрипло и весело. — Просто Питер пошёл решать кое-какие вопросы в Корпусе, ну, ты понял?.. А я не стала вникать в детали, потому что именно в этот момент поднимался по лестнице ты.

— Польщён, — ухмыльнулся сенатор. — Но он же обращался и ко мне. Взял у меня пару человек; сам выбирал из тех, кого знает лично. Надеюсь, там проблем не возникнет. Он выглядел очень уверенным.

Именно в этот момент комм Хайке подпрыгнул на прикроватной тумбочке, возмущаясь установленным загодя беззвучным режимом.

После чего установил принудительное соединение с внешней стороны.

Хайке побледнела в мгновение ока: это мог быть только законный супруг.

Наплевательское отношение к ней Пауля последний год и его лояльное закрывание глаз на всё подряд сыграли с ней в этот раз плохую шутку. То, что номинальный глава клана не пользовался некоторыми инструментами (от которых лично она успела отвыкнуть), вовсе не означало, что он забыл о том, что они есть.

«Надо было не оставлять комм активным, пока Лютер у меня», — с запозданием мелькнула у неё как нельзя уместная сейчас мысль.

Голограмма собственного мужа, вспыхнувшая в полуметре от лежавший на кровати пары, абсолютно спокойно обозрела мгновенно покрывшихся испариной любовников и жизнерадостно присвистнула.

— Вот ты где, с-сука, б#я, — весело улыбнулся муж жене. — Кувыркаешься? Другого места, кроме как как наша кровать, найти не могла? — затем хозяин дома бестрепетно перевел взгляд на Энзи. — Вызов от меня получишь через три минуты, через секретариат Ассамблеи. И только попробуй не ответить сразу. В этом случае, из моего дома просто не выйдешь. Обещаю.

Лютер встревоженно покосился на Хайке, но та молчала, закусив нижнюю губу и стыдливо прикрыв обнажённые выше пояса телеса руками.

Как бы ни сложились на деле их отношения в прошлом, женщине только что прямо напомнили: глава Семьи жив и здоров, и с позиции главы Семьи его никто не смещал.

— А ты, тупая тварь, слишком увлеклась… — было видно, что простой, как труба, Пауль хотел сейчас выматериться, но почему-то сдержался от сквернословия в самый последний момент. — Питера арестовали на территории Корпуса. Он два часа назад, своей рукой, от имени всего Клана начал полноценную войну с Хаасами. На виду у всего Корпуса, у кучи свидетелей на глазах, включая технические средства наблюдения. Хаасы, кстати, уже собрали кворум на Ассамблее по этому поводу, я только оттуда. Их официальная Нота у меня в руках.

— Если нужно, я сейчас же подтяну к вашему дому свою охрану! — попытался поучаствовать в разговоре супругов неуместный на этой кровати голый сенатор. — Если мы быстро объединим силы двух кланов…

— Заткнись и мотай из моего дома, — поразительно спокойно, даже не поворачивая головы, ответил Штавдакер-старший.

— Пауль, это очень хорошее предложение! — Хайке уже взяла себя в руки и попыталась деловым тоном сохранить хорошую мину при плохой игре.

Если сейчас, в суматохе, спустить всю остроту эмоций на тормозах — там, глядишь, и получится договориться с мужем… Он слишком примитивен, чтоб она не смогла разрулить и этот момент. Будем надеяться. Тем более, когда она начинала истерить, он всю жизнь моментально сдувался и любил махнуть на всё рукой, лишь бы скандалов не было. Так, надо быстро настроиться на нужную волну. Наверняка получится взять глоткой и на этот раз, надо просто постараться…

— Если мы объединим силовой блок вместе с люторовским, то… — начала разгоняться Хайке, ускоренно входя в нужное психологическое состояние.

— Заткнись, тупая бл#дь, — выплюнул муж, явно сожалея о сквернословии. — Я не разрешал тебе говорить. Ты что, правда считаешь, что у тебя есть какие-то права в этом доме после всего, что случилось?!

Пауль был убийственно адекватен. Именно это олимпийское спокойствие в такой неподходящий момент больше всего и пугало женщину.

«А если бы он был таким раньше!..» — с запозданием мелькнуло у Хайке.

*— Не нужно пытаться перетягивать на себя полномочия главы **чужого** Клана, по собственной инициативе, если вам их не поручали, — мягко, но с тигриными обертонами в голосе продолжил Штавдакер-старший. — Это вас обоих касается. Для информации: слава богу, Грег Хаас — нормальный человек. И вначале он связался со мной. Все клановые вопросы с Хаасами я с этого момента решаю сам и лично. Энзи, повторяю для персонально тебя: через три минуты ты стоишь на крыльце моего дома, со включённым видеофиксатором своего служебного комма; и мне насрать, будешь ли ты там с голым хоботом или оденешь смокинг. Вызов от меня примешь в ту же секунду, понял? А ты, — он перевел взгляд на жену, и она с полным изумлением первый раз жизни обнаружила в его взгляде лёгкую брезгливость в свой адрес. — У тебя есть ровно пятнадцать минут, чтобы покинуть **мой** дом. На всякий случай: если у тебя сейчас мелькают разные*

интересные мысли, касательно раздела того же имущества и прочих прав собственности…

Хайке действительно в этот момент собиралась начинать бороться за материальное, вот прямо сейчас; но Пауль её опередил и не дал сказать ни слова.

— … этот дом будет выставлен на продажу через полчаса. — Продолжил так резко изменившийся глава дома Штавдакер. — Все деньги с его продажи лягут на твой личный счёт, чего на безбедную старость более чем достаточно. С голым задом по миру не пущу, не бзди. Далее. В зависимости от итогов моей дуэли с этим придурком Энзи, наши с тобой адвокаты продолжат дальнейшие дискуссии о разделе имущества клана. Ну и о разводе попутно, это параллельные процессы.

— Пауль, но ведь мы старались не потерять ни сантима всю жизнь… — всхлипнула Хайке, не будучи в силах удержать покерфейс и чувствуя, как земля уходит из-под её ног, несмотря на горизонтальное положение.

— Не говори мне больше «мы». С этого момента нет никаких «мы». Есть только бывшие супруги, которых разведут со дня на день, потому что я приложу максимум усилий и не пожалею денег на это. А Хаас поможет юридическим сопровождением и оформлением всего того, что обычно затягивается. И да, я отзываю у тебя фамилию Штавдакер, Хайке. — Он первый раз за долгое время назвал её по имени. Видимо, и последний. — Если тебе нужно собрать что-то в ***моём*** *доме, перевести остатки каких-то операционных сумм на личные счета, не могу придумать, что ещё… у тебя есть на всё те самые пятнадцать минут.*

— Если не успею?.. — деловито уточнила женщина, тут же меняя планы и прикидывая грядущие изменения в жизни.

Похоже, и правда следовало торопиться.

— Если не успеешь, значит, вылетишь из дома в том, в чём будешь. — С этими словами Пауль отключился.

После звонка теперь уже, считай, бывшего мужа, Хайке рывком поднялась на ноги, оперлась о стол на мгновение, собираясь с мыслями и выстраивая последовательность ближайших действий.

Лютер Энзи, глядя на неё сзади, именно в этот момент почувствовал непреодолимое влечение, сила которого было непередаваема.

Он вскочил с кровати вслед за женщиной и мгновенно, быстро, грубо вошёл в неё сзади. Утыкая её лицом в стол и заставляя вскрикнуть от боли.

— Немедленно прекрати! — возмутилась Хайке и завозилась под ним, пытаясь высвободиться.

Но он не дал ей выпрямиться.

— У тебя три минуты, чтобы уйти. — Всхлипывая от неприятных ощущений, она не оставляла попыток воззвать к его разуму и немедленно прервать крайне неприятную процедуру.

— Неважно, — на ходу процесса махнул рукой Лютер, хрипло выдыхая сзади и наращивая темп. — Двадцать секунд, я успею… не дёргайся…

А Хайке с запозданием подумала: наверняка сейчас рядом с её мужем, которого она никогда не считала за равноценного жизненного партнёра, появилась какая-то другая девка. Уж больно резко он запел по-новому.

_____

— Ты нормально говорил. — Мари обвила руками Пауля Штавдакера из-за спины. — У меня для тебя есть подарок. Вон стоит. — Она указала глазами на простую картонную коробку в углу комнаты.

Мужчина, легко подхватывая её на закорки, сделал два шага и через пять секунд одной рукой вскрыл упаковку.

— Ух ты! Урожай …68 года! — Пауль искренне обрадовался находке, что отчасти не вязалось с его образом главы Клана. — Где достала?!

— Места знать надо, — мягко улыбнулась девушка, прижимаясь виском к его лбу. — Но выпьем после твоей дуэли, хорошо? Волнуюсь, — беззащитно призналась она.

— Пх-х-х, какая дуэль, — пренебрежительно уронил в ответ Мясник. — Лютер забздит, вот увидишь. Э-э-э… пардон, испугается. Сто процентов, он пришлёт посредника и предложит денег для компенсации.

— Уверен? — с сомнением в голосе уточнила шатенка, годящаяся ему в дочери по возрасту.

— Да. Не первый день живу, — твёрдо кивнул мужчина. — Их проблема в том, что они считают меня дураком. А я никогда никого не разубеждаю: лучше потом удивить, чем кто-то будет готов заранее.

Глава 11

Камила ещё какое-то время всхлипывает, прижимаясь ко мне, считай, голыми сиськами, потому что надетое под её халат специальное хирургическое белье от тактильного взаимодействия не предохраняет вообще никак.

— Решила буквально и дословно начинать исполнять завещание Жойс? — намекаю ей, терзаемый противоречием чувств.

С одной стороны, конечно, это очень приятно на уровне физиологии.

Меня даже начинают атаковать смутные сомнения в плане того, что Алекс делал внутри меня намного больше, чем говорил вслух или намекал. Так-то, понятно, что в моём возрасте определённых гормонов в крови больше, чем у молодого оленя в период гона. С исчезновением соседа, на направление и точность моего мышления определённая гормональная активность влияет весьма своеобразно.

До сего момента подобной тестостероновой интерференции в собственный процесс мышления я не ощущал.

С другой стороны, понятно, что в моральном плане близость Камиллы не то чтоб напрягает; просто является не совсем правильным действием именно здесь и сейчас.

— Ты о чём? — Карвальо рассеянно смотрит сквозь меня, хлопая длинными ресницами.

Ну ничего себе у меня ощущения и мысли. Впору теряться в догадках: это Жойс держала меня постоянно в ресурсе, к-хм, технично снимая лишнее напряжение?

Или это Алекс конвертировал излишки моего тестостерона во что-то позитивное?

Если так пойдет и дальше, то львиная доля внутренней энергии у меня будет тратиться на компенсацию собственных нерациональных устремлений.

— Меня твои бубоны настраивают на неконструктивный лад, — взглядом указываю на некую часть мужской анатомии.

Благо, Камила — профессиональный врач. С ней можно не стесняться.

— У меня какой-то гормональный сбой, что ли, — в принципе, поделиться с ней реальной медицинской проблемой будет более чем логично.

— Ты про свою эрекцию сейчас? — непонимающе хмурится Карвальо, наконец прекращая прижиматься ко мне и делая полшага назад. — Да ну, не бери в голову… В твоём возрасте как

раз нормально… Я вообще раньше удивлялась, с чего ты такой спокойный; потому что должен был, в норме, реагировать гораздо более бурно… Мы с Жойс даже поспорили пару раз на эту тему… — она проглатывает окончания фраз и говорит отрывисто, словно борясь с подступающими слезами. — А сейчас я тебе, кроме прочего, ещё гормональных препаратов воткнула. Так что никаких отклонений у тебя нет; по крайней мере, с этой стороны. Не переживай.

— А о чём вы с Жойс поспорили насчёт меня?

— Будешь ли ты ко мне подкатывать свои яйца или нет, когда её рядом нет. — Веки Камиллы всё же начинают предательски дёргаться и она по новой прилипает ко мне, продолжая разводить сырость.

Выждав полагающуюся по логике паузу и дождавшись окончания приступа нервов у нашей доктора, возвращаю её к реальности:

— Кстати, не стал говорить при всех. У Жойс сердце бьётся.

— Ты оттуда слышишь, что ли? — словно сбрасывает с себя наваждение Карвальо и, наконец, начинает мыслить мозгами, а не эмоциями и психами.

— Не сразу почувствовал. Около получаса назад мелькнуло, но боялся ошибиться. Ещё и при нежелательных свидетелях говорить не хотел. Слышу, наверное, потому, что ты её всё-таки подключила обратно и задраила наглухо — а в той капсуле нижняя поверхность гладкая, как барабан. Резонатор хороший. Мне вот прямо сейчас и отсюда слышно, если прислушиваться.

Не уточняю, что на всякий случай вкрутил через программу чипа восприятие на полную, по инерции опасаясь очередных сюрпризов. Обжёгшийся на молоке, как известно, дует и на всё остальное.

— Да, там же нейро-сенсор во весь рост, я ж её в нейро-реанимацию разместила, — шмыгает носом бравая капитан по инерции. — Ну, значит, живучая у неё физиология. Если бы мозг ещё ожил… А тебе точно не кажется? — она неуверенно разворачивается в противоположную сторону, словно боясь подходить ко второй нейро-капсуле.

— Сердце бьётся один раз в полминуты, или около того. Редко и несильно, но бьётся. Вместе с биением сердца, ощущается подобие шумов в лёгких, но тут неточно. Разрешающей способности чипа не хватает на идентификацию звука.

— Да ну? — неверяще топчется на месте Камила.

Но в итоге перебарывает себя и решительно садится за свой рабочий терминал.

— Ну да. Кстати, пока ты за компом… Когда ты сможешь

освободить меня?

— Да хоть сейчас, — ворчит Карвальо уже значительно более бодро, лихорадочно вчитываясь в поступающую из капсулы Жойс информацию.

— Техническая возможность у тебя есть?

— Шутишь? — видимо, пришедшие от Жойс данные говорят Камиле гораздо больше, чем мои заявления, потому что её тон радикально меняется. — Эти долбо#бы думали, что датчики из *моего* госпиталя отправляют всем адресатам девственную неприкосновенную телеметрию. — Она явно увлекается сопоставлением каких-то процессов, поскольку от её похоронного настроения не остаётся и следа.

— Ну так освобождай меня быстрее!

Камила, не глядя, тычет пару раз пальцем в отнесённый в сторону виртуальный дополнительный пульт — и фиксирующие браслеты на мне распадаются половинками, возвращая мне способность шевелить руками и ногами.

— Камила, можно я в нормальный туалет схожу? Мне тут неудобно.

— Стесняешься, что ли, при девушке гадить? — уже совсем другим тоном фыркает она, не оборачиваясь. — Я ж тебя к дренажу подключила. Действуй на месте, не надо тебе сейчас вставать лишний раз…

— А почему не вставать? Боишься, какой-то контакт покажет, что я из капсулы поднимался?

— Дурак что ли?! Сказала же, в *моём* госпитале никакой контакт ничего лишнего никому не покажет! Ещё и по удалёнке. Просто у тебя две капельницы введены, ещё минут девять капаться, — наше светило медицины, кажется, окончательно пришло в себя.

— Если только девять минут, я лучше подожду.

— Как хочешь. Моё предложение — не парься. Надо — делай на месте. Если ты рассчитываешь не задеть мои… — а дальше она вообще не продолжает фразу, начиная играть в подобие пинг-понга с головным компом заведения. — Выглядит как обычная кома, — сосредоточенно бормочет Карвальо через какое-то время. — Это далеко не позитив, но и совсем не то, что должно быть… По идее… с таким-то анамнезом…

— А что должно быть? — спрашиваю, чтоб что-то сказать в ожидании оставшихся трёх минут процедуры. — И кстати, почем я не чувствую этой твоей капельницы?

— А она диффузионная, там иглы нет. Оно тебе всё межмолекулярно под кожу втирается, под повышенным давлением. Типа ретро-терапии против потенциально

депонировавшихся колоний нанитов из овода.

— А как оно действует? И где эта гадость, в смысле овод, могла депонироваться? В каких тканях? Разве подкожный ввод что-то вымоет из костей? — неожиданно замечаю, что мне интересна физика процесса, несмотря на отсутствие со мной Алекса.

Интересно. Это что, он во мне что-то передвинул или местами поменял?

— Это не сифилис и не иммунодефицит! — возмущённо вскидывается Карвальо. — Какие кости?! Ещё и за такой микро-период?! Подкожный жир и нервные волокна, максимум… Я ж тебе говорила, оно перневрально распространяется. Кости там ни при чём.

— А что это вообще за гадость? И как оно работает?

— Только никому не говори, это *классифицированная* информация. В общем, там несколько вариантов насыщения заряда, от мгновенного паралича до постепенного растворения в твоих тканях, за счёт последующей межмолекулярной диффузии. Суть в том, что девять раз из десяти оно при вскрытии будет выглядеть, как естественная смерть, ничем не спровоцированная. И большинством анализов после определённого периода не определяется. М-м-м… тебе знакомо понятие «механического псевдо-вирусного вмешательства»?

— Не-а.

— В общем, там механика работает, а не химия. Оно не реакцию на синапсах у тебя убирает, как паралитики. Оно подменяет твой родной сигнал в нервах на инвазивный. Отличающийся по фазе, частоте и амплитуде.

— Получается, эта фигня внутри моей нервной системы автономно раздаёт команды? Типа, сердцу не биться? Подменяя сигнал в нервах? По частоте и фазе? Типа взлома управляющего компьютера на базе и замена родной телеметрии на импортированную? — не отказываю себе в удовольствии представить процесс в виртуальной модели.

Интересно, что же Алекс со мной всё-таки сделал?

— О-о-очень грубо говоря, типа того. Только человек устроен сложнее, чем комп. Потому что есть центральная нервная система, и есть периферическая. И они на семьдесят процентов перекрёстно контролируют друг друга… так, не мешай теперь…

Камила явно выпадает из диалога, поглощённая работой.

Неожиданно, во внутреннем пространстве распаковывается виртуальная иконка бумажного почтового конверта, до боли напоминающая кое-что знакомое.

———

Привет!

Если этот конверт у тебя вскрылся, значит, он автоматически разархивировался через четыре часа после окончательного распада моей псевдо-личности. Я специально настроил архив так, чтоб в случае моего неожиданного выбывания ты не остался босым:)

Я тут подготовил кое-что типа наследства, на всякий случай. А то жизнь у тебя весёлая, всякое быть может:) Ещё и в любой момент.

Пока я зависал на берегу, заняться особо было нечем. Но «Лень разума от себя нужно гнать любой ценой», даже в такой вот обстановке. Впрочем, ты это поймёшь позже, когда подрастёшь:)

Я тут кое-что погонял в твоём чипе, в разных режимах, плюс перепрошил.

Заняло кучу времени, потому что изнутри и вручную, но оно того стоило. Надеюсь, ты со временем оценишь.

ЗАПОМНИ! ОСВОИТЬ НОВЫЙ ИНТЕРФЕЙС БУДЕТ СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ ТВОИ ЗАНЯТИЯ У ДОНГА! Я за тебя многое делал вручную, рассчитывая передавать тебе управление постепенно, исподволь нарабатывая нужные навыки. Они, кстати, весьма часто и базовым рефлексам противоречат, так что будет непросто.

Если этот архив распаковался, значит, перестраивать свои рефлексы ты будешь самостоятельно. Впрочем, и тут есть утешение: какие твои годы.

Мой прогноз: с новым интерфейсом тебе нужно учиться работать по времени никак не меньше, чем разучивать упражнения твоего вьетнамского мастера.

Главное: эвристический блок твоего чипа весьма неплох, как минимум в потенциале. У вас пока просто нет нужных оптимизационных алгоритмов, включая энергетическую оболочку процесса.

Такой девайс у вас — как лазерный прицел на рогатке, говоря языком вашего майора Стоуна. Избыточный и нераскрываемый потенциал, при существующей недоразвитой аппаратной части. Такое впечатление, что у вас научная работа ведётся параллельными и непересекающимися потоками, хм.

Нужные оптимизационные алгоритмы были у меня. По крайней мере, учили в своё время

#смущённый взгляд в сторону

Тут я их ваял вручную и по памяти. Ничего не говорил тебе потому, что не хотел раньше времени обнадёживать.

В общем, вот тебе моя первая заготовка:

#Демо-версия потенциала на 60 %

#Архив #Архив #Архив #Архив #Архив …….

…..

Знаешь, давно хотел сказать, но не приходилось к слову. Вот тебе ещё перечень технических решений, которые могут помочь лично тебе, на вашей материальной базе, сформировать собственный стартовый капитал для дальнейшего развития. #Архив #Архив #Архив ……

ВАЖНО: здесь только технологические решения! Адаптированные под первые попавшиеся производственные цепочки, которые мне встретились в ваших сетях. Обязательно проконсультируйся со своей Анной! В ваших правовых коллизиях, я не до конца понял, как защищается интеллектуальная собственность и как сделать, чтоб у тебя не украли сами идеи без оплаты. Мой совет: лучше возьми её в долю, но гарантируй себе постоянный доход…

…..

Немного чтения моралей.

Вы находитесь на том уровне, когда лично тебе с ноля надо начинать подниматься не на контрабанде и сигарах, что бы ни говорила твоя девушка. При всём моём к ней уважении.

А, например, вот. #Архив #Архив #Архив ……

Тот же онлайн-переводчик, при вашей ситуации с языками и образованием, в потенциале гораздо более прибыльная вещь, чем налогообложение хоть и всей провинции. Которая у вас называется Муниципалитетом.

…..

Моё мнение по глобализации… у вас кое-что здорово отличается, но общий вектор такой…

…..

Тема #

…..

Тема #

…..

Тема #

…..

Глава 12

— Камила, всё хотел спросить. А зачем тебе дёргали в штаб в тот момент, когда Мохнатое Ухо припёрся вместе со Штавдакером-средним и Исфахани? Тебя ж специально отвлекли отсюда, нет?

— Было одно взыскание. Дисциплинарное. — Неохотно отзывается Карвальо. — Сейчас понимаю, что он меня просто развёл на ровном месте. Хотела ещё в том месяце взять кредит у родного министерства, для обучения мелких; уже и заявку подавала дважды….

— Э-э-э, что за мелкие? У тебя что, уже дети есть?

— С ума сошёл?! Какие дети?! Младших сестры и брата! Живут дома, в Рио. По этому кредиту и процент хороший; и, если они будут учиться хорошо, половину вообще можно будет не отдавать. Ну типа как государство инвестирует в гениальность будущих граждан.

— Ничего себе. У нас в муниципалитете я про такие программы и не слышал.

— Так, по-моему, у вас такого и нет, — с сомнением в голосе на мгновение поворачивает голову наша доктор, скользя взглядом по мне. — Я у вас специально не узнавала, но там же поручителем выступает муниципалитет. У нас есть куча программ и для чёрных; кстати, я Жойс на такую так и не смогла уговорить… Ещё есть программы для детей фермеров, причём отдельно для животноводов и для земледелов. Есть программы для аборигенных этносов, скажем деликатно, которые вообще из джунглей за всю жизнь хорошо если два раза высунутся. А у вас же чёрных не водится? И фермеров я что-то не видала? В вашей чисто промышленной агломерации, видимо, считается, что вы и так богатые. И на собственную учёбу в индустриальном центре заработать возможности имеете и без муниципальных субсидий.

— Сказал бы я тебе, что я думаю о наших субсидиях и аналогичных возможностях, — вздыхаю. — Но Жойс говорила, мужик не должен вываливать эмоциональный негатив на свою подругу.

Мы с Карвальо, конечно, не в том плане друг и подруга, что имела тогда ввиду Жойс, но…

Не буду додумывать эту мысль до конца. А то там и до повторного аэродинамического безобразия недалеко.

— Лучше ты продолжай. — Выныриваю из сложного комплекса ассоциаций, часть которых является прямо безнравственной.

— Так я тебе уже почти всё рассказала! Из-за того дисциплинарного взыскания у меня до конца года заблокирована возможность, в том числе, взятия именно этого кредита. А тут мне в мессенджере от Мохнатого Уха в личку пришло: «Подойдите в двести двадцать пятую, прямо сейчас. Срочно. Есть вариант на снятие взыскания, но разовый и неточный. Нужно кое-что обсудить лично, безотлагательно». Я сдуру и кинулась… Прости меня, дуру…

— Тупой вопрос. Камила, а как бы он тебе в глаза после этого смотрел?

— Если б ты его не ухлопал? А я вернулась сюда — а тут…?

— Угу.

— Да никак. Меня, для начала, под арест. Особенно если б тебя инфрой положили и ты б, например, от остановки сердца загнулся. Или от паралича дыхания. Либо второй вариант: овод по тебе официально зафиксирован. Если тебя хлопнула б Исфахани, всё той же инфрой, шут его знает, как бы экспертиза делалась. Могли б всё на тот же овод списать. А если б я с Ухом потом когда и пересеклась, с учётом, что он на пенсию собирался, он бы просто сказал: ошибся номером. Писал не вам. Извините. Всё остальное — просто совпадение, так по времени совпало.

— Так вот почему у Штавдакера не было агрессии в намерениях, — доходит до меня. — Видимо, так и есть, как ты говоришь… Слушай, расскажи про родню? — перевожу разговор на другую тему, пока она в своих размышлениях снова не свернула на депрессивный путь. — А то и от Жойс почему-то о твоих мелких тоже не слышал.

— Брат и сестра, близнецы по семнадцать лет, — пожимает плечами Камила. — Чего рассказывать? Живут на окраине, считай, в самом пригороде. Чем занимаются, после смерти родителей не хочу даже вспоминать, не то что рассказывать…

— А что с твоими родителями случилось?

— Коротышка, не спрашивай! Сказала же, не хочу говорить! Не принимай на свой счёт, — извиняющимся тоном добавляет она. — Просто для меня очень болезненная тема… А мне на сегодня хватит и адреналина, и бурных эмоций. Кстати, знаешь, боюсь вякнуть вслух, но Кайшета вон на экране… — Камила тычет пальцем в точку на графике, прерывистой линией бегущем справа налево.

И в этот момент раздаётся громкий звонок от входа в приёмный покой. А висящий на стене экран показывает Анну, размахивающую обеими руками в сторону камеры и почти что пританцовывающую под дверями от нетерпения.

— Потом договорим, — быстро выпаливает Карвальо и

вручную разблокирует замок.

— Привет всем ещё раз! — жизнерадостно выдаёт Хаас, возникая на пороге. — Я с этими двумя закончила, все документы подписали! Теперь тебя можно освобождать, — неуместно весело улыбается она.

Видимо, её появление совпадает по времени с приходом какой-то команды от юстиции на компьютер Камилы. Потому что в тот же момент зажимы реанимационной капсулы щёлкают в воздухе, словно зубами, и повторно распадаются на половинки.

— О, ты теперь свободен, — отстранённо констатирует Камила, усаживаясь за комп, — по-взрослому. Команда есть… подтверждение им отправила…

— Я, честно говоря, за этим и шла. — Убавляет оптимизм из голоса Анна. Видимо, проникаясь общей эмоциональной атмосферой. — Я не знала, что тебя уже освободили, — она вежливо косится на Карвальо, но та игнорирует взгляд маленькой блондинки, занимаясь своими делами. — Что сейчас дальше делать будешь?

— Поговорю с тобой и отправлюсь к Моше.

— Хорошо, давай поговорим. — Анна кивает и уже открыто спрашивает в затылок Камилы. — Ничего, если мы с Алексом здесь пообщаемся? Мы не будем вам мешать? Или лучше будет выйти?

— Ему отсюда ещё рано выходить, — не оборачиваясь, сообщает наша модельная доктор. — Коротышка, никуда ты сейчас не пойдёшь, ни к какому Моше. Ты в сортире закончил всё, что в течение получаса предварительно планировал?

— Да. Могла бы и нормально спросить. Не на Всеобщем.

— У-тю-тю, какие мы нежные, — фыркает Карвальо. *— Я не поняла, у тебя что, и на эту глисту белобрысую деликатные гормональные планы? Чего ты при ней растопыриваешься, как фазан на току?*

— Дура! — вырывается у меня против воли. — *Просто неудобно про такое говорить при ребёнке!*

— Ты не теряешь ничего в любом случае. Если у тебя нет в её адрес этих самых интересных планов, то я ничего вам и не испорчу. — Зачем-то откровенно издевается Камила. *— А если они у тебя всё же есть, я о намерениях сейчас, то гадить в будущем тебе так и так в её присутствии придётся. Пусть привыкает, что и ты в туалет можешь пойти.*

— Вот ты стерва! Да ты просто издеваешься сейчас! Зачем?!

— Должны же у меня быть какие-то личные мелкие радости в жизни, — равнодушно пожимает плечами наша капитан. — Коротышка, марш в капсулу и пристегни к себе те присоски, что

выше пояса. Будем заново тесты делать. А то ты что-то слишком рано засобирался… — Завершает она уже на Всеобщем. — *У Жойс регистрируются кое-какие функции.* — Добавляет она совсем другим тоном. — *Сейчас буду запускать кое-какую терапию, стабилизировать пытаться. Не хочу оставаться здесь одна.*

— *Боишься?* — с запозданием доходит до меня.

— *Да. Боюсь. А ещё ты куда-то намылился. И хочешь меня оставить одну.*

— *Я в твоём полном распоряжении*, — моментально залезаю обратно в капсулу и выполняю предписанные манипуляции с присосками выше пояса. — *А вообще, конечно, странно. Боевая хирург Карвальо, которая сшила и собрала заново столько народу…*

— *ЗАТКНИСЬ. То был другой народ, не Жойс… Можешь пока поговорить со своей белобрысой. Я наушники надену и громко их включу. Скажи ей, защита и звукоизоляция сейчас на всём медсекторе. Может с тобой разговаривать, не опасаясь, что кто-то услышит.*

Камила и в самом деле тут же извлекает из рабочего стола пару огромных наушников и водружает их себе на голову.

— Ты о чём-то спросить хотел? — Проявляет догадливость Анна.

— Да, хотел.

Какое-то время мнусь, не зная, с какой стороны подступиться. Я уже успел обдумать текущую ситуацию и разговор с юной звездой юстиции в качестве первого шага напрашивается сам собой.

Решаю идти в лоб:

— Мы можем что-то предпринять, чтобы выяснить: кто на меня изначально охотился в моём номере? Какие меры могут быть предприняты, чтобы это не повторилось? И кто будет отвечать за смерть Жойс? У меня не так много точек опоры; и перед тем, как идти куда-то ещё, хотел вначале спросить тебя.

— Я хотела тебе предложить нашу защиту. — Уверенно отвечает Анна. — На твой вопрос: отсюда нам, муниципалам, не видно. Понятно только, что это тоже какие-то федералы. Тело в номере, материалы дела, вещдоки изымаются сейчас галопом по одной непростой процедуре. Я, если честно, по поручению отца наоборот тебя хотела расспросить: что вы за семья? Чем и где вы так в Столице могли наследить, чтобы за тобой полноценную охоту организовали? — она закусывает нижнюю губу на пару секунд. — Знаешь, я же и сама учусь в этом заведении. И здесь то преподаватели расскажут что-нибудь «интересное» из собственной практики, то старший курс с каких-нибудь отработок колониальных вернётся… Ситуации бывают самые

разнообразные, но общая тенденция вот: работа по несовершеннолетнему даже в колониях, где у них и гражданских прав толком нет, не просто большое исключение. Это Чрезвычайное Происшествие. О котором, если оно становится известным, потом приходится заполнять достаточно большое количество неприятных документов.

— Если не секрет, откуда ты в курсе таких подробностей?

— Да какой там секрет… мы ж юристы. Очень часто хвосты некоторых интересных форм докладов тянутся из колоний сюда, в муниципалитет. А нам потом приходится этим заниматься.

— Получается, я через тебя никак не смогу выяснить, откуда дует ветер?

— Даже через моего отца никак не сможешь, — уверенно качает головой Анна. — Алекс, я очень дорожу тобой как другом, но я была бы плохим юристом, если бы не предупреждала сразу о пределах наших возможностей. Мы, я сейчас о Клане в целом, всегда говорим своим клиентам: это мы можем наверняка. Или — здесь вероятность процентов семьдесят, но вы можете не опасаться. Потому что именно ваш кейс не имеет внутрисистемных противоречий. Или — а здесь мы ничего не сможем сделать, по таким-то и таким-то причинам. — Она фокусирует взгляд на мне и делает вывод. — Вот в твоём нынешнем случае, определить источник угрозы с нашей стороны не представляется возможным. — Анна предостерегающе поднимает ладонь, не давая мне её перебить. — Поэтому я вполне официально делаю тебе следующее предложение. Понятия не имею, что у тебя были за планы, но давай ты от них полностью откажешься? Разорвешь все имеющиеся контракты на федеральном уровне, если вдруг у тебя есть незакрытые на кафедре? И установишь любого плана официальные отношения с Хаас?

— Звучит, как отдача себя в твоё рабство, — фыркаю, поскольку в голове возникает сразу несколько разноплановых мыслей.

— Дурак, что ли?! — Изумляется Анна. — Я же не договор с односторонними обязательствами предлагаю! Отец может тебя усыновить, как вариант… например, на время. Либо мы можем установить с тобой родственные отношения, тут есть три варианта. — В этом месте наша маленькая блондинка отчего-то краснеет до состояния бордовой свеклы и торопливо добавляет. — Не подумай в сторону брака! Первый вариант — как брат и сестра. Второй вариант— как опека одного над другим, без разницы, кто кого.

— Третий вариант — всё-таки брак? — Глядя на её

смущённая лицо, не могу удержаться от смеха.

— Есть вариант помолвки, без обязательного брачного контракта впоследствии, но с установлением опеки моего отца над тобой. — Анна быстро справляется со смущением, хотя в первую секунду от её красного лица можно прикуривать. — Вариантов может быть масса, вот их принципиальная суть: ты официально объявляешь о брошенных якорях в муниципалитете. И так же официально входишь в Клан. Соответственно, любое кривое слово против тебя, особенно в условиях действия нынешнего Меморандума, является агрессией против всех Хаас. А мы умеем защищаться на своей территории.

— Спасибо за предложение, — говорю как можно более серьёзно. — Это действительно классный вариант, но я буду держать его как запасной. Пока.

— Почему? — моментально вцепляется в последнее слово Анна.

— Я же не один пострадал, — пожимаю плечами, указывая взглядом в сторону капсулы Жойс. — Хреновым я был бы мужиком, если бы после этого всего спрятался за твою спину. Забыв о святом правиле отомстить за девушку.

— Я так и думала, что ты именно это ответишь. — Съеживается блондинка. — Но и не предложить тебе самого рационального выхода, с моей точки зрения, я тоже не могла. Ладно, пусть будет запасной вариант…

— Хаас, а ты серьёзно сейчас говорила про брата и сестру? — осторожно спрашиваю после некоторой паузы. — Зачем это тебе, или вам? В чём моя выгода — понятно. А вам на кой этот геморрой?

— Говорила более чем серьёзно, — она поднимает взгляд и переводит его с кончиков своих ботинок на мою переносицу. — Отец сказал, что лучше такой близкий друг или брат, как ты. Чем мои тараканы в голове — и вообще никакого мужчины рядом. Он говорит, ты очень патриархален в некоторых вопросах и с тобой он без опасений оставил бы меня почти в любой ситуации.

— Странно слышать, — признаюсь. — Всё-таки мы с тобой не кровные родственники, да и не одного пола.

— Да ну, ты же порядочный, — как о чем-то несущественным, отмахивается Анна. — Отец говорит, с тобой всяких глупостей в мой адрес можно не опасаться.

— Какое трогательное доверие к моим душевным качествам, — не считаю нужным скрывать иронию.

— Батя так и сказал: если повесить на тебя чувство ответственности, это убьёт в тебе любое деликатное поползновение в адрес моих форм не самой первой

привлекательности, — хмыкает Хаас, что-то припоминая.

— Ничего себе, у вас разговоры…

— Мы же юристы, — слегка удивляется девочка. — Мы должны реально смотреть на вещи, а не пичкать самих себя иллюзиями. Внешность — не самая сильная моя сторона, и я это знаю. Когда настанет пора искать реального мужа, я буду в гораздо большей безопасности, понимая, что я не красавица. И что жениться на мне *по любви* можно только из каких-то других соображений, не из сексуальных, — без тени юмора поясняет Анна.

Видимо, Камила всё это время что-то хитрит со своими наушниками. У меня и до этого момента было подозрение, что она всё слышит: во-первых, я не ощущаю никакой музыки с её стороны, хотя и должен.

А во вторых, именно в этом месте она хрюкает и давится какой-то конфетой, которую жуёт между делом.

Через секунду мои подозрения подтверждаются, поскольку Карвальо говорит, не оборачиваясь:

— Коротышка, ты же не поверишь в этот чёс? Ссыкуха, похоже, без ума от тебя и из своего папаши вьёт веревки. А их мамаша может считать, что ты никуда не денешься, попав к ним на контракт однажды.

Глава 13

— Камила, иди в задницу!

Карвальо в ответ раздражается гомерическим хохотом и добавляет:

— Коротышка, я серьёзно. Мы с тобой не чужие люди и я не планирую допускать того, о чём потом могу пожалеть.

— Карвальо, не х#ей. То, что мы с тобой не чужие друг другу, не даёт тебе прав в отношении меня с точки зрения рабовладения.

— Даёт, Коротышка, ещё как даёт, — наиграно вздыхает Камила. *— Мы в армии. У тебя хоть и достаточно хитрожопый статус без особых обязательств в дисциплинарном плане, но возможностей капитана-врача в отношении такого невеликого персонажа, как ты, ты явно недооцениваешь. Особенно если это — твоя лечащая врач, в силу твоего анамнеза знающая даже количество фолликул у тебя на гениталиях.*

— Карвальо, давай не будем ссориться на ровном месте?! Ты сейчас похожа на больную извращенку!..

— Гы-ы, страшно? — продолжает ржать Камила. *— Ладно, не ссы. Я адекватная. Развлекаюсь… Но ты же не будешь спорить, что весь предыдущий бред в исполнении этой ссыкухи выглядит полным чёсом?*

— Если бы не видел откалиброванные чипом эмоции, то да. — Соглашаюсь хмуро. *— А так, как ни смешно, но сейчас именно тот случай, когда она искренне верит в то, что говорит. Что, конечно же, не исключает совсем другой позиции у её родни, как ты намекала. В потенциале. Хотя-я-я, батя там тоже адекватный.*

— Коротышка, ты что, искренне веришь в адекватных аристократов?! — сейчас Камила уже не шутит, а говорит вполне серьезно.

— Будешь смеяться: нет, не верю. Но это — то единственное исключение, которое полностью подтверждает правило. Камила, я был с ними вместе на клановой Ассамблее, где они представляли мои интересы! Поверь, я у них на побегушках или в роли раба с прислугой — это как в той старой книге. «Для Атоса это будет слишком много, а для графа Де ля Фер — слишком мало». Говори это кто другой на её месте, я ещё миллион раз подумал бы, что ответить. Но в данном случае всё сказанное — чистая монета. Иногда банан — это просто банан. И не называй её ссыкухой при мне, пожалуйста. Тут реально их попытка протянуть руку помощи.

Карвальо глумливо хихикает и запускает в рот ещё одну конфету.

— Другое дело, что я не собираюсь принимать ни одного из прозвучавших предложений, — продолжаю, *— по крайней мере, на данном историческом этапе. По целому ряду причин.*

— Слава яйцам, — нейтрально кивает наша доктор. *— Больше не лезу в ваш содержательный диалог.*

— Стесняюсь спросить, а что бы ты сделала в противном случае? — мне и правда интересно, потому что эмоциональная гамма Карвальо до конца неясна.

— Пф-ф-ф, Коротышка! Тут просто, как у кролика морковка. Ввела бы тебе сейчас в медицинскую карту подозрение на психиатрию, пока без точного диагноза — и поверь. У армии хватило бы технических возможностей закрепить тебя такими фиксаторами, да в той капсуле, где скажу, что даже прокаченная физуха тебе не помогла бы.

— Ты что, правда могла бы так поступить со мной?! — я ошарашен и обескуражен.

— Вот ты тормоз занудный… — вздыхает Карвальо, не отвечая прямо на вопрос.

— Камила, мне сейчас, чтобы не терять времени, очень нужно сбегать к Моше. Я могу? Тебя не подставлю? — меняю неприятную тему, тем более что бежать действительно пора.

— Вообще-то, после овода, даже по касательной, тебе полагается валяться в реанимации, — неуверенно в предполагает она.

— Я не контролирую ситуацию, — деликатно напоминаю ей тонкости сложившейся обстановки.

Надеюсь, она ещё способна понимает намёки, потому что врачи в силу специфики мышления могут быть очень далеки от операционного анализа.

— Я хочу сходить и попытаться договориться… — многозначительно двигаю бровями.

— СТОП! Не продолжай, поняла… В принципе, по-твоему текущему состоянию противопоказаний к прогулке я не вижу, — продолжает она уже на Всеобщем. — Но чтобы я не разыскивала тебя с психиатрами по территории, даю тебе ровно сорок пять минут. По истечении которых чтобы был обратно в капсуле. *Я боюсь вкрутить Жойс терапию одна.*

— Камила, не хочу командовать, но у Жойс сейчас, насколько чувствую, идёт попытка стабилизации за счёт внутренних резервов.

— Ты серьёзно?

— Да. Я ханьской искрой чувствую. Чоу говорит, у меня второй уровень.

Карвальо мгновенно подбирается:

— А на самом деле какой?

— Смотря в чём. У меня чуть другая школа, не такая, как у Чоу. Она чистый медик, упор на лечилки. Я — упор на физвоспитание и сенсор. Я искру меряю по трём уровням. Как сенсор, если в её классификации, я тяну на четвёртый-пятый уровень.* — На самом деле больше, но тут есть условия; да и Камила всё равно не поймёт разницы. *— Расстояния близкое, плюс у меня с Жойс личная связь же.

— Это влияет?

— Да, эмоции усиливают. В общем, предлагаю её пока не трогать с твоей терапией. Если у тебя нет твёрдой уверенности в эффективности именно твоего протокола лечения.

— Какой там в одном месте протокол,* — Вздыхает Карвальо. *— По протоколу, её уже закапывать надо.

— Ну видишь… Пожалуйста, повремени со своей терапией. Не сбивай её внутренние настройки.

— Как долго?

***— У меня за четверть часа устаканилось. У неё надо умножать в несколько раз.* — Затем добавляю на Всеобщем. — Понял, исполняю. Возьму ещё одну форму из стопки?**

Камила молча машет рукой в направлении двери.

_____

Анна, явно тоже имеющая какие-то женские предчувствия и нахохлившаяся подобно скворцу, настороженно молчит всё то время, что мы разговариваем.

Мысленно благодарю всех богов, что у Хаас родной язык — не Portuguese. С нашей капитана сталось бы рубануть в лоб правду-матку даже в этом случае, упомянув и батюшку, и матушку, и прочих предков Анны. Причём, не факт, что всё сказанное оказалось бы правдой. Камиле бы хватило и того, что она искренне посчитала бы за таковую.

Анна, разумеется, выходит вместе со мной, поскольку направляется сейчас по делам Ассамблеи: упускать моментов отжать что-нибудь ненужное у федералов никто не планирует.

— А чем, ты думаешь, тебе поможет израильтянин?! — по дороге в следующий сектор интересуется, не врубаясь в мои планы, Хаас.

— Какая у меня сейчас самая большая проблема? С твоей точки зрения?

— В ретроспективе? Или в перспективе? — абсолютно логично и мгновенно парирует маленькая гений. — Уточняю потому, что на своём уровне вижу ровно две эти проблемы. Они обе большие, значимые, но лежат в разных направлениях. Одна в

прошлом потому что, а вторая — в будущем.

— Ты умная, — киваю на ходу. — Всегда говорил. Ну, давай о перспективе. Чего прошлое зазря колупать, всё равно не исправишь.

— Твоя главная проблема в перспективе исходит из отсутствия у нас достоверной информации по последнему эпизоду, — без паузы отвечает она. — Мы не понимаем источников применения этого овода против тебя и твоей девушки. Причём, был ведь и первый эпизод. Получается, ты стоишь в свете прожектора и понятия не имеешь, сколько вокруг стрелков и как они близко.

— М-да уж. Неприятное ощущение, — впечатляюсь образностью её аналогии.

— А зачем тебе Фельзенштейн? — простецки и наивно спрашивает она. — Просто любопытно. Ну чем он может помочь, даже теоретически?

— Ну, как чем… Он привык надеяться только на себя, оттого давно подвесил тройку или четвёрку маленьких вертолётиков над территорией.

— А-а-а, я думала, у него только эти здоровые машины, транспортёры. — Удивляется Анна, перепрыгивая через измазанную краской плитку под ногами. — На которых мы с тобой к твоим собакам летали.

— Нет. Не только здоровые. Он того не афиширует, как и вся их страна, насколько я понял… но у них эта техника практически универсальна, для всех видов задач. На этих мелких штуках, — указываю в сторону ангара Моше, над которым и сейчас барражирует какой-то аппаратик, — камеры очень неплохого разрешения, совсем как в Корпусе на полигоне. А главное — они пишут картинку в режиме двадцать четыре на семь. Моше говорит, что от паранойи ещё никто не умер. А вот наоборот — сколько угодно.

— Ну и предусмотрительность.

— Он на второй или третий день в лоб заявил в штабе: у вас тут такое творится, что я, говорит, лучше подстрахуюсь. Вы тут друг друга в*а*лите, что уж говорить об иностранце, который может просто случайно попасться вашим под руку. Тем более, говорит, у вашего заказчика в штабе сухопутных войск тоже нет единого мнение касательно представленной Израилем линейки техники и её перспектив.

— А у нас правда так?

— Он говорит, правда. По его словам, промышленное лобби и лоббисты устоявшихся при госбюджете КБ заточены под иную техническую мысль. — К сожалению, не могу ей сказать, что

Моше вовсе не унтер, а чуть покруче в чинах, поскольку это не моя информация. — «Технические революции и революции в тактике — это всегда выход из зоны комфорта и различные напряги. А кому на старости лет это интересно? Когда ты привык десятилетиями почивать на лаврах и не напрягаться; а тут какой-то… иностранец заставляет тебя напрягаться», — цитирую его мысли по этому поводу. В общем, он о своей безопасности заботится сам. И если, не дай бог, с ним что у нас случится, тьфу три раза… Запись на вон тех его носителях, транслирующаяся в том числе на его родину, даст в этом случае как минимум исчерпывающее представление о том, что происходило на открытых территориях Корпуса почти с момента его заселения сюда.

— А ты хочешь попытаться проанализировать территорию Корпуса до всех событий в его записях?

— Угу. — Вообще-то, есть и ещё кое-что. Но говорить об этом вслух будет, скорее всего, тоже неправильно.

Не то чтоб у меня были от Анны секреты. Просто не вся информация принадлежит мне.

_____

Одна из кафедр Корпуса. В помещении присутствуют заведующий кафедрой и один из старших преподавателей.

— Как тебе удалось так быстро сориентироваться и всё понять? — искренне удивлённый заведующий кафедрой, не дожидаясь просьбы подчинённого, из высокого блестящего кофейника наливает две чашки кофе. Одну из них он тут же двигает вперед по столу. — Ты не подумай, что я сомневаюсь в результате. Но как-то необыкновенно быстро ты всё раскопал, не находишь?

— Лео, я тебе сейчас одну историю расскажу, только ты учти: это строго между нами.

Сидящий в кресле мужчина в форме полковника устраивается поудобнее, чуть поёрзав на одном месте. На его лице, если знать его достаточно хорошо, можно определить зарождающуюся улыбку.

Отлично зная своего собеседника, он небезосновательно предполагает что-то комичное и поучительное одновременно.

— Брата моего младшего помнишь? — нейтрально уточняет подчинённый у полковника. — Вот у него с первой женой смешной случай был, как раз иллюстрацией на твой вопрос. Поехали они как-то всем советом директоров его компании то ли на пикник, то ли на расширенный тимбилдинг. Сняли они для этого целый пансионат в предместьях: бассейн, лес, пара ресторанов на территории, всё как полагается… Мужчины поехали с жёнами, а

женщины — с мужьями.

Собеседник заведующего кафедрой делает паузу, во время которой начальник начинает непроизвольно похихикивать:

— Роджеру только жены на таком выезде не хватало! Ну, насколько я его успел узнать за то время, что мы общались.

— Точно, — соглашается подчиненный. — Оно дальше так и получилось. У Роджера к тому времени давно с этой дамой из управления рисками всё закрутилось, а тут как назло жена в одной поездке; в общем, делали они успешно вид, что незнакомы. На каком-то этапе, на втором этаже, в банкетном зале, все перепились. Роджер с этой пассией из рисков выскочил из пансионата, вывел её за глухой бетонный забор, ну и…

Преподаватель красноречиво играет бровями под сдержанный смех начальника.

— Ну а что, — продолжает он. — Дело вроде как молодое, все уже под градусом, атмосфера обязывает. А в таком виде интима тоже есть своя прелесть. Ну, это Роджер так тогда думал.

— Знаешь, мне уже смешно! — между приступами смеха выдыхает полковник. — Но я пока не понял, в чём суть сюжет и как это поясняет твой *результат. Ну натянул твой братан какую-то клюшку; ну сделал он это за забором в лесу, сбежав от всех остальных, включая супругу… А фишка в чём?*

— Понимаешь, когда они это самое *за забором делали, они оба только думали, что их никто не видит.*

— А на самом деле? — с неподдельным интересом подаётся вперёд начальник.

— А на самом деле, Роджер был уже здорово выпивши, и никогда не был военным. Банкет на втором этаже. Кто-то, подойдя к открытому окну покурить, увидел, как он её стоя охаживает, с упором руками на ближайшее дерево. Этот наблюдательный доброхот позвал соседа по столу повеселиться, тот сосед — ещё кого-то. В общем, есть информация, что Роджер на амурной ниве трудился минут пятнадцать. А двенадцать минут из этих пятнадцати за ними со второго этажа наблюдал весь корпоративный выезд. Включая жену Роджера.

— Второй этаж по уровню был выше верхнего среза забора?! — борясь с подступающими приступами хохота, мгновенно соображает заведующий кафедрой.

— Так точно, — бесстрастно кивает подчиненный. — Роджер искренне полагал, что за этим забором они ото всех спрятались. В то время как весь второй этаж… включая жену и коллег…

Какое-то время помещение сотрясает хохот двух человек.

— Так ты намекаешь, что ты сейчас выступал в роли той жены со второго этажа? — утирая слёзы и запыхавшись,

уточняет начальник.

— Да. Понимаешь, они там у себя в департаменте привыкли считать себя самыми умными, и все заборы — глухими. А нам же с тобой не доказательства для суда нужны. А просто понять, что к чему… Я просто знал, где и что искать. Лубанга от Мвензе не так и далеко. — Преподаватель многозначительно стучит ногтями по чашке. — А я там ещё кое-кого помню, даже дружу местами. Чужому не ответят; своему — только позвонить и поговорить минут пятнадцать.

— Понял…

— Лео, ключевой вопрос: мне ему самостоятельно сообщить? Или ты вызовешь парня и поговоришь полуофициально?

— Давай вместе поговорим. — Моментально прекращая смеяться, серьезно отвечает заведующий кафедрой. — Я бы не хотел на старости лет… Тут даже не в порядочности вопрос. Просто если мы сейчас такое спустим, то оно и нам потом аукнется. «Если ты не карабкаешься на гору, значит, ты по ней катишься вниз. Третьего не дано».

— Не разжевывай, — коротко перебивает начальника подчинённой. — Я понимаю, что это у них в адрес всей армии, на его примере, неверный рефлекс. Значит, рассказываем ему, потом что?

— Вместе и подумаем. Пацан местный. Связями, говоришь, обрастает неплохо. Может, он сам какую идею подаст: с первыми двумя как-то же вообще самостоятельно разобрался.

Глава 14

К сожалению, поговорить по душам с израильским товарищем не получается.

Расставшись с Анной на развилке, буквально через тридцать метров встречаю Моше на улице. Он стоит чуть сбоку от аллеи, жуёт бисквит из сухого пайка и запивает его бутылочном лимонадом.

Я пытаюсь, встав за спиной у его собеседников, отсемафорить ему руками, что шёл к нему.

Он в ответ проводит ладонью горизонтально над землей, незаметно для тех, с кем говорит. После этого Фельзенштейн выбрасывает на пальцах сложную последовательность непонятных мне вееров.

Я подозреваю, что он только что ответил что-то на мой запрос; но не могу сообразить, в чём именно заключается ответ.

В общем, они дружно торчат там ещё с полчаса; а я так и не получаю доступа к израильтянину, потому что офицеры с пары технических кафедр активно занимают его беседой. Дискуссия, кажется, о каких-то критериях допустимости; но вникать глубоко, напрягая слух, не вижу смысла. Речь исключительно о технических моментах на разных ландшафтах.

Настаёт пора возвращаться в медсектор. Именно на этом этапе сбоку на аллею выруливает Чоу. Одновременно с её появлением, на мой казённый комм поступает вызов от Камиллы, которая безальтернативной требует, чтобы я немедленно направлялся к ней.

Китаянка волей случая становится свидетелем этого разговора и тут же подхватывает меня под руку:

— А я тоже в мед сектор шагаю. Мне ваша врач тоже звонила, просила подойти, — упреждает она готовые сорваться с моих губ ругательства.

А меня словно простреливает: возможности Чоу для выведения из тканей Жойс этой гадости, которая сейчас добивает Жойс, соизмеримы с моими собственными внутренними ресурсами, если вообще не превосходят их.

Как бы ни было, хань очень талантлива именно в неинвазивных манипуляциях, вплоть до молекулярного уровня. Уж я-то имел неоднократную личную возможность и увидеть, и оценить.

Теоретически, если мыслить категориями функциональных механических расстройств, Чоу действительно немалая величина в своей профессии. По крайней мере, исходя из того, что я вижу

вокруг себя в нашем Муниципалитете и что могу сам на себе. Камила, видимо, считает также, но уже на своём врачебном примере, вот и вызвала китаянку. Тем более что они вроде как местами подруги.

А ведь идея обратиться к Чоу мне в голову не пришла. Хотя и должна была.

Хань, такое впечатление, мои мысли чуть ли не улавливает. А что, тактильный контакт якобы между делом, в нужный момент — понимающему это о многом скажет. Особенно после того, как у меня появился Алекс и я на многие вещи начал смотреть под совсем другим углом.

— *Да-да,* — китаянка изображает голосом и интонациями мартовскую кошку. — *Наша с тобой общая подруга-капитан просила подойти именно из-за твоей чёрной. Так что — не дёргайся, идём исключительно за этим. И это, Единичка… ты же понимаешь сейчас, что я стою на пороге оказания тебе сказочно дорогой услуги? Ценность и стоимость которой деньгами вообще не измеряется?*

— *Это будет прямо зависеть от того, что ты можешь сделать.*

— *Насколько я поняла, там речь о механике? Псевдо-вирус? Микро-роботы перневрально распространяются и давят сигнал в нервной системе? Камила говорила намёками и не прямо, но ты же в курсе.*

— *Да. В таком духе. Со своей стороны, если поможет, могу дать параметры их сигналов, поскольку по нам отработали из одного ствола…*

— *НЕ НАДО! Единичка, я примерно представляю, что это может быть. Судя по тому, что ты живой и вполне себе на ремиссии, это первое поколение.* — Она не то чтоб демонстративно, скорее красноречиво указывает взглядом на кончики своих пальцев.

Которые лежат на моём локтевом сгибе и, абсолютно незаметно для окружающих, пальпируют мою руку только ей понятным алгоритмом.

— *Первое поколение чего?*

— *Да не напрягайся ты так!* — абсолютно искренне, вообще без наигранности, смеётся она.

Тактильный контакт двоих с ханьской искрой — вещь, которая работает в обе стороны. Ей сейчас действительно хорошо, комфортно и весело. Без какого-то двойного подтекста.

Кроме того, у них с Фельзенштейном только что было это самое. Отчего-то именно этому обстоятельству она рада больше, чем всему окружающему миру, вместе взятому.

— Единичка, смирись. Всё, что мне надо, я уже почувствовала, — продолжает веселиться она. *— Не растопыривайся, как ёжик в заднем проходе, хи-хи… Причём, чувствовать тебя я буду ещё минут пять вперёд, даже с разрывом контакта. Вот тебе от меня в подарок: когда шестой и выше ранг искры так подержит тебя, настроившись на любой из твоих ключевых меридианов, я потом девяносто процентов твоей мозговой активности чувствую на расстоянии метров до трёх. Не то что вплотную, как сейчас…*

— Спасибо. Учту. Здесь тоже есть значимый меридиан, получается? — киваю на внутреннюю часть локтевого сгиба.

Ну, раз учат бесплатно, ещё и чему-то полезному, почему не пользоваться…

— Ты шутишь? — мгновенно вспыхивает удивлением она. *— Да! Твой учитель тебе что, ничего не рассказывает?! Вы с ним чем там занимаетесь?!*

— Уж явно не лечением… За самолечение до последнего момента отвечал совсем другой человек… Я мыслю не меридиональной системой, а источниками генерации сигнала. Хотя, наверное, это и близко к тому, что ты говоришь… Ты сказала что-то о первом поколении. Что ты имела ввиду?

— Нанороботы, кроме прочего, отличаются способностью к воспроизводству в твоих тканях, — равнодушно пожимает плечами она. *— Первое поколение — это лишь запрограммированная на определённое действие колония. У вас, насколько мне известно, дальше пока разработки не пошли. Как и внедрение разработок.*

— А второе поколение тогда что? — меня опять простреливает, на этот раз — одна нехорошая догадка.

— Да не дёргайся ты! — опять удивляется она. *— Чего ты напрягся, как… нет, ты сейчас всё-таки иначе напрягся, ха-ха… Второе поколение — это колония, которая по мере расхода юнитов в твоих тканях воспроизводится внутри тебя, на подножном корме, так сказать.*

— Херасе…

— Бл… Единичка! Что с тобой?! У тебя с головой точно благополучно?! Не вибрируй! У тебя что, психоз подкрадывается?!

— Просто нервничаю. Есть причины. Я думал, тебе понятные. Если это не так, ну представь, что этой хернёй Моше шарахнули и он лежит в коме в реанимационной капсуле. А твои знания об оводе — это местное название — равны нолю, как у меня.

— Да не дёргайся ты!.. Вы отстали в научной теме, но у тебя есть я. Как бы ты не ерепенился.

— Говори дальше. Я же чувствую, что ты не всё сказала и

специально маринуешь меня, чтоб я понервничал.

— Угум, хи-хи… В общем, второе поколение — это исключительно лечебные конструкты. Смысл имеют исключительно в медицинских целях терапии и реабилитации. Хотя-я-я, вы, лаоваи, умеете любое лекарство превратить в дубину. И в конечном итоге нанести вред… Взять хоть и алкоголь, который изначально был лекарством и терапевтическая доза которого — одна ложка… Вы и с ним, м-да… склонны к значительному превышению дозировок. — Она меняет тему, и я чувствую это из-за нашего непрерывающегося контакта. — *Но в этом месте можешь полностью успокоиться: второго поколения у вас пока нет. Да и полноценного первого, насколько я чувствую по твоему организму, тоже.*

— Ты об этом так спокойно говоришь… У нас это абсолютно засекреченная тема в Федерации. В чём подвох? И что стоит за твоими словами о том, что у меня есть ты? Мы с тобой не друзья, не родственники, скорее враги. Я откровенно и постоянно тебе говорю об этом. С чего такая доброта?

— Не изображай ежа. Попросила же. Хотя бы из уважения: я сейчас шагаю, ни много ни мало, к твоей чернозадой пассии. И буду выкладываться на все сто, чтоб отработать по максимуму.

У меня появляется подспудное ощущение, что её прихватывание меня под руку — полностью просчитанный ход и никак не случайность. Потому что я чувствую и где она говорит правду, и где недоговаривает, и где пересиливает себя.

— Такое ощущение, что мы с тобой разделись друг перед другом и демонстративно оголяем и раскорячиваем самые интимные места. Только в эмоциональном плане.

— Мы пытаемся договориться друг с другом, по моей инициативе, в вопросе, который очень важен для тебя, — спокойно поправляет она. — *Я б сказала, что имеет место каламбур: вопрос жизненно важен для тебя, а инициатива его обсуждения исходит от меня. Поэтому такие ощущения. Плюс, мы оба с искрой и нам доступны такие механизмы обеспечения договорённостей, которые другим недоступны. Я просто пользуюсь этим механизмом. Ну и попутно дразню тебя, да. Но последняя функция не несёт никакой осмысленной нагрузки с моей стороны. Ты чувствуешь,* — сейчас она утверждает, не спрашивает.

— Долбаный тактильный контакт. — Пожимаю плечами. — *Ощущения голой задницы на людной площади. Зачем дразнишь? Какой в этом тайный или явный смысл?*

— Дурак, что ли?! — изумляется она. — *Я же женщина!*

— И что? Мы с тобой не друзья и не родственники, — напоминаю. — *У тебя есть Моше, которого ты искренне любишь,*

и работа, которую любишь тоже. Без деталей. На меня, при этом, ты тратишь кучу усилий, а сейчас в потенциале ещё и собираешься влезть в то, что у нас является тайной. Я сейчас абсолютно не понимаю твоих мотивов…

— Единичка, ты идиот, если во всём ищешь у женщины мотивы.

— … а когда я чего-то не понимаю, я этого боюсь. А когда я чего-то боюсь, моё мышление начинает работать по крайне конструктивному алгоритму…

— Не продолжай, — перебивает меня она, *— чувствую. Ты меня просто не слушаешь. Или пропускаешь всё услышанное мимо ушей. А-а-а, стоп, кое-что упустили,* — хлопает себя свободной ладонью по лбу она. *— Понимаешь, засекретить тему нанороботов, чтобы сделать из них стрелялку — это чисто ваш подход. Ты будешь сильно удивлен, если я тебе сейчас скажу, что и второе поколение — уже сегодня не предел?*

— А что, есть еще и третье? — подозреваю, вид у меня сейчас самый идиотский.

Впрочем, и в идиотском виде нет нужды, если девятый ранг ханьской искры держит тебя за голую руку.

— Да. Есть ещё и третье поколение. — Покладисто сообщает Чоу. *— Третье поколение, как явствует из номера, соединяет свойства первых двух плюс несёт новую функцию.*

— Боюсь спросить, какую…

— Медицинскую, Единичка, медицинскую. Помимо вышеперечисленного, роботы третьего поколения могут ещё изменять собственный функционал внутри терапевтируемого организма, в зависимости от потребности.

— Первое поколение — только запрограммированная работа? Второе — плюс ещё и само-воспроизводство? Третье поколение — возможность перепрограммирования на другие задачи? Я правильно понял?

— Абсолютно верно, — Чоу с улыбкой гладит тыльную сторону моей ладони. *— Умный мальчик, хи-хи… А чтобы ты не выдумывал себе со скоростью урагана то, куда сейчас понеслись галопом твои нетривиальные мысли, просто открой официальный сайт Пекинского университета традиционной медицины. Там, на седьмом факультете, есть вкладка отчётов о ведущихся научных работах. Она включает итоги, планы и факт на сейчас, практически по каждой научной теме. Вот на этом сайте чёрным по жёлтому написано всё то, о чём сейчас говорю. Мы вообще такие отчёты публикуем в момент их создания. Политика такая.*

— Как интересно… В чём подвох? Вернее, почему так?

— Потому что ***вся*** *наша медицинская техника, для получения*

государственного сертификата и допусков в практическую работу, обязательно проходит седьмой факультет этого университета. Этап обязательной сертификации, Единичка, — ехидно улыбается китаянка якобы в сторону.

Понятно, что при нашем длящемся рукопожатии я это чувствую, даже если на неё не смотрю.

— Ты хочешь сказать, что всё то, что у нас местами засекречено, у вас вообще висит в открытом доступе? Всем учащимся простого института?

— Не только учащимся. А и более чем двум миллиардам людей, читающим на языке и имеющим доступ в сеть. Если же посчитать и иностранцев, понимающих по-нашему, то будет ещё больше. Есть разница, — снисходит наконец до разъяснений она. *— Мы изначально не рассматривали использование этого вида техники в качестве оружия. Как и алкоголя — в качестве дурмана, кстати… Доработка методики применения в другие стороны, как говорят на твоей кафедре — это уже чисто ваша местная инициатива. Мы людей собирались лечить, а не убивать без следов…*

Она многого не договаривает, но видно, что прямого касательства к моей ситуации это не имеет.

— Ты сможешь помочь Жойс?

— Единичка, ты совсем идиот? Ты не понимаешь, что я не могу поставить диагноз пациенту, которого нет в больнице?! Точнее сказать, пока я не приду в больницу, я не смогу поставить диагноз лежащему там пациенту. — Аккуратно поправляется она. *— Я не специалист диагностики через комм или путём звонка, пф-ф…*

— Я чувствую, что ты сейчас не договариваешь. Есть статистика успешной нейтрализации этого самого первого поколения вашими методиками в тканях? Если что-то пошло не так? Рассказывай. Не претендую на диагноз с этой аллеи, но скажи, что говорит твой личный опыт.

— Не хочу обещать и обнадёживать раньше времени: мне надо видеть тип конкретной культуры и самого человека. А самое главное, давай всё же договоримся: допустим, у меня всё получается. Допустим, твоя чёрная в порядке через какое-то время. А что буду иметь за это я?

— У меня есть деньги, много денег. Ну, по моим меркам, очень много денег, — быстро поправляюсь. Кажется, она сдерживает какой-то ехидный комментарий. *— И я знаю где взять больше,* — корректирую позицию на ходу. *— Смогу заработать.*

— Деньги — это само собой, — уверенно кивает китаянка. *— Уж поверь, там сумма будет для тебя баснословной, а не просто очень большой. Справедливости ради: не сомневаюсь, что ты всё раздобудешь… ты талантливый… но только денег мало. Ты*

должен пообещать мне, что в ответ на мою услугу, неоценимую для тебя сейчас, — она делает акцент на последней фразе, — *ты мне тоже будешь должен услугу.*

— *Я не могу подписаться в тёмную на то, чего не знаю,* — пытаюсь поторговаться, невовремя забывая о нашем тактильном контакте.

Мой ляп, разумеется, тут же не укрывается от Чоу. Она презрительно фыркает, вкладывая в одиночный звук массу информации, невидимой для окружающих.

— *Разумно.* — Она красноречиво и искренне веселится во все тридцать два. — *Именно поэтому, давай начинать договариваться об условиях: вон уже медсектор. Я даже согласна, если ты сейчас наберёшь свою белобрысую юриста; и тебе по-быстрому поможет она.*

— *Не успел за твоей мыслью. Прислушивался к твоим эмоциям — не понял, зачем нам сейчас Хаас?*

— *А выработать условия нашей с тобой договоренности о твоей будущей услуге так, чтобы ты чувствовал себя спокойным.*

— *Условия — это здорово. Но как ты собираешься обеспечивать исполнение мною всех пунктов?*

— *Я уже несколько минут держу тебя за руку. После того, как мы с тобой договоримся, ты просто дашь мне своё честное слово под точно такое рукопожатие.* — Твердо и уверенно отвечает китаянка. — *Этого будет более чем достаточно для моего спокойствия в адрес твоей порядочности.*

Глава 15

Видимо, Камила что-то там настроила в госпитальном компьютере, потому что автоматические запоры на дверях приёмного покоя срабатывают в тот момент, когда мы с Чоу приближаемся к крыльцу. Китаянка, что интересно, воспринимает это как само собой разумеющееся.

В самом приёмном покое динамик сообщает нам голосом Камилы идти к ней, куда дорогу знаю я. Еще через полминуты Чоу, расцеловавшись Карвальо в щёки с двух сторон и вымыв руки, подхватывает конфету из маленькой пластиковой вазочки на столе Камилы. После чего направляется к капсуле Жойс:

— Открывай! И пусть она сюда выкатится изнутри — мне нужен тактильный контакт.

— Спасибо, что пришла и согласилась, — деловито бормочет Камила и выбивает необходимые команды.

В отличие от моих представлений и ожиданий, на осмотр и диагностику китаянка не тратит и пары минут. Бегло пробежавшись пальцами по макушке, вискам, рукам и ногам Жойс, хань задумчиво поворачивается к Камиле:

— Надо её на живот перевернуть. Мне доступ к позвоночнику нужен. У тебя ничего не запищит, если я её сейчас вертеть начну?

— Ей сейчас сквозь поры кожи, прямо через подставку, диффузионная капельница идёт, — Камила с сомнением в голосе указывает на гладкое полотно дна капсулы, чуть шершавое, на котором и лежит Жойс.

— Что вводишь? — китаянка тут же становится похожа на охотничью собаку, сделавшую стойку.

Камила начинает перечислять какие-то медикаменты, но Чоу, не дослушав до конца, перебивает:

— Можешь мне молекулярные формулы показать? Я в ваших названиях не понимаю, а читать аннотации будем два часа.

Наша капитан тут же выводит какие-то трехмерные структуры на экран. Хань мажет по ним взглядом, презрительно фыркает и без какого-либо пиетета заявляет:

— Не поможет. Плацебо.

— *Что-то ты не сильно сейчас следуешь своему правилу, по которому полагается давать другому возможность сохранить лицо*, — говорю ей со спины. — *Ты мне за это, между прочим, оценку на экзамене снизила.*

— *А здесь все свои*, — отмахивается от меня китаянка. Затем безжалостно обращается к хозяйке медблока. — Правда плацебо. Только не для пациента, а для врача: ты думаешь, что хоть что-то

делаешь. Могу сама её перевернуть?

Чоу всерьёз подступает к телу и примеривается, как бы ей получше ухватиться.

— Плацебо не плацебо, поможет не поможет, а пока ведь удерживаю… — хмуро и недовольно возражает Камила. — По логике, с таким диагнозом уже давно пора… — что именно давно пора, Карвальо благоразумно не произносит вслух.

— Это не ты её удерживаешь. — Похоже, китаянка решила не мелочиться и собственноручно безжалостно проехаться трактором по собственным правилам сохранения лица собеседника. — Это просто конкретная нано-культура на белого рассчитана была, а не на чёрного. Ну и, видимо, наш герой успел отметиться. Алекс, признайся, брал подругу за руку? Долго держал? Импульс пускать пытался?

— Да. Только не за руку, а за третий позвонок. Импульс пытался подать, когда с пола её поднимали, — последние слова адресую удивляющейся Камиле.

— Импульс пытался в сторону сердца исправить? — покровительственно и свысока поднимает левую бровь китаянка.

— Да. Показалось, что чувствую неточность в сигнале, типа грязи.

— Ну, особо не повредил, а где-то даже и облегчил, но дело тут в другом… Она просто не белая, — говорит Чоу уже Камиле. — Смешно, но дельта сигналов есть от природы. У чёрных чуть другие меридианы и параметры, да.

Следующие пять минут проходят под эгидой врачебного консилиума, в течение которого мы втроём вертим Жойс во все стороны. А китаянка объясняет нам двоим, как лично она видит себе развитие событий.

— … таким образом, надо только выводить это всё из тканей. Потом запускать все системы заново. Это и хорошо, и плохо, — хань смотрит на нас, как унтер-офицер на нерадивых бойцов первого месяца службы. — Хорошо потому, что я прекрасно знаю, что делать. Абсолютно нет речи об интоксикации, также нет необратимых процессов на уровне биохимии! — китаянка высоко поднимают указательный палец. — Но вот нейро-дегенеративные процессы, по мере накопления ошибок в меридианах, рано или поздно в могилу сведут даже её, с её бычьим здоровьем. Не знаю, как это будет по-вашему, — Чоу с сомнением говорит мне фразу по-китайски.

— Я слов таких не знаю, — опускаю взгляд. — Незнакомые термины. Не понимаю.

— Ладно, неважно, — великодушно прощает меня подруга Моше. — Не могу не отметить, что её естественные барьерные

функции вызывают зависть даже у меня. — В этом месте она машинально хлопает Жойс по ягодице, поскольку последняя лежит лицом вниз. — Камила, ты меня извинишь, если я вначале поговорю с Алексом? Мне есть что предложить тебе, но вначале нужно согласовать условия помощи с ним.

Камила удивлённо выпрямляет спину под непреклонным взглядом адептки ханьской искры:

— А он тут при чём? Ты же мне помогаешь, нет?

— В данном случае, больше ему, — неуступчиво настаивает Чоу. — Две минуты. — Затем отходит к стене, усаживается на стул и закидывает ногу на ногу. — *Я, честно говоря, глянула её клиническую картину раньше, у меня есть доступ через протоколы управляющей компании. За медсектором мы тоже наблюдаем, особенно в такие интересные моменты… Сейчас только убедилась лично, что думала правильно.*

— *Камила говорит, что это агония,* — хмуро смотрю в пол. — *Моего уровня не хватает, чтоб оценить твои либо её слова.*

В мой адрес тут же раздаётся глумливое фырканье:

— *Ты необычайно самонадеян для неподготовленного даже не новичка, а вообще зародыша.*

— *Мастер Донг говорил, нерешаемых задач не бывает.*

— *Не в этом случае. Он наверняка имел ввиду, при достаточном количестве энергии, и точности твоей работы,* — безжалостно поясняет Чоу то, что я и так уже понял. — *Давай я кое-что покажу тебе на реальном примере.*

Она неожиданно плавным кошачьим движением перетекает обратно в положение стоя и тащит меня за руку к капсуле. — *Возьми её за запястье*. — Сама берётся за вторую руку Жойс. — *Теперь прислушайся…*

_____

Там же, через некоторое время.

— … Надо перестроить её иммунную систему. Это очень долго и дорого. Месяцы. Но зато можно очистить организм. Потом попытаться запустить заново. — Заканчивает хань пояснения уже на Всеобщем. — Суть в том, что выводить культуру должен сам организм. Для этого, он должен начать распознавать её как инфекцию. На клеточном уровне.

— Это действительно реально? — недоверчиво переспрашивает Камила. — Ты правда считаешь, что это всё в итоге можно будет вывести из тканей?

— А мы разрабатывали методы нейтрализации, — уверенно кивает Чоу. — Во-первых, иногда бывает нужно очистить организм от культуры первого поколения, чтобы заменитьеёна третье.

Камила только что выслушала ту же лекцию, что и я по дороге сюда. Теперь капитан, не мигая, удивлённо таращится на ближайшую стенку либо сквозь неё.

— А когда может возникнуть такая потребность? — отстранённо выдаёт Карвальо после затянувшейся паузы.

— Например, если пациент в возрасте. При этом, он на высоком посту и организм его здорово изношен, — многозначительно намекает Чоу на некоторые их политические реалии, которые я сейчас отлично понимаю (спасибо курсу страноведения). — На вашу культуру штатного антидота нет, я согласна. Но твоя реанимация плюс её здоровье и везение удержали её в стабильном состоянии. Я сейчас чуть-чуть разбавила фоновое влияние овода своим импульсом.

— Мы не оперируем этими понятиями, — нетерпеливо взмахивает волосами в воздухе Карвальо.

— Вы много чем не оперируете, — без эмоций соглашается китаянка. — И это никак не отменяет того факта, что она сейчас стабильна. Значит, можем говорить о чистке и запуске. Главное — питание мозга не нарушено. Прочее, согласись, поддаётся коррекции намного легче.

— Да, я сама удивилась по поводу мозга, — озадаченно кивает Камила. — Но не понимала, почему не запускается.

— Потому и не запускается, что блокируются сигналы по нервам. Механически. *Единичка, а теперь моё тебе предложение. Если хочешь, можешь попытаться справиться сам. Я не единственная ханьская доктор, тема в Пекине не уникальная, население Поднебесной более двух миллиардов. Требуемые специалисты есть и помимо меня. Если же работаю я, то денег с тебя сто восемьдесят тысяч вашими. Половина — платишь авансом, сразу. Вторую половину отдашь, когда твоя пассия придёт в себя.*

— Откуда берётся такой аванс? Не спорю с тобой, просто хочу понять.

— Стоп. Это не всё. Деньги даже не обсуждаются: я сейчас буду отправлять образцы её тканей вместе с этой вашей введённой культурой, на свою кафедру. Там сделают анализ, разработают рекомендации, выведут и произведут контр-культуру, после чего пришлют сюда набор индивидуально подобранных средств, рассчитанных конкретно на данную клиническую картину и данного пациента. Если ты не понял: лекарство исключительно под твою пассию, индивидуально, и под конкретно эту нано-культуру. С учётом её индивидуальных особенностей. Это даст почти стопроцентную гарантию, что я твою женщину с того света вытащу. Но индивидуальная работа

кафедры — это как стрельба из гаубицы по воробьям. — Чоу переводит дух и продолжает. — *Дорогое удовольствие, одним словом. И одними деньгами вопрос не решается. Если ты хочешь, чтоб работала я, с тебя ещё то самое обещание под рукопожатие, о котором мы говорили по пути сюда. Возьми меня за руку.*

Не дожидаясь моей реакции, она сама хватает меня за ладонь:

— *Деньги — это только оплата за работу серьёзных людей там, за материалы, за сверхурочную загрузку. Профессор Лао, например за пятьсот или тысячу монет даже чихать не станет. Сумма должна быть сногсшибательной; такой, чтоб в Пекине даже не колебались — браться за твою проблему или не браться… Они в ответ гарантируют, что твоя пассия выживет. Но мне будет необходимо нажать для этого на определённые рычаги, ты понимаешь, по какой линии. Чтоб важные люди уподобились той пушке, что палит по воробьям в свободное от работы время. А я хочу свой кусок оплаты. Он указанной суммой не покрывается.*

Китаянка замолкает и требовательно смотрит на меня.

— *Продолжай.*

— *Моим личным гонораром за беспокойство является твоё честное слово. Ни копейки денег я на тебе не зарабатываю.*

— *Ты предлагаешь что-то типа временного рабства?* — перевожу её сентенции на простой язык. — *Я не спорю. Определяю и уточняю свою перспективу.*

Её ладонь находится в моей, потому откровенность в общении полная.

— *Я бы назвала это взаимовыгодными и договорными отношениями. Но решать тебе. По мне, это очень неплохой шанс для человека, которого ты считаешь самым дорогим. Хочешь — можем прямо сейчас разбежаться.*

— *Почему именно я? Чувствую себя кроликом, личной жизнью которого озаботился целый полицейский департамент. Не понимаю несоответствия своей невеликой персоны и того уровня усилий, который ты сейчас обозначила.*

— *А у тебя уникальное сочетание субъективных факторов.* — Она сжимает крепче мою ладонь. — *Чтоб не тратить времени… Ты неправильно ставишь вопрос. Или ты молча соглашаешься — и из Пекина будет помощь. Или беспокоишься о себе — и разговор окончен.*

Молча пожимаю ей руку, успевая уловить чуть торжествующий её взгляд, который она мгновенно опускает.

Впрочем, это неважно. Зла она мне действительно не желает, а те далёкие ответные услуги — поди до них доживи.

А Жойс лежит рядом.

Глава 16

— … похоже, закон у нас не работает? Ни в Муниципалитете, ни на федеральном уровне? — улыбаюсь отстранённо.

Хотя на самом деле мне, сказать мягко, невесело.

— У нас в стране все и всегда говорят правильные вещи. Но главное, что реальные дела с теми словами никак не связаны. — Пожимает плечами куратор.

Заведующий кафедрой сидит за своим столом и с видом доброго дядюшки только и успевает, что кипятить кофе и подливать его всем по очереди. Хотя, может, он и в самом деле такой безмятежный, как кажется даже через чип.

— Я вам абсолютно компетентно заявляю. — Продолжает Бак. — Что на так называемые официальные слова в вашем случае не стоит даже тратить времени, имею ввиду на их анализ и дискуссии. В отличие от вас, у меня есть практическая возможность видеть определенные симптомы по нашей с вами ситуации.

— Вы сказали «наша с вами»? — уточняю. — Каким местом вовлечены вы? Я искренне считал, что между нами есть определённый зазор, который…

— А ВЫ НЕ ПУТАЙТЕ дистанцию в отношениях — и принадлежность к чуждому флагу! — слегка заводится подполковник.

Полковник по-прежнему молчит.

— Вы сейчас разделите, сделайте одолжение, свои амбиции — и анализ ситуации! — продолжает сдержанно кипятиться куратор. — Сам факт этого разговора вам что, ничего не говорит? Я не предполагал в вас чёрной неблагодарности до этого момента, — припечатывает он. — Странно. Обычно я лучше разбираюсь в людях.

— Мои извинения, — поднимаю в воздух обе ладони, оставляя чашку на столе. — Последнее время на взводе, плюс есть целый ряд жизненно важных для меня проблем. Пожалуйста, не держите зла и продолжайте.

— Так-то лучше… — Бак тоже сдаёт назад. — Будет тут всякое… на меня свой негатив выплёскивать…

Полковник начинает тихо трястись от смеха, причём неподдельно и искренне, чем полностью разряжает ситуацию.

— В общем, с колокольни кафедры, ситуация видится следующим образом. — Примирительно продолжает куратор, отхлёбывая из чашки. — Вам не стоит особо полагаться на декларируемые законы в данной ситуации, с любой стороны. По

одной простой причине: далеко не все законы власть предержащих широко известны и объявлены. Это в меньшей степени касается муниципалитета; в большей — столицы. Вы ухитрились невольно нарушить несколько самых главных правил, которые не декларируются: наступили на пятку и некоторым кланам тут, и кое-кому из федералов.

— Что до кланов тут, смею надеяться, всё рассосётся. Не могу сейчас делать громких заявлений — тут не только мои секреты. Но у меня нет оснований сомневаться в слове клана Хаас.

— Да, это мощный козырь, — соглашается Бак и, не глядя, протягивает пустую чашку полковнику. — Я, честно говоря, и в мыслях не держу каким-то образом влезать в ваши муниципальные тёрки. Тут согласен на все сто, вы и сами вполне в состоянии разобраться.

— А кому из федералов и на какой хвост я наступил? И, главное, когда?! Я искренне недоумеваю: я о вас понятия не имел ровно до тех пор, пока Чоу ЮньВэй, по команде Управляющей Компании, практически из-под палки не воткнула меня сюда, в ваш Корпус.

— Благодарность, — тихо посмеивается заведующий кафедрой, будто что-то напоминая.

— Я искренне благодарен, — прикладываю руку к сердцу. — Если бы речь шла только о нас вами, моей искренней благодарности вообще не было бы предела. Господа офицеры, я чудесно отдаю себе отчет, что вы тянете меня за уши, да ещё из социального болота. Как того пресловутого дойча, который сам себя за косичку вместе с лошадью из какой-то трясины вытащил… Только здесь в роли божественного провидения выступает кафедра, — снова прикладываю руку к сердцу. — Господин подполковник, — поворачиваюсь к Баку. — Я буквально последние пару суток с величайшей благодарностью вспоминаю некоторые общеобразовательные курсы Корпуса и того, благодаря кому я там оказался. Ещё и бесплатно. Не сочтите за комплимент: это оценка.

Бак со сдержанным удовлетворением опускает взгляд.

— К сожалению, вместе с ощущением причастности, полезности, нужности и перспективы на нашей кафедре, — обвожу рукой почти пустое помещение, — в мою жизнь, помимо близких людей, ворвались ещё и некоторые непонятные вещи. С того самого Федерального уровня. До попадания в Корпус, никому и в голову не приходило применять по мне специальные средства, — намеренно избегаю использования слова «Овод». — Ещё и такой экзотической модификации.

— Да ладно, не жмитесь. Понятно же, что капитан Карвальо

просвятила вас на этот счёт гораздо больше, чем следовало бы, с точки зрения предписанных ограничений, — заведующий кафедрой никак не унимается с дробным хихиканьем в своем кресле. — Честно говоря, это была моя идея — пригласить вас сюда и поговорить откровенно и неформально.

— Когда и где, и кому я успел наступить на ногу на федеральном уровне настолько, чтобы стали актуальными мои нынешние проблемы? Держим в голове, что о федеральном уровне я и сейчас понятия не имею. — Перевожу взгляд с одного офицера на другого.

— А вот это и есть предмет нашего разговора, — мягко вклинивается Бак. — Но тут необходимо сделать одно небольшое лирическое отступление, даже два… Во-первых, не надо иметь семи пядей во лбу, чтоб сопоставить эксгумацию трупа вашей матери, присутствие там капитана Карвальо, с которой у вас свои отношения — и это самое насекомое. Вы понимаете, о чём я. Не хочу занудствовать, но кажется, ваша семья с этой летучей мухой уже знакома. — Бак многозначительно и твёрдо смотрит на меня. — Ваша мать погибла до того, как вы попали в Корпус. Что вам известно о статусе так называемого автономного региона Мвензи? — без перехода спрашивает он.

— Ровным счетом ничего. Кроме того, что там добывается рутений, который является известным предметом интереса с точки зрения одарённых. Ну и, попутно, вроде бы, там когда-то была законсервирована лаборатория, занимавшаяся расшифровкой гена старения. Несмотря на явную медицинскую и гуманную направленность темы, есть сведения на уровне слухов, что не всё с той лабораторией закончилось радужно.

— Вы уже примерно в курсе, — не спрашивает, а утверждает Бак, кивая самому себе. — Да, дела обстоят примерно таким образом. Не будем разжёвывать детали, если вы о них представление имеете… Главное уточнение: в силу удаленности региона, как и имеющихся до сих пор разногласий, федеральный статус Мвензи до конца не определён.

Оба офицера впиваются в меня взглядом, как будто я сейчас должен явить божественное откровение.

— А почему вы на меня так смотрите? — наклоняюсь вперёд, им навстречу, вытягивая шею вперёд, в их сторону. — Я, кажется, не генерал-губернатор. А сейчас, кажется, не феодальная пора наместников территорий.

— Вы не в курсе, — констатирует Бак. — Но необычайно близки к теме. У вас, похоже, какой-то интуитивный талант… Дело в том, что, по федеральному договору, Мвензи управляется исключительно в соответствии с их местной редакцией Закона о

самоуправлении. Я вам сброшу на комм чуть позже, поизучайте. Прелюбопытнейший документ, хот и есть далеко не во всех федеральных источниках…

— Каким образом Закон может не фигурировать в федеральных источниках? — от удивления, даже невежливо перебиваю собственного куратора.

В этот раз выходка остаётся незамеченной, хотя обычно Бак реагирует более чем резко.

Вместо ответа, старшие многозначительно переглядываются между собой и саркастически хмыкают в унисон.

— Если коротко, без разрешения местного Совета, федералы не могут там даже гвоздя в дерево забить. — Будничным тоном продолжает Бак. — Несмотря на все государственные интересы, включая рутений и остатки лаборатории.

— А лаборатория тут при чём? Она разве не федеральная?

— Соглашение с местными от Федерации было подписано после того, как лаборатория, существующая де-факто, завершила первые две или три фазы испытаний, — вклинивается полковник. — И уж намного позже, чем возник вопрос с рутением. Дело в том, что переговоры с аборигенами шли более ста лет. Не могли договориться всё это время, как это ни гротескно звучит сегодня.

— Я и понятия не имел, что такое возможно, — двигаю бровью вверх-вниз.

— Действительно, очень большое исключение, по ряду причин. Потому и не афишируется, — кивает заведующий кафедрой. — Но вишенка в следующем: переговоры с местными вёл департамент колоний. Это их подведомственность, их функция и компетенция.

— А лабораторию там поставил один из исследовательских комитетов Федерального Совета, — цедит сбоку Бак, изображая иронию. — Не принимая местных всерьёз. Места вроде бы глухие, требованиям удовлетворяют, местная власть на всё смотрит сквозь пальцы: до недавнего времени — вообще родовой строй и отсутствие цивилизации. Как следствие — нет угрозы утечки информации.

— То же самое касается и начала разработки рутения. — Подхватывает полковник. — Охрана выработки поначалу осуществлялась вообще вооружёнными силами, обстановка там специфическая. Потом, правда, армию пришлось убрать: Федеральный Договор с тамошними племенами Департаментом Колоний, наконец, был подписан.

— И все отношения стали лихорадочно приводить в соответствие с нормами Государственного Законодательства, —

веско роняет Бак.

— Вы так говорите, как будто фокусников изображаете, — хмуро смотрю обоим навстречу. — И странно на меня смотрите.

— Он не в курсе, — вздыхает Бак, обращаясь к начальнику. — Не выделывается, я его уже знаю. Алекс, а вы вообще в курсе, кто явился основоположником ускоренной системы просвещения местных? Благодаря которой, они каким-то образом чудесно за несколько лет прошли путь от племени к Муниципальному Собранию? И даже читают-пишут, пусть и заимствованным алфавитом?

— Шутите? С чего мне это знать? Я о них только от вас узнал.

— Серхио Алекс Алекс. Ни о чём имя не говорит? — заведующий кафедрой откровенно посмеивается, несмотря на хмурый взгляд Бака.

— Мой отец?!

Видимо, лицо у меня сейчас идиотское. Судя по сдержанному ржанию собеседников.

— Вы что, вообще не в курсе? — вежливо интересуется Бак, отсмеявшись.

— Отца не стало, когда я был ещё маленьким. Очень плохо его помню.

— Надо знать тамошние местные расклады, — кивает Бак. — Не касаясь деталей смерти вашего родителя, его имя вписано в перечень определённых привилегий той местности. В отличие от наших муниципальных собраний, на том континенте отношение к слову и обязательствам порядком отличается.

— Там и кровная месть в ходу, — замечает полковник. — И длится порой по три-пять поколений. Да, тот народ мало что забывает и очень много чего помнит. А когда они узнали, что вашего отца не стало, кое-кто там на местах обвинил в этом Федеральное Правительство, не вникая в нюансы взаимоотношений между Департаментом Колоний, Комитетом с лабораторией и вооружёнными силами.

— Местные искренне не понимают, как один наш государственный орган может не отвечать за действия другого. — Поясняет куратор. — Они и доступ там почти повсеместно заблокировали выходцам из всех других провинций, включая федеральную лабораторию. И к добыче рутения уже двенадцатый сезон никого не пускают. В общем, ваш родитель там достаточно популярная личность. Был. Вашей матери, видимо, удалось как-то обрубить концы и затеряться тут в итоге. Но сейчас что-то пошло не так. Лично на моём уровне иного объяснения не просматривается.

— Всё равно не понимаю, а я тут при чём?

— Религия. — Отмахивается куратор. — С их точки зрения, наследовать можно не только материальное, а и нематериальное. Например, передаваемые по наследству права.

— Какие у меня могут быть права в этом контексте? И как это вообще возможно? Я сейчас о фактическом федеральном бесправии в тех местах, если правильно вас понял.

— Отчет на первый вопрос: права могут быть самыми разными. Например, право выступать от имени федеральных интересов на Совете Старейшин. — Охотно подсказывает заведующий кафедрой. — Это их Муниципальное Собрание так называется. Права могут заключаться в полномочиях озвучивать эти самые федеральные интересы, причём в обе стороны. Как единственный посредник белого народа, признаваемый сложившимися группами на той территории. Одно дело, пока сын мал и не разговаривает. И другое — когда он подрос и вполне может заменить отца на Совете. Что до второго вопроса, то ваш руководитель расскажет лучше, — полковник опять тихо смеётся.

— Строго между нами, — хмуро начинает куратор. — У меня есть брат.

При упоминании Баком своего родственника, полковник отчего-то снова начинает наливаться весельем. Хотя Бак ещё ничего вслух толком не рассказал. Видимо, они общаются лично и Блекстер о чём-то в курсе.

— Однажды, во времена благотворительности министерства обороны, я оформил на Роджера земельный участок на берегу побережья, неважно где. Роджер — это его имя… Тогда всем офицерам армии, участвовавшим в боевых действиях либо приравненным в таковым, раздавали землю за четверть цены, чтобы заткнуть рты после одной интересной кампании. Без деталей… Брат у меня всю жизнь в семейном бизнесе, в средствах практически не стеснён. Участок ему очень понравился, он тут же затеял там строительство. Места достаточно удалённые и тихие, ему как-то пришлось даже ехать вместе с машиной, везущей мрамор для облицовки. Поскольку водитель отказывался ехать без сопровождения. Брат был тогда выпивши, добрались они поздно ночью, — продолжает Бак под еле сдерживаемую начальником истерику. — Машина была оборудована погрузчиками. Брат, в силу топографического кретинизма, перепутал земельные участки уже на территории — ночь на дворе. Разгрузил он машину недешёвого мрамора и натурального камня на участок, точь-в-точь похожий на свой. Там даже сборный типовой домик стоял такой же на первое время… Разгрузившись, мой брат сел в эту же машину и уехал обратно.

Странно. Бак обычно не страдает ни подобным

многословием, ни экскурсами в личную жизнь. Он вообще очень старательно соблюдает дистанцию. Что это с ним?

— К своему удивлению, вернувшись через день, камня на своём участке он не обнаружил, — рассказывает тем временем куратор.

— А там территория охраняемая, заборы и периметр на несколько километров, чужих и случайных там не может быть по определению, — давиться от смеха, вклиниваясь в рассказ, полковник.

Бак бросает на начальника сердитый взгляд и продолжает:

— Тогда и выяснилось, что Роджер действительно перепутал места. И разгрузился через два номера, у дальних соседей.

Полковника наконец прорывает окончательно.

Баку явно не нравится жизнерадостное ржание своего командира, но сделать он, видимо, тоже ничего не может.

— Господа, тысячу извинений. Каким местом это всё к нашей ситуации? — История интересная, и смеяться мне почему-то тоже уже хочется; но я пока не уловил нити повествования.

— Мой брат предсказуемо попытался объясниться с хозяином участка, на котором разгружался. Чтоб вернуть свой груз. — Внешним видом мой куратор сейчас напоминает солнечное затмение. — В ответ он тогда услышал дословно следующее от соседа: «На *моём* участке нет никакого *вашего* камня. Всё, что лежит на *моей* земле, только *моё*. И ничьё другое».

— Вот примерно такую позицию и занимает Совет Старейшин на Мвензи, после подписания федерального соглашения, — продолжает давиться смехом заведующей кафедрой. — Которое зафиксировало новую точку отсчёта и закрепило за ними все права уже де-юре. А за эти права отдельной автономии, случись замятня, встанут все без исключения муниципалитеты в Федерации, ибо речь о государственном порядке в целом. Только в роли младшего брата нашего уважаемого подполковника выступили сразу три уважаемых федеральных ведомства, включая сам Федеративный Совет. — Кажется, полковника сейчас хватит инсульт, настолько он покраснел, сдерживая веселье.

Что интересно, смеётся он, кажется, в адрес своего подчинённого и моего куратора, а не тех трёх федеральных организаций.

— У местных очень хорошая память. — Серьёзно говорит Бак, неодобрительно косясь на шефа. — И если они знают, что у того, кого считают другом, есть сын, и он уже подрос, то они действительно могут поколения полтора упираться и не идти на диалог ни с кем другим. А очень многим федеральным чиновникам хочется прикрыть свои промахи и не афишировать

того, что они грубо облажались буквально недавно, на новом историческом этапе.

— Вы намекаете, что я могу кому-то мешать одним своим существованием? — доходит до меня.

— Нет человека — нет проблемы, — философски пожимает плечами заведующей кафедрой, который к этому времени уже почти успокоился. — Но есть один положительный момент. Подполковник Бак, в силу личного опыта на тех территориях, очень хорошо представляет круг заинтересованных лиц.

— На сегодня это ровно два человека. Ветер дует исключительно с их стороны. — Серьёзным кивком подтверждает Бак. — Остальные — банальные исполнители, которые как-то пытаются решить тактическую задачу. Правда, эти двое, насколько я выяснил, между собой дружны и имеют доступ к неафишируемому силовому блоку федеративного совета.

Глава 17

Бак называет пару ничего не говорящих мне фамилий, равно как и их должностей.

— Ну, слышал на занятиях, что есть такие органы в государстве, — отвечаю, чтоб не молчать. — Но не более того. Как они там живут, чем дышат — об этом преподаватель не рассказывал.

— Об этом вам даже в академии госуправления не расскажут, — продолжает излучать ненаигранный позитив заведующий кафедрой. — Такое узнаётся только на личном опыте. И только изнутри.

— Вообще-то, напрашивается одно простое и логическое решение. — Кажется, здесь могу не стесняться и без последствий говорить вслух всё, что думаю (не думая при этом, о чём лучше умолчать). — Один мой дальний знакомый считает, что правило «Нет человека — нет проблемы» одинаково успешно работает в обе стороны.

— Стесняюсь спросить, что у вас за знакомства, — изображает неодобрение Бак, закидывая ногу на ногу.

На самом деле, вижу, что ему просто интересно.

— Какая интересная методология в анализе, — подхватывает слова подполковника и снова наливается цветом спелого помидора заведующий кафедрой.

Который, кажется, принял сегодня тройную дозу антидепрессантов, судя по его необычайно весёлому настроению. Или вообще вместо медикаментов, проходящих по разряду медицины (и считающихся у наркоманов лёгким развлечением), задвинулся чем-то более тяжёлым. Хотя в этом случае я б это видел через чип, чего нет.

— Не секрет. Это Кол, хозяин и директор управляющей Компании в одном лице. Той компании, что Квадратом заведует, — поясняю дополнительно резко задумавшимся офицерам. — Он вроде ваш коллега бывший, от слова Colonel.

— Интересный круг общения, — задумчиво смотрит на меня куратор. — Хотя, вполне логично. С вашим послужным списком за спиной…

— Справедливости ради, Кол — не мой круг и не мой уровень. Я его и видел-то вживую один раз, во время видеоконференции. Когда кое-кого в Квадрате допрашивали… Он вообще за спинами других стоял и только слушал. Я больше с его помощником общаюсь… Что не отменяет пользы самого правила.

В этом месте Бак встаёт, предупредительно кладёт руку на

плечо своему начальнику (что-то порывающемуся сказать), и обращается ко мне:

— Вы вольны поступать так, как вам вздумается. По большому счёту, мы вам сообщили то, что хотели. И что считали своим долгом. Я, откровенно говоря, со своей стороны видел развитие событий чуть иначе.

— Расчёт был на совместный мозговой штурм, — поясняет заведующий кафедрой. — Ни мы, ни вы раньше с такой ситуацией не сталкивались. Мысль была объединить усилия и выработать какую-то совместную дорожку шагов.

— Господа, я очень ценю вашу помощь. — Поскольку Бак стоит, мне оставаться в кресле вроде как тоже не комильфо. — Но давайте сразу расставим точки над «i». Зная подполковника Бака уже достаточно неплохо, рискну предположить: вы мыслите исключительно категориями действующего законодательства, так?

— Да. И никак иначе. — Твёрдо и уверенно выдаёт куратор, не задумавшись ни на мгновение. — Это ключевой элемент, он не обсуждается.

— При всём уважении… — ну не рассказывать же им сейчас, что мне ещё и сто тысяч аванса для Чоу родить надо срочно.

А потом ещё столько же, хотя вторая часть терпит.

Ещё пришло уведомление о пошлине за товар Жойс, который ждут в сетях. И многое, многое другое…

— Господа, не сочтите за недоверие. — Приняв решение, дальше говорю легко и без сомнений. — У нас с вами разные точки зрения. В том смысле, что мы смотрим на ситуацию с разных сторон. Я не столь отягощён моралью, а во главу угла ставлю эффективность, а не чьи-то правила. Те меры, которые приходят сейчас в голову *мне*, наиболее эффективны именно тогда, когда о них никто не знает. Не примите на свой счёт! — предупреждающе останавливаю порывающегося что-то изречь Бака. — Просто есть такие грузы, которые стоит носить исключительно собственной совести. А не делить с другими. — Вообще-то, это достаточно вольный перевод одной поговорки, но, кажется, Бак её понял.

— Тогда, пожалуйста, и вы имейте в виду. — Мгновенно ориентируется он, игнорируя любопытный взгляд своего начальника. — Вы будете абсолютно одиноки как как в разработке этого своего плана, так и в его реализации. — На самом деле, я вижу, что куратор считает с точностью до наоборот, и говорит абсолютно не то, что думает.

А заведующий кафедры вообще с ним полностью согласен.

Но, видимо, этикет есть этикет и в приличном обществе, как

говорит Хаас, не все вещи называют вслух своими именами.

— Господа, благодарю за участие, — я действительно им очень благодарен.

Никогда не думал, что всего лишь наличие кого-то неравнодушного рядом может настолько поднять интеллектуальную производительность. Пока мы общались, меня посетили сразу три хорошие идеи, которые просто требуют от меня немедленных действий.

— Даже стесняюсь спросить, чем обязан такому участию, — повторяю их собственные слова, улыбаясь.

— Мы надеемся на ваше участие в будущем турнире. — Чересчур поспешно отвечает Бак. — Кафедра ничего не теряет, выставив вас, а приобрести может немало. Для меня лично, как для вашего куратора, это вообще лотерея без проигрыша. Судя по вашим личным результатам, вас там как минимум не убьют. Так что, считайте, что я забочусь о личной инвестиции.

— И на всякий случай. В плане методической гипотезы, — хихикая про себя, добавляет Блекстер, демонстративно не глядя на Бака. — Абсолютно случайно, может статься так, что на этапе прикидок этого вашего нетривиального решения вам может здорово помочь майор Стоун. Если сможете с ним договориться. Он абсолютно чётко расскажет вам, по каким причинам и чего категорически нельзя делать, — чётко и раздельно произносит с демонстративно опущенными веками полковник. — Также, он может рассказать об имевших место прецедентах: его личный опыт в разных интересных прикладных ситуациях сложно переоценить, м-да… А ещё он объяснит, с чем, скорее всего, теоретически придётся столкнуться автору плана, и по каким методическим причинам. — Заведующий кафедрой спокойно и безмятежно смотрит на меня. — У вас ведь нормальные с ним отношения?

— Да нет отношений, — пожимаю плечами. — Как с вами или с куратором, с ним не общаюсь. Автомат по предмету только просил у него однажды.

— Значит, есть отношения, — нелогично заключает Бак.

— У Стоуна есть отличное качество, — словно цитируя роман, отстранённо продолжает Блекстер. — Рассказываю так, в порядке болтовни между коллегами, за чашкой кофе. У Стоуна была ситуация, когда то, что лично он считал правильным, шло вразрез с мнением действующего законодательства.

— И чем окончилось? — начальнику Бака удалось меня заинтриговать.

— Да ничем, — чуть удивлённо пожимает он плечами. — Показания против себя Стоун давать отказался, сославшись на

пятую поправку. А другие свидетели, по случайному совпадению, не выжили. Ну и, трибунал — это не самое подходящее место для игры против армейского офицера со стороны гражданских. Какое бы важное министерство они не представляли.

— Была пара часов, когда он находился в руках муниципальной полиции, — хмуро роняет Бак после некоторой паузы. — Те, разумеется, пытались на него надавить в своих интересах; вы понимаете, о чём я… Поскольку были прямо связаны с противоположной стороной…

— Увы, история всегда повторяется, — веселится полковник, но я уже не удивляюсь. — Главное — то, что та сторона не преуспела. От Стоуна они ничего не добились, а уж когда он вышел от них…

— Майор Стоун с тех пор очень чётко подчёркивает, какую сторону в определённых ситуациях надо занимать, — припечатывает куратор, перебивая заведующего кафедрой. — Всего доброго.

———

— Привет! — Как только я выхожу с кафедры, на мой комм тут же поступает вызов от Хаас.

— Привет! Бегу по территории, мало времени! Извини, что говорю на ходу. — Сразу ввожу её в курс остановки. — Если я тебе зачем-то срочно нужен, я весь внимание.

— Да нет, ничего такого. Звоню, чтоб тебя в известность поставить. По всем эпизодам имеет место чистка: федералы забрали и трупы, и само дело. Дело засекретили по двадцать первой статье федерального кодекса. Сказали, комментарии пока исключены в интересах следствия.

— Ну, ты предупреждала, что так и будет? Вы так и говорили же?

— Да, в этом смысле, всё по плану, — вздыхает Анна. — По отрицательной его части. Всё действительно в пределах ожидаемого. Обычная конфронтация между нами и столицей: мы у них отжимаем логистический перекрёсток — они пытаются спрятать свои неблагозвучные свершения. Но я же не могу этого не сообщить тебе. Слушай, а может всё-таки …? — она не оканчивает фразу.

— Давай так. Мне нужны буквально пара суток, чтоб завершить пару вопросов. Надеюсь, за это время ничего сногсшибательного не случится, — озвучиваю уже принятое решение. — А потом, если что, будем с тобой брататься. И, кстати, мне может понадобиться твоя помощь.

— Что нужно? — тут же подбирается наша блондинка.

— Во-первых, если я не найду средств в одном месте, может

понадобиться солидная сумма взаймы.

— Насколько солидная?

— Максимум семьдесят. Но скорее всего, тридцать — сорок. — Я представляю, где взять деньги для Чоу, но чётко ни с кем ещё не говорил.

— До сорока пяти — вообще без проблем. Это мой лимит в семье, в связи с твоими делами, — поясняет блондинка. — Выделили на всякий случай, чтоб затыков не было. Если больше — пойдём к бате. Он даст, не переживай. Но просить будешь сам.

— Спасибо. В принципе, сорока пяти скорее всего будет за глаза, — на ходу меняю схему, подстраиваясь под услышанное. — А второй вопрос такой…

****

Кафедра прикладной методики.

— Вроде, понял, — неопределённо ведёт рукой над столом заведующий кафедрой. — Себе на уме, но далеко не дурак. ТЫ уверен, что так будет лучше?

— Я же его знаю уже, — устало двигает плечом сидящий напротив мужчина. — Если ему в голову что-то взбредает, дальше обсуждать бесполезно. Всё равно сделает по-своему. Так чего зря под ногами путаться?

— Тем более что нам с тобой, в случае его успеха, действительно лучше подробностей не знать, — вздыхает полковник. — Как говорится, крепче сон грядущий…

— Лео, слушай, на всякий случай. Исключительно в порядке психотерапии. — Неожиданно выныривает из размышлений один из собеседников.

— Ты о чём? — мгновенно настораживается полковник.

— Да когда ты вот так демонстративно веселишься на людях, тебя потом дня два черти маринуют. И совесть мучает. — Подполковник внимательно и требовательно смотрит на начальника.

— Есть местами, — неопределённо хмыкает тот. — Что поделать, издержки возраста и психики.

— Вот чтоб тебя твои издержки не угнетали. Я тебе поговорку сейчас скажу, в качестве дружеской помощи: «Как герцог с нами — так и мы с герцогом». Не мы первые это начали. Не думай много!

— Согласен. Посеешь ветер — пожнёшь бурю. — Заведующий кафедрой решительно хлопает ладонями по столу.

****

— Какой твой запас на случай эвакуации? — Стоун требовательно смотрит на меня.

Я не особо горел желанием вообще идти с кем-то

советоваться, но на родной кафедре пока плохих советов мне не давали.

Когда я нашел здоровяка на одном из полигонов их кафедры, он был почти не занят.

Размечая на экране планшета непонятными мне крестиками и галочками огороженный забором макет полуразрушенного дома, он в лоб сказал, что ждал, когда я к нему обращусь. Потому, дескать, могу не стесняться и переходить к делу. Все свои.

На моё закономерное удивление такой преподавательской позиции, он пояснил: что на территории пострадала колониальная сержант, лично он в курсе. О её послужном списке он, конечно, детально не знает, но на территории с ней как-то сталкивался, и составить визуальное впечатление возможность была.

Что я с этой сержантом состою в отношениях — тоже не особый секрет, по крайней мере, для преподавательского состава Корпуса.

— Проблемы и дела учащихся обсуждаются на кафедрах гораздо более подробно, чем сами учащиеся о том думают, — снисходительно улыбаясь углом рта, завершил пояснение он. — Давай без вступлений и предисловий. А-а-а, стоп, погоди… вы ж все умные до самой задницы обычно, давай-ка сперва кое-что персонально с тобой проговорим… У тебя сейчас есть в голове мысль, что ты весь из себя такой грамотный и прошаренный? И сто процентов всё сам можешь грамотно спланировать и провернуть из того, на что нацелился? — Стоун насмешливо глядит на меня. — А недалёкий и тормознутый преподавательский состав будет, в лучшем случае, путаться под ногами?

— Не дословно так, — кажется, скрыть своего удивления в его адрес у меня не получается. — Но вам очень удается роль выпускника физкультурного колледжа, — решаю позволить себе часть откровенности в беседе. — К тому же, лично меня опыт учит: не нужно втягивать в не совсем законные мероприятия тех, чьё участие им самим никаких бонусов не несёт.

— Молодой дурачок, — делает неожиданный вывод майор, захлопывая свой планшет. — Впрочем, ты гражданский… что с тебя взять… Тогда скажу не про сейчас, скажу в принципе. Есть закономерность, регулярно переходящая в правило: иногда гораздо медленнее думающий человек имеет гораздо больше прикладного опыта. А ещё есть масса ситуаций в потенциале, — он намеренно не употребляет слова «тактических», но оно настолько явственно висит в воздухе, что даже я его ощущаю. — Когда именно этот практический опыт весит во много раз больше,

чем все твои золотые мозги. Надо пояснять, почему?

— Спасибо. Нет. Я уловил посыл. Пожалуйста, продолжайте.

— Это ты продолжай. Какой твой запас на случай эвакуации? На ней сыплется восемь подобных эпизодов из десяти. Я согласен, что обычный муниципальный патруль тебе не противник. И даже *там*, — он многозначительно подчёркивает последнее слово, — не то что тебя не возьмёт, а скорее всего и не заметит, наверное. Но ключевое слово именно «наверное». Здесь планирование надо начинать с конца. У тебя точно есть запасные варианты?..

_____

Ухожу с полигона где-то через полчаса. Не скажу, что я что-то радикально пересмотрел в результате разговора с ним. Но убедиться, что мои ожидания во многом соответствуют реальной картине, тоже было важно.

Второй попытки может и не быть.

Не то чтоб я имел какие-то персональные секреты от прямого и простоватого майора, но личный опыт учит: умеешь считать до десяти, остановись на семи.

Личные козыри — на то они и личные козыри, чтоб о них не говорить всем подряд. Даже если это всего лишь не совсем обычная способность отдельного человека преодолеть пешком триста километров за первые сутки пути.

Глава 18

Стоуну было интересно до последнего момента: это Бак так пошутил? Нагнетая напряжение в разговоре, обозначая двусмысленность и, будто бы, пересиливая себя?

Или же разговор действительно чистая монета?

Про случай с его пацаном-соискателем, понятно, все, кому надо, в Корпусе были в курсе. Соответственно, любому соображающему на местности хотя б на пару шагов вперёд, было ясно: неудачные попытки потому и называются попытками, что их повторению никто не сможет воспрепятствовать.

Если только не…

Вот это самое «не» Стоун и собирался понять лично по конкретному соискателю, в ходе их грядущего личного разговора.

В ответ на прямой вопрос пацан, не ломаясь и не вдаваясь в ненужные майору детали, выложил достаточно простую тактическую схему. Оставляя попутно за рамками саму механику воздействия (тут Стоун даже и не подумал лезть в детали — так как прекрасно понимал специфику ситуации и был с ней полностью согласен).

Оставшееся между строк, запланированное пацаном, решение наверняка было изящным.

Стоун же, со свойственным ему прагматизмом, проверил на прочность лишь те узлы плана, которые лично ему казались хлипкими либо, на его памяти, приводили других в тупики и прочие ненужные места.

Общей беседой он остался доволен, в том числе, как преподаватель. Слава богу, в Корпусе действительно появился как минимум один нормальный человек, который не ломает мозги и не бьётся в истерике даже в такой непростой ситуации.

Вместо ненужных эмоций, человек просто берёт — и делает то, что считает нужным.

И ровно то, что сделал бы на его месте сам Стоун, окажись вдруг в аналогичной ситуации.

Майор деликатно не стал упоминать вслух, хотя и помнил, о присутствующем на территории заведения военнослужащем из другой страны, с которым у пацана тоже были свои отношения (по крайней мере, во время нашумевшей в своё время дуэли они вместе вытряхивали долг из одного нечистоплотного букмекера. Что уже немало).

Кому-то, может, это и секрет; но для человека, выросшего «в поле», очевидно: летательные аппараты, снующие над головой, остаются без внимания только со стороны тех, кто рос в

кабинетах.

Человеку же с практическим, а не теоретическим, опытом, вся эта техника — такой же ресурс, как и любая другая. И глупо думать, что пацан этого в своих планах не учёл.

К тому же, у Стоуна крепка была задним числом мысль, что хитрый израильтянин (он же — оператор летающей техники) наверняка не декларирует процентов сорок зазора по своим ТТХ. Оставляя за кадром многие принципиальные возможности иностранных дронов и по дальности, и по скорости, и по грузоподъёмности.

Или, скажем, принципиальными эти недоговорки будут ровно в том случае, реши кто воспользоваться данной техникой для быстрого и неафишируемого визита в иной муниципалитет. Например, в столичный.

Прямых вопросов, разумеется, майор задавать и не думал. Вместо них он предпочёл уточнить, как именно настроен соискатель. Иногда настрой психики больше говорит о планах, чем подшитый в дело воз бумаг.

Выслушав начало ответа, Стоун тут же сообразил, каким будет его продолжение. Оттого без затей перебил более молодого собеседника:

— Не разжёвывай. У тебя есть дан, плюс чип. Удар кулаком или газетой — есть разница, во всех смыслах. Я эту разницу понимаю. Особенно если кулак ломает кирпич… Ты, главное, не вяжись там, если что… просто мотай оттуда быстрее.

_____

— Будешь смеяться; но тот, кто нужен мне, обитает в тех же местах. — Задумчиво итожит совестно выработанный план Фельзенштейн. — Как насчёт дуплета?

— Договор есть договор, — пожимаю плечами. — Надо, значит, делаем.

— У нас есть доступ к какой-нибудь не сильно публичной транспортной компании? — неожиданно выдаёт он, когда, казалось бы, все детали оговорены не по одному разу. — Грузовики по десять тонн, с пропусками внутри города, имеющие лицензии на перевозки между муниципалитетами вашей Федерации?

— У нас не нужна лицензия между муниципалитетами, — качаю головой. — Только одна, генеральная.

Я интересовался этим моментом у Хаас между делом, когда был в гостях.

— Так есть или нет? — нетерпеливо напоминает он.

— Да.

— Звони. — Он уверенно тычет мне в руки свой комм. — С

моего звони. Проси следующее…

_____

Звонок двух неустановленных абонентов.

— Сколько лет, сколько зим, — находящийся в зрелом возрасте собеседник шутливо раскидывает руки, изображая дружеское приветствие. — Как жизнь? Что нового?

— Ты же уже догадался, что я снова просить буду, — смеётся более молодой.

— Спринтер, тогда сразу к делу! Потому что я слегка занят, — быстро закругляет вежливые реверансы тот, кто старше. — Чем могу?

— Гутя, во-первых, одолжи денег. Во-вторых, можешь в счёт этих денег дать на время пару машин из Первой Транспортной? Она ж сейчас под вами? Вы же сто процентов её под себя прибрали?

— Давай с конца, — не то чтобы напрягается, скорее, озадачивается пожилой. — Что за машины надо? Как далеко ехать, что везти?

— Ехать в Столицу, вот прямо сейчас. Везти вообще ничего не надо… — парень быстро поясняет, чего хочет. — … таким образом, порожняком и туда, и обратно. Главное — чтобы быстро. И чтобы по сигналу оттуда с места в карьер дёрнули.

— Ну, по этому пункту, тебе — вообще без проблем, — уверенно кивает тот, что в возрасте. — Заплатишь за горючку плюс суточные водителям. Тут сойдемся на себестоимости, раз просто прокатиться. А взаймы тебе сколько надо? И как надолго?..

_____

В течение одного и того же вечера, в Столице, если верить внутренней онлайн полицейской сводке, произошли два на первый взгляд не связанных между собой события.

В одном конце мегаполиса, в престижном спальном микрорайоне, невесть откуда взявшиеся бродячие собаки загрызли насмерть средней руки федерального чиновника.

Всё бы ничего, но этот чиновник работал в одном из тех комитетов, чья деятельность широко не афишировалась. Соответственно, и жил он ну никак не в трущобах.

Собак тех, впрочем, видели сразу несколько человек неподалёку, в районе лесопарка. А полицейский патруль даже сообщил в профильную службу — но отлов был расписан на неделю вперёд. Понятно, что с пробуксовкой никто ловить кобелей не кинулся.

А оказалось, зря.

Хорошо, что столичные полицейские — не чета прочим. Как стелется собственная и личная солома, чтобы не больно было падать, знают все (от простого патрульного до начальника

Департамента включительно).

Сигнал был подан; отлову сообщили; прочее — чужая подведомственность. Давайте, каждый будет заниматься своим делом? Не полиции же, в самом деле, собак вручную ловить?!

Если на это родственникам мэра, в профильную аффилированную компанию, выделяются весьма немалые средства, причём на месячной основе. За такие деньжищи, кстати, этим собакам можно мраморные памятники поставить, не то что переловить за час…

Происшествие так бы и осталось незамеченным, если бы не странное совпадение.

Абсолютно схожий рисунок имел место в это же самое время, только на другом конце города.

Во втором эпизоде, правда, фигурировал в качестве пострадавшего уже финансовый чиновник одной совсем непростой федеральной службы (а может и не финансовый? Кто ж полиции скажет).

Перца в спагетти добавлял тот момент, что второй загрызенный был очень плотно связан по работе со своим товарищем по несчастью.

Собака во втором случае тоже была не бродячая. Если верить очевидцам, здоровенный пёс гулял себе вдоль посадок. Рядом на лавочке что-то читала какая-то белобрысая девочка, лет двенадцати: точнее было не разобрать, поскольку в фокус камер наблюдения она не попала (те висели вдоль шоссе и находились далеко, плюс глядели в другую сторону).

На финансиста, шагавшего в сторону собственного коттеджа, бродившая вдоль посадок собака отчего-то накинулась без предупреждения. Дальше свидетели утверждали: девочка зачем-то кинулась к пострадавшему, пытаясь отогнать пса. Что-то типа «Фу!» или «Отставить!» она явно кричала — детали с такого расстояния было не разобрать.

Чиновнику это помогло мало: та же рваная рана горла, те же перекушенные шейные позвонки и смерть в течение половины минуты, если не быстрее.

Как назло, отыскать малявку не удалось: по горячим следам, понятно никто не бросился. Не до того было.

А уже через час — полтора, когда на место происшествия подгрёб лично начальник городского следствия, кого бы то ни было и след простыл. Единственным вариантом был обход окрестных блоков, но эта задача не на один день (если делать её добросовестно).

Начальник следствия, однако, занимал свою должность по праву и два происшествия моментально увязал (пока — мысленно).

Просматривавшаяся единая схема явно фонила запахом своего же государства, только уже на федеральном уровне.

Под конец, свидетели поднесли сюрприз: оказывается, какие-то то ли большие дроны, то ли небольшие вертолёты в обоих местах тоже летали. Никто не приглядывался, поскольку никому не надо.

В этом месте старший из присутствовавших полицейских отчётливо покрылся испариной: всё, что летает, это уже по части армии. Даже если сам аппарат не армейский, за всем, что может летать над Столицей, пристально наблюдает только армия. Причём двадцать четыре часа в сутки.

Вместе с тем, в этом крылось и потенциальное облегчение: во-первых, оба пострадавших занимались вопросами, выходившими за права и допуски полицейских.

Во-вторых: тот след, который просматривался, явно требовал компетенций другого уровня. Не муниципального.

Уж больно согласованы были события по времени, методике и точности исполнения.

Кстати! Хлопнул себя по лбу будущий глава Департамента. А ведь лицензиями на любые надгоризонтальные перемещения в агломерации занималась никак не полиция! А если имели место быть аппараты, летающие по воздуху, то…

Намечалась вполне себе рабочая возможность спихнуть дело вместе с невнятной перспективой тем, кому на него в потенциале хватало полномочий.

Ведь всем хорошо известно: полиция ловит только тех, кто ходит, бегает или ездит исключительно по земле.

Теми, кто наносит удары с воздуха, занимаются исключительно другие организации.

Дела надо срочно объединять. Если повезёт, то эти леталки и на камерах есть — авось да попали в фокус.

_____

Грамотно продуманная схема избавления от дела неожиданно дала сбой.

Ещё в одном конце города, где обитали преимущественно эмигранты от первого до третьего поколений, аналогичные по почерку собаки загрызли ещё одного.

Третий был самым обычным чернозадым из какой-то жаркой Тмутаракани и государственным чиновником не являлся от слова «совсем».

Костеря, на чём свет стоит, долбаного неудачника, полицейский сообразил: в таком виде убедить смежников в злонамеренности и едином почерке исполнителя может не получиться. Уж больно далёк был последний араб и от государства, и от каких-либо серьёзных дел.

Впрочем, надо ехать и смотреть лично. Мало ли… вдруг обстановка на месте подскажет что-то, чего отсюда не видать.

_____

В практическом приложении, самым непростым элементом операции является доказательство самому себе того, что виновными определены действительно те самые виновные люди.

Разумеется, я видел: Бак, называя фамилии, говорил ровно то, что думает. Заведующий кафедрой, сидевший рядом, был с ним тоже полностью согласен.

Напряжение лично мне добавляли три момента. Первый: кто-то же влез ко мне в номер? И реально на меня покушался. Если не устранить форточку, из которой дует ветер, в следующий раз я могу не оказаться настолько проворным.

Ну либо та сторона подберет какие-нибудь такие инструменты, плюс время и место, что легко решит свои задачи в мой адрес.

Второй момент вытекает прямо из первого: если со мной что-то случится по чужому сценарию, кто тогда позаботится о Жойс?

Ну а в-третьих, приговаривать пару людей только по намёку Бака — как-то чересчур. Если б Алекс был тут, он бы точно сказал: добросовестного заблуждения тоже никто не отменял.

Мало ли: вдруг Бак искренне считает эту двойку виновными — а они вообще не при делах? А куратор при этом искренне считает, что он верно догадывается.

Чуть поломав голову, я нашёл решение. Каждого из двух человек, упомянутых Баком, я в итоге встретил лично.

_____

Легко ли допросить человека, заставить его при этом признаться в преступлении либо правонарушении?

Причём, сделать это нужно так, чтоб сам человек ничего не помнил, не понял и тревоги не поднял. А сделать всё это нужно ещё и не привлекая внимания.

Вот и я поначалу подумал, что это абсолютно нереальный сюжет. Ровно до тех пор, пока в моё общение с Моше у него в номере, на этапе нашей подготовки, не вклинилась Чоу. Она вообще, похоже, ходит по Корпусу, как у себя дома: какие-то допуски Управляющей Компании дают ей возможность даже к Фельзенштейну двери отпирать своим пальцем. Он, правда, не возражает.

Мне этого крайне не хотелось, но пришлось наступить на горло собственной песне. Никакое другое быстро решение просто не просматривалась — а тянуть резину, ожидая выстрела в спину с дистанции в километр, было тоже невозможно.

Чоу, войдя к Моше без предупреждения, в его сторону лишь

подняла ладонь. А меня спросила по-китайски, что мы замышляем. И не может ли она, абсолютно случайно, чем-то помочь — ибо образцы тканей Жойс уже в Пекин отправила. А нужные для Жойс препараты уже заказала автоматически, просто пока оплату не внесла (ей там верят). Если я спрыгну или недоживу, ей придётся чехлиться своими деньгами.

Подумав, я решил поддаться влиянию того самого интуитивного и эвристического блока в чипе, о достоинствах которого в последнем письме говорил Алекс.

Вытянув меня на откровенность, задав уточняющие вопросы и выслушав мои предложения, китаянка молча кивнула в ответ и испарилась.

Чтоб через буквально пару часов явиться обратно, раздобыв где-то подробную информацию по обоим моим субъектам. Не знаю, какие у неё концы в Столице, но то, что она нарыла, впечатляло. И меня, и Фельзенштейна.

Там были и регулярные маршруты двух человек за последнюю неделю, и наиболее вероятный прогноз по их перемещениям в течение ближайших нескольких суток.

Поразившись возможностям ханьской диаспоры, я задал ей следующий закономерный вопрос. И получил вполне конкретный ответ, плюс её личное согласие ограниченно помочь. В итоге мой совокупный личный долг ей слегка увеличился, в финансовом выражении. Но зато она проследовала вместе с нами в другой муниципалитет и, подкараулив вместе со мной каждого из двоих моих клиентов в людных местах, прямо в толпе применила по ним ту самую свою дистанционную технику.

Человек на какое-то время превращался в заторможенную марионетку, у которой блокировались сразу несколько функций мозга. Я, откровенно говоря, не думал, что такое возможно, если б не видел своими глазами (плюс искрой).

Видимо, ханьский потенциал одарённых *их* искрами у нас действительно здорово недооценивают. Ну, либо Чоу — долбаный гений на своей стезе, не имеющий аналогов.

После того, как она вводила их в подобие транса, мне оставалось только произнести рядом с фигурантами слова, вызывающие их прямые ассоциации. Типа конкретных имён, названий провинций. Сказанное вызывало у них ответную реакцию, вполне читаемый для меня ассоциативный всплеск у каждого из них.

Понятно, что для суда такого доказательства было бы недостаточно. Но лично мне, для локализации собственной проблемы, и этого за глаза.

Что характерно, на моё невысказанное предложение помочь

еще сильнее, но за отдельную плату, китаянка ответила решительным отказом: «Убивать будешь сам, и не при мне».

Жаль. У меня, под влиянием драйва и несущихся галопом событий, родился и тут же умер такой соблазнительный план: двое помирают от сердечного приступа или инсульта, в центре города, в людных местах.

Увы, это так и осталось нереализовано.

Задним числом я позже сообразил, почему она отказала. Насчитал даже три весомых причины в каждом случае.

_____

Завершив все неприятные дела, под влиянием Стоуна и Фельзенштейна, я отправил пустые машины Первой Транспортной домой: водители и сюда ехали порожняком, и отсюда тоже. На всякий случай (ну мало ли), пусть будет отвлекающий манёвр. Стоун ровно в две минуты пояснил, почему так будет правильно.

Чоу, что интересно, имела на Моше в столице свои планы. Оказывается, хитрая хань согласилась вписаться в это всё не только ради помощи мне. Она сама призналась: во-первых, её участие минимизировало риски для вовлечённого Моше.

Оказывается, он и ей додумался рассказать о своих планах в адрес араба. Блин, нет слов… кому ещё он болтает языком налево и направо? К сожалению, я узнал об этом только постфактум, когда трое человек уже наяривали на арфах в райских кущах (ну или, скорее, активно перемешивали вилами смолу совсем на другом этаже).

Хаас, понятно, тоже полетела с нами. Её роль была не просто не последней, а местами ключевой. Во-первых, в вопросе синхронизации действий.

Во-вторых, она должна была стать рубежом прикрытия, если бы… не потребовалось. От неё у меня каким-то образом не стало секретов. В ответ на мой план, она сходу выдала два убийственных аргумента, по которым в период горячей фазы её присутствие рядом со мной в Столице ей вообще ничем не грозило (по целому ряду сложных причин), а с меня снимало массу рисков.

_____

На всё в сумме ушло целых пять дней. У меня сейчас работает полноценное алиби за счёт медицинской капсулы, где я «нахожусь на реанимации» из-за осложнения после овода. Камила говорит, это бетонная крыша. Главное — чтоб я тут никому в руки не попался.

У Хаас действуют какие-то иммунитеты, приравненные к дипломатическим. Не вникал, но факт. У Моше, кстати, то же

самое.

А Чоу только отмахнулась: нарушать она ничего не собирается. А её точечное воздействие на ма-а-аленькую точку в мозгу, во-первых, никто не заметит. А во-вторых, никто не докажет. А если кто-то и заметит, то будет молчать, потому что это может быть только хань не ниже шестого или седьмого уровня. А всех таких она знает если и не в лицо, то уж всяко по контуру искры.

В итоге, пару дней мы банально наслаждались туризмом в столице, вчетвером. Женская половина была довольна, особенно Чоу. Утром на завтраке от неё только что искры не летели, причём в положительном смысле.

Остановились мы в одном из негласных представительств клана Анны, имевшем вид бизнес-центра, совмещённого со складами. Я и не знал, что такое бывает… А о размахе деятельности кланов у себя в Муниципалитете теперь думаю иначе, чем до того.

_____

Был, правда, ровно один острый эпизод.

После эвакуации собак и Анны с последнего места, я где-то расслабился и хотел пройтись по подобию леса пешком. Нервы успокоить, обдумать кое-что. А в следующий момент у меня чуть сердце не остановилось. Когда крайне неожиданно, ещё и вплотную ко мне, раздался резкий голос:

— Ну и куда ты собрался?

Глава 19

В первый момент, независимо от моего желания, срабатывают какие-то глубинные инстинкты. Погружая меня в ещё большее паническое состояние — потому что таких неконтролируемых рефлекторных всплесков у меня очень давно не было.

Во второй момент я понимаю, что моя реакция была не до конца естественной. Если совсем точно — она полностью принудительная. Ну а затем я решительно бросаю всё, чем занимался до этого, и падаю спиной на ближайшую скамейку, прикрыв глаза.

— Где тебя носило? — улыбаюсь во внутреннем пространстве проекции Алекса. — Я уже думал, ты того, с концами. Переживал, до дома ли ты добрался или… — не завершаю фразу.

— Отсутствовал по уважительной причине, — улыбается проекция соседа. — Это ваше местное изобретение оказалось до невозможности агрессивным. Я, честно говоря, увлекся поначалу, — во внутреннем пространстве возникает висящий прямо в воздухе гамак, в которой Алекс с размаху запрыгивает спиной вперед. — Знаешь, сложные моменты с физиологией у нас с тобой же и раньше бывали, — продолжает он, раскачиваясь вперёд-назад. — Но такого, чтобы неконтролируемо росла декомпенсация, а я ничего не мог сделать… такое на моей памяти было в первый раз.

— Чоу говорила, что это ещё только первое поколение, — вставляю к месту умную цитату. — Она говорит, у них уже третье поколение этой гадости вовсю тестируется.

— Слава богу, что сейчас у нас с тобой был только прототип. В общем, я ка-а-ак погрузился в выработку контрмер! А оказалось, что у этого чипа кое-какие аппаратные функции дублируются и в ядре, и в оболочке. Я, пока с этими нано сражался, незаметно для себя из ядра в оболочку и соскользнул по запаре — оно ж тут всё на импортированный снаружи интеллект не рассчитано. А я до этого ресурсы чипа в *таком* объёме не напрягал. А потом, пока разбирался, что-куда, да пока обратно пробивался…

Выныривающее из-за дерева заходящее солнце неожиданно светит прямо в глаз, заставляя зажмуриться.

— В общем, можно сказать что закрыл сам себя в чулане на бронированную дверь. А ключи оставил с другой стороны.

— А я думал, тебя домой выбросило, как ты и говорил.

— Знаешь, как домой попасть, я теперь тоже, кажется, разобрался. — Осторожно говорит Алекс, внимательно глядя на меня. — Просто стартовать домой лично мне надо не из ядра, а

из оболочки. Теоретически, я представляю сейчас, как это сделать. Но перед убытием хотел понять, что у *тебя* и как. Какие, кстати, новости? Где мы вообще? За что вы этого так неласково?.. — смеётся он. — Хотя, я догадываюсь, кто это.

Хорошо общаться во внутреннем пространстве. По одним только интонациям и полунамёкам понятно, что имеется ввиду. Не говоря уже о скорости обмена информацией.

— А ты давно тут? Я сейчас понимаю, что ты не сразу прорезался.

— Во внутреннем пространстве около получаса, но первое время мог только наблюдать. Меня отсюда как с мясом вырвало, — поясняет он. — Иллюстрировать не буду, неаппетитно ибо. Пока тут заново себе всё, что надо, отрастил, вы уже человека ухлопали, — смеётся он.

Вкратце передаю ему содержание последних нескольких суток.

— Так это Исфахани по мне инфрой шарахнула! — сосед в прямом смысле подпрыгивает внутри гамака в положении лёжа. — А я-то думал, что там за странное воздействие под руку! Слушай, так и испугаться всерьёз возможно, — он растерянно смотрит на меня со своего места. — Ладно, давай к делу. Можем сейчас каким-то образом посмотреть на твою Жойс?

— Как ты на неё посмотришь? Мы в столице, а она в Корпусе. Камила что-то там оформила специально, Жойс у нас лежать будет. Знаешь, я когда улетал из муниципалитета, специально запомнил в деталях показания на компе Камилы, — вывожу во внутреннее пространство фотографию экрана, которую действительно на выучил на память. — Я чего-то надеялся, что ты объявишься обратно.

— Ну-у-у, не врёт твоя Чоу, — констатирует Алекс через некоторое время. — Я у тебя внутри точно также действовал, в том смысле, что алгоритм тот же. Эту гадость надо воспринимать исключительно как внешнюю инфекцию, причём на клеточном уровне. Тогда она вся выводится собственным иммунитетом. Правда, клетки кое-какие в крови надо модифицировать, потому что…

— Ой, не грузи наукой, — улыбаюсь, поднимаясь с лавочки и открывая глаза. — Мы каким-то образом можем пошевелить процесс восстановления либо ускорить его?

— Только если пересадить твоей половине точно такой же чип, как у тебя. А в него перенести меня, — отрицательно качает головой Алекс с виноватым выражением лица. — Я такую терапию не потяну снаружи. Я же вообще не понимаю, по каким принципам эти ваши искры работают. То, что Чоу снаружи может

перепрограммировать живые клетки — это как пилотаж в воздухе. А мы с тобой живём под водой, если так понятнее.

— Меня же вылечил? — пытаюсь успеть за его мыслями.

— В её случае, если я нахожусь снаружи, мне проще создать свою нано-колонию, которая нейтрализует этого вашего овода. Потом произвести её. Но для этого нужен совсем другой порядок ресурсов, чем со своей стороны предлагает Чоу. Сотней тысяч ваших монет точно не отделаемся. Знаешь, мне вообще начинают нравиться ваши местные китайцы. — Признаётся он, испытывая неловкость. — С твоей Камилой, например, я далеко не всегда совпадаю во взглядах на оптимальные протоколы лечения. А в данном случае — просто нечего добавить.

— А домой ты когда решил? — перевожу разговор на другую тему, чтоб уйти от повисшей между нами неловкости. — Знаешь, без тебя скучно, — признаюсь через мгновение, хотя и не без некоторого внутреннего усилия.

— Будешь смеяться в этом месте. Пока не было технической возможности двинуть домой — я молился чуть не каждую секунду. А сейчас, когда вроде бы нужно лишь напрячься… уже начинаю думать, а всё ли я тут завершил, — смеётся сосед. — Что не говори, у нас таким драйвом и не пахнет. А у вас тут всё самобытненько и ярко. Да и эмоциональные связи друг с другом в момент не зачеркнёшь.

Какое-то время смеёмся вместе.

— В общем, хорошо, что ты вернулся. В период моих серьёзных финансовых затруднений, две головы — всегда лучше одной.

— А что у нас с финансами, кстати?! — спохватывается сосед.

— Классический затык. С одной стороны, деньги вроде бы и есть. А с другой стороны, быстро до них не дотянешься; и непонятно, дотянешься ли вообще. — В двух словах передаю намечающиеся изменения в Муниципалитете и ситуацию с зависшими платежами сразу по нескольким адресатам.

— Спать сегодня не придется, — констатирует Алекс. — Будешь подробно вспоминать все без исключения детали и мне их пересказывать. Пока у меня есть пробелы в хронологии, могу упустить варианты разбогатеть.

— С какого момента начинать?

— С того самого, как ты принялся в безопасника и Исфахани палить в медсекторе. Этот момент я ещё помню, — Алекс снова разваливается в гамаке и вальяжно машет в воздухе рукой. — Ты, кстати, можешь подниматься со скамейки и шагать, куда там ты топал. Я тоже рад тебя видеть, но давай поскорее на всякий случай с этого места уберёмся поскорее и подальше.

———

Вообще-то, по всем правилам, дежурные прокуроры либо кто-то уполномоченный от их лица обязаны выезжать на место происшествия, если есть основания полагать насильственные причины смерти.

В реальности, разумеется, все и всегда стремятся к оптимизации.

Ближайший патрульный наряд, вызванный свидетелями, сходу внес загрызенного в единый реестр происшествий как несчастный случай, в качестве предполагаемой причины.

Два других наряда, в противоположных концах города, в точности повторили это действие — потому что заподозрить групповой сговор бродячих собак в мегаполисе, ещё и согласованный по времени укуса, никому из сержантов в голову не пришло. Естественно, доступа в вычислительный центр, сводящий воедино и обобщающий в единую базу информацию от всех экипажей, у простого патрульного никогда не было.

Нет, приехав в участок, да заняв персональный рабочий терминал, любой коп, вне зависимости от звания, подобные данные получить может. Но не в режиме же реального времени, и не на патрулируемом маршруте.

—

Начальник следствия вот уже пятнадцать минут гулял под домом последнего пострадавшего араба. Интуиция вопила, что почерк один, хотя собаки были и разные.

Как не смешно, но криминалисты уверенно утверждали: собачья слюна радикально отличается от человеческой (дальше шли невообразимые аргументы, которые пришлось выслушать из вежливости). А ДНК собак во всех трех эпизодах, вопили очкастые умники, тоже не была тождественной. Пока, конечно, это лишь данные экспресс-анализатора, но можете не сомневаться. Приедем на рабочее место — выпишем официальную бумагу.

В отличие от простых патрульных, криминалисты имели ранги выпускников университетов (тут без исключений), оттого без затей общались во внутреннем профессиональном чате, который создали исключительно для себя. Что характерно, кроме самих криминалистов, никакие другие полицейские специальности в этот чат допущены не были.

Начальник следствия рассуждал трезво. Самый простой способ сбагрить дело в безопасность или даже дальше — это получить на него соответствующую резолюцию надзорного прокурора.

Как и во всяком демократическом государстве, в Федерации офис Прокурора выполняет в основном исключительно надзорные функции. Если с такой своей позиции прокурорские решат, что три

дела никак не в компетенции копов, их автоматом можно считать закрытыми (ну, для полиции закрытыми).

Оставался, правда, ещё один утопический вариант: федералы, радеющие на своём рабочем месте за государство и мониторящие полицейские каналы в режиме реального времени, вдруг да и проявят совесть и компетентность. И заберут дело себе.

С высоты опыта, к сожалению, начальник следствия отлично понимал: на второй вариант рассчитывать приходится так же, как и на Второе Пришествие.

_____

— Ну, что тут у тебя?

Недовольный (потому что оторванный от чего-то несомненно важного) знакомый прокурор брезгливо принюхался к витающим вокруг ароматам.

Находившаяся рядом свалка хорошего настроения ему не добавила.

Полицейский мгновенно прикинул состояние страдающего похмельем собеседника и уложился с рассказом в полторы минуты:

— … вот фотографии первого эпизода, вот второго, и вот третий красавец, — быстро завершил он иллюстрациями из планшета свой короткий доклад.

Вопреки его ожиданиям, знакомый прокурор нисколько не возбудился:

— Ну-у-у, говоря форма-а-а-льно-о-о… — представитель надзорного органа нудил ещё долгих три минуты.

Пока не получил твёрдого обещания знакомого накормить его ужином прямо сейчас.

— Однозначно выносить вердикт не буду, — осторожно решился на что-то явно повеселевший прокурор. — Но твои летательные аппараты по принадлежности можем пробить очень быстро. А там уже, по результатам… Где, ты говорил, они у тебя на камерах отпечатались?..

Ровно через десять минут, в единой коммуникационной служебной системе, министерство обороны и ещё два органа сообщили полиции и прокуратуре о принятии в работу полученного срочного видеопакета.

Прокурор с видимым облегчением тут же влез на переднее сиденье машины начальника следствия:

— Поехали, куда там ты предлагал… Как раз, пока поедим, будет ответ. А на основании ответа решим, что дальше. — Честно уведомил он копа.

Полицейский предусмотрительно не стал спорить и доказывать, что лично он на совместном ужине не настаивал.

Хорошо ещё, что работа в полиции позволяет иметь

определенный незарегистрированный запас финансов, о котором не знает ни твоя супруга, ни вышестоящее начальство.

Если кормить всех желающих за свой счёт, что иногда приходится делать, то и разориться можно.

Глава 20

Когда Алекс попросил помощи в таком деликатном и нетривиальном вопросе, Анна ни секунды не размышляла.

Во-первых, недостойных колебаний не простила бы себе она сама.

Во-вторых, будучи дочерью своих родителей, она чудесно понимала: в период подобного выяснения отношений между Федерацией и Муниципалитетом, все её клановые привилегии действуют на территории самой Федерации похлеще иного дипломатического иммунитета.

Самое главное для любой столицы, любого государства в мире — это налоги из провинций, как бы последние ни назывались. До сего момента, как бы ни было, весь фокус противостояния был именно на финансовом вопросе.

А вот если председательствующий в местной Ассамблее Клан не просто оскорбить, а ещё и унизить убийством девочки-наследницы (попутно нанося невосполнимый ущерб отношениям), это автоматически выведет то самое противостояние на такой уровень, что ни о каких налогах с этой провинции речи не будет идти ещё много-много лет.

Это понимала сама Анна, это наверняка понимали и федералы.

Случись с ней что, уже не только её отец, а следом за ним вся Ассамблея не будут даже разбираться, случайность это или чей-то злой умысел. Кстати, и самих федералов на территории Муниципалитета хватает, как и их семей.

Об этом не говорили вслух, но, при разруливании подобных вопросов, члены Семей типа её всегда были вне опасности. Оставался, конечно, небольшой шанс на элементы случайности, но она в конце концов была старшекурсницей Корпуса. И столица — это не родной город. Там никакие отношения Уложением не регулируются, потому что Уложение Муниципалитета там не действует. Можно долбить искрой во всю мощь пятого ранга по всему, что зашевелится либо покажется подозрительным.

Экзотический вояж в столицу, как и дальнейшее в ней времяпровождение, оставили у неё только положительные впечатления.

Дополнительным бонусом стал тот факт, что проблемы Алекса, кажется, удалось решить. По крайней мере, все намеченные им цели были достигнуты, по его же словам. А последнюю половину дня товарищ вообще светился, как новая лампочка в тёмном подвале. У неё даже мелькнула мысль, а не решил ли он

выбросить из головы свою зазнобу, валяющуюся в коме в медсекторе Корпуса.

Израильтянин с китаянкой остались в ярком мегаполисе ещё на день, а Анна с Алексом отправились домой.

—

До их возвращения на территорию муниципалитета, их коммы, естественно, оставались в её доме.

— Ну что, останешься здесь? До утра? Или тебя добросить до Корпуса? — из вежливости спросила дома Анна, которая изнывала по горячему душу.

— Погоди момент, — чуть более нервно, чем следовало бы, ответил Алекс, вчитываясь в пропущенные вызовы на экране.

Затем он включил воспроизведение видео.

Следующие тридцать секунд официальный представитель муниципального департамента доходов (он же — налоговая администрация) с прискорбием выдал Алексу несколько однотипных повторяющихся сообщений. В них чиновник сетовал, что принадлежащий другу в соответствии с доверенностью номер… подакцизный товар был противоправным образом похищен со складов ответственного хранения таможни, относившейся к тому же департаменту.

— И что дальше? — Алекс заторможено потряс головой, пытаясь собрать мысли в кучу.

— А дальше пи##ец, — выругалась маленькая блондинка, мгновенно выбрасывая из головы мечты о души и спокойствии.

Её невежественный в юриспруденции товарищ, кажется, в силу отсутствия личного опыта и надлежащего образования, ещё не понимал: только что его развели на тройную стоимость того груза, который лежал на складах. Не имевших на сейчас чёткой ответственности ни перед Федерацией, ни перед Муниципалитетом.

Если говорить точнее, то ответственность была односторонней: собственник груза должен платить.

А вот исчезни что… К сожалению, предусмотреть такой вариант авансом маленькая юрист не догадалась.

Если учесть углубляющуюся конфронтацию между Столицей и Муниципалитетам, другу можно было только посочувствовать.

— На какую сумму там было товара? — Не позволила себе впасть в панику Анна.

Хотя Алекса было жаль, у него сейчас и так с финансами напряг. Вон, даже у её отца одалживаться хотел. Кажется, китаянка заломила какие-то запредельные деньги за стоимость лечения девушки Алекса, но тут у Анны были только догадки. Сам друг на эту тему не распространялся, а спрашивать она сочла

нетактичным.

— А там на нескольких складах товар лежит, — рассеяно обернулся в её сторону друг. — Ну, может быть полтора миллиона в совокупности. Но надо понять, из каких номеров и какие номенклатуры вынесли.

Разумеется, в такой ситуации Хаас друга не оставила.

Вздохнув, она напомнила ему предупредить доктора Карвальо о том, что они вернулись: было бы крайне неловко заявиться качать права в органы власти, когда ты в это же время находишься в реанимации.

И последнее подтверждается поступающей всем заинтересованным сторонам телеметрией.

Так и алиби недолго сорвать.

_____

Дождавшись, пока Алекс закончит говорить с капитаном Карвальо, Анна вызвала клановую охрану.

— Готовься к худшему, — хмуро предупредила она товарища. — Мы, конечно, сейчас попробуем наехать там на кое-кого с позиции доминанты, но особо не рассчитывай.

Дальше девочка в паре предложений перевела ситуацию на человеческий язык.

— Них…се, — сказал Алекс, широко открыв глаза и уронив челюсть до пола. — Ну них… себе! — Повторил он ещё дважды.

Приехав на СВХ, Анна приказала Алексу держаться рядом и чуть сзади, а сама решительно направилась в кабинет начальника.

— Вы кто? — мгновенно среагировал секретарь в приемной, пытаясь быстро встать из-за стола и загородить дорогу к двери руководителя.

Но уже в следующую секунду он, видимо, узнал либо саму Анну в лицо, либо клановые гербы на одежде сопровождавших её.

Не обращая внимания на мелкого клерка, девочка кивнула Алексу на двери и вошла в них первой.

Хозяином кабинета был лысоватый и полноватый мужчина лет сорока пяти.

— Я — Анна Хаас, законный представитель Алекса Алекса, — устало представилась маленькая блондинка и уселась на стул перед местным боссом, не спрашивая его разрешения. — Что там у нас с подакцизным товаром, принадлежащим моему доверителю?

— Госпожа Хаас, со всем уважением …! — мгновенно сориентировался чиновник. — Насколько мне известно, лично Вы не являетесь совершеннолетней и не можете… — казалось, его «вы» начиналось с большой буквы даже на слух.

— Я сейчас попрошу приехать сюда мою маму, — очень тихо ответила маленькая юрист, перебивая мужчину и не дожидаясь

*окончания фразы. — **Пока что**, — она выделила эти слова интонацией, — я лишь выясняю, ЧТО ИМЕННО произошло. И говорю с вами конструктивно только потому, что это **наш**, — снова ударение, — муниципалитет. И **нам с вами** в нём жить и дальше. Если же мне только **покажется**, что в случившемся есть доля вины сотрудников организации… — в этом месте она демонстративно обвела взглядом помещение вокруг, — Поверьте, я сумею донести мысль о вашей недобросовестности своему отцу. А уже он, даже несмотря на большую занятость в это непростое время…*

— Я понял! — тут же вскочил из-за стола колобок. — Пойдёмте все вместе на склад, там же покажу вам запись видеонаблюдения. Это точно какие-то залетные, впрочем, вы это и сами наверняка поймете… — мужчина задумчиво оглядел эмблемы Корпуса на форме Анны, в которую она успела переодеться перед поездкой сюда. — Нападение на нашу охрану было настолько стремительным, что у нас не было физической возможности…

— Дальше можно не слушать, — тяжело вздохнул рядом Алекс и моментально постарел лет на десять.

Он, похоже, решил скопировать манеру Анны не обращать внимания на других, когда те мешают общаться между собой. Оттого тоже перебил лысого толстяка.

— Сейчас поглядим на камерах, — продолжил товарищ. — Хотя я уже, кажется, догадываюсь, что мы там увидим.

———

— Знаешь, у меня в голове не укладывается. Я изо всех сил держу себя в руках, более того: у меня было неплохое настроение, до этого самого момента, — глубоко вдыхаю и выдыхаю.

Сбросить норадреналин всё равно не получается.

Алекс пока восстановил не все свои функции, какие-то там связи ещё разорваны. В общем, он предупредил не рассчитывать на его помощь в управлении эмоциями, как раньше. Ещё минимум сутки или двое. Какой-то резерв на жизненно опасные ситуации, по его словам, есть; но тратить его на мелочи он не собирается.

— Они же отвечали за склад, так? Товар исчез в момент, когда действовала их ответственность, так? КАКИМ ОБРАЗОМ ЗА ВСЁ ДОЛЖЕН ПЛАТИТЬ Я?! И ПОЧЕМУ НЕ ДЕЙСТВУЕТ ЭТА ДОЛБАНАЯ СТРАХОВКА?!

— Форс-мажор. — Угрюмо роняет маленькая блондинка, усаживаясь на высокий барный стул в моём номере и расставляя в стороны колени для удобства.

В её движениях нет ни капли двусмысленности, но

промежность и нижнее бельё на ней моментально оказываются перед моими глазами, о чём тут же сообщаю ей, указывая в ту точку коротким взглядом.

Она нервно отмахивается от меня и, не меняя положения, продолжает:

— Если в двух словах. На форс-мажоры страховка не распространяется. У нас сейчас именно оно. Нападение явно дело рук армейского подразделения, а армия у нас федеральная. Ущерб, нанесённый федералами, тоже складом не покрывается. — Она переводит дух и продолжает. — За это уцепится страховщик, и будет прав. Видны же и знаки различия на нападавших, и по рисунку действий всё понятно.

— А с федералов у нас взятки гладки, по ряду очевидных причин, — продолжаю её мысль. — Плюс, они как-то вывезли всё из агломерации. Значит, имеют какие-то полномочия шастать через границу округа.

Хаас благодарно кивает и вроде как успокаивается.

Затем спрыгивает со стула, тычет две кнопки на кофемашине и продолжает:

— Я уже спросила наших о границе. Эти сразу двинули в соседний муниципалитет, — маленькая юрист произносит название. — Пересекли границу с соседями в течение пары часов после нападения. Там их не достанем.

— Почему? — я действительно не ориентируюсь в реалиях с её скоростью. — Машины есть. Номера есть. Если надо, поднимем технику Моше и отыщем в течение…

В этом месте задумываюсь.

— Вот-вот, — устало кивает Анна. — Во-первых, сперва найди. Во-вторых, а дальше что?! К федералам обращаться не можем; напомнить, почему?

Отрицательно качаю головой.

— А даже если обратимся, ты же сам понимаешь: они не то что работать не будут, а по возможности вообще пресекут все шансы вернуть *твой* товар. — Продолжает давать расклад миниатюрная блондинка. — К муниципалам тамошним тоже лезть бесполезно: они сейчас озабочены наблюдением за нашим притягиванием каната *здесь*. А победитель пока не определился. Соседние муниципалитеты, конечно, займут чью-то сторону; но только после того, как будет понятно, чья берёт.

— Пока тигры дерутся, выигрывает обезьяна?

— Угу. Ну и поставь себя на их место! Есть, допустим, у тебя какие-то соседи. Соседи эти с чего-то затеяли воевать с твоим начальником. Ты начальника, вроде, и сам не сильно любишь; но что, если он победит? — подтверждает она. — А не они? И, в

случае нашей победы, тому муниципалитету всё равно ничего не обломится. Так зачем им влезать?

— Понимаю. Это не их война…

— Точно. Да и даже мой отец сказал, — виновато хлопает глазами девочка. — Сейчас всем в округе уж точно не до поисков твоего товара, ещё и незаконного, как ты говоришь. Подумай на два хода вперёд: ну, допустим, дал отец людей либо как-то договорился с федералами. Ты даже с помощью Моше выяснил, где оно всё сейчас хранится. Допустим, мы налетели и грубой силой там всех затоптали. А дальше что?

— Забираю товар себе? — осторожно предполагаю я, задумчиво глядя, как она стаскивает с себя всю одежду.

— Ага, щ-щас… — устало выдаёт Хаас.

Затем, ничуть не смущаясь, поворачивается ко мне спиной и сверкает голыми ягодицами, направляясь в сторону санузла:

— Я так дома в душ и не успела! — доносится оттуда через открытую дверь, вместе с шумом падающей на пол воды. — Как только мы возьмём товар… а-а-а, хорошо!!!… если это будет хоть с какой-то поддержкой закона… о-о-о!!!… следующим этапом начнётся сверка оплаченных акцизов. Как в нашем муниципалитете, так и при пересечении Федеральной таможенной границы твоим грузом. Оно тебе надо?

— Стоп. В Федерацию всё вошло контрабандой. — С запозданием доходит до меня.

И вот тут меня пронимает уже по-настоящему.

— Ну а я тебе о чём. — Как ни в чём ни бывало, изрекает голая Анна, появляясь из моего душа. — Лягу сегодня на твоём балконе, окей?.. Тебе про товар всё равно придётся забыть. Либо это будет абсолютно незаконный силовой налёт. Но тогда логичен вопрос: *а как ты собираешься его обратно через границу Муниципалитета перемещать?* Уже молчу, что можем не победить.

— А эти как его туда вывезли? — ухватываюсь за её последнюю мысль.

— А эти везли контрабандный ворованный груз не К нам, о ОТ нас. Напомнить тебе, какой из двух муниципалитетов сейчас под Меморандумом?

— Наш.

— Вот именно. Считается, что это *наша* сторона воюет. Не их. Сюда везёшь — контроль тройной: что везёшь? Откуда? Где взял? Это если отсюда везёшь — считается, типа, ты беженец. И так несчастный, так что проезжай. На документы не смотрят. — Завершает объяснять схему Хаас и, не говоря больше ни слова, исчезает в направлении балкона.

— Особенно если этих контролирующих доброхотов на границе простимулировать, скажем, пятью процентами от этого самого товара. — В полной тишине завершаю за неё недосказанную мысль.

Глава 21

На удивление полицейского, к окончанию ужина его собеседник развил достаточно бурную деятельность, не отрываясь от комма последние пятнадцать минут.

Начальник следствия и сам был не дурак просмотреть новости по работе даже в отвлеченной обстановке, но коллега смог его удивить. Буквально в течение получаса, прямо в ресторане, он не просто оформил срочные запросы. Он ещё и ухитрился получить на них ответы до окончания еды.

Следующим интересным моментом стало то, что по полученным ответам прокурором, не вставая из-за стола, были отправлены повторные запросы на уточнения. Ответы на которые пришли как раз во время кофе и скоростью обратной связи удивили полицейского.

— Ну что, погнали? — внимательно проследив за тем, как коп рассчитывается с официантом, сотрудник прокуратуры первым поднялся из-за стола. — Поехали прокатимся? Вначале в армию, потом в безопасность.

— А я тебе там зачем нужен? — искренне удивился начальник следствия. — Я думал, мы обо всём договорились…?

— Без машины я, — недовольно признался представитель юстиции. — Ну и, если именно сейчас рядом будет грамотный и опытный сотрудник типа тебя, — он смерил демонстративно уважительным взглядом знакомого, — возможно, мои выводы в ходе беседы будут точнее.

— А кто меня с тобой пустит хоть в армию, хоть в безопасность? — не прекращал удивляться полицейский. — Это я в муниципалитете считаюсь на хорошей должности. А в федеральном реестре иной сержант на выселках может больше меня.

— Не тогда, когда ты работаешь с сотрудником прокуратуры, — мягко не согласился прокурорский, уверенно занимая переднее место рядом с водителем в машине копа.

Предусмотрительно запущенный робот-навигатор через двадцать минут блужданий по предместьям вывел машину к капитальному каменному забору, украшенному метровой бляхой Министерства обороны.

Вопреки ожиданиям полицейского, внутрь их пустили сразу.

А ещё через десять минут невысокий капитан, якобы специалист по авиации, уверенно заявил:

— Это не наша техника. В том смысле, она никак не федеральная. Двойное или даже тройное назначение, смотря с

вашей или с моей позицией считать… Но это явно не наши аппараты.

— Чьи? — моментально вцепился в последнее слово прокурор.

— Потенциального союзника, насколько я могу судить, — светлые и холодные глаза военного бестрепетно глядели на городское начальство. — Это тема уровня главного штаба. Я если в ней и ориентируюсь, то исключительно в силу личного кругозора. А есть люди, которые её ведут профессионально. Пожалуйста, обратитесь по подведомственности, как полагается? На своём месте, я вам и так сказал больше, чем нужно.

_____

— Ну что, оформляем передачу? — довольно потёр руки полицейский уже в машине, снаружи забора.

— Радуйся, — вздохнул в ответ прокурор. — И правда, твой праздник. Не в службу, а в дружбу, слушай; подвези на центральную площадь?!

— Ты что ли в безопасность хочешь подъехать? — мгновенно сориентировался начальник следствия, прикидывая географию центра города. — Что за неуёмное рвение? Что за энтузиазм в ночное время?

Коп только что сбагрил целый комок потенциальных проблем, оттого настроение его было близким к великолепному.

— Ну, положим, до ночи ещё ой как далеко, — рассудительно возразил прокурорский, аккуратно пристегиваясь в тот момент, когда машина резво рванула с места. — Будешь смеяться: я действительно обеспокоен. Лучше сегодня доведу вопрос до логической точки, перепоручив, кому следует.

— А когда ты мне все открепления пришлёшь? — забеспокоился полицейский с водительского сиденья.

— А не раньше, чем с утра, — отрезал старый знакомый. — Мне, по твоей милости, ещё на полдня работы. Хотя уже вечер…

_____

Через некоторое время.

Одно из зданий центрального министерского комплекса. В помещении присутствуют четверо мужчин.

— … таким образом, об одиночке речь явно не идет. Сейчас можно затеять просеивание всего массива с городских камер, но это часов на шесть работы. — Уверенно отвечает на вопрос старшего один из присутствующих, плотно сбитый коренастый блондин среднего роста. — Чёткой картинки нет, примет нет, свидетелей либо описания тоже нет. Я вообще думаю, что они, грешным делом, откуда-то знают сетку камер, даже скрытых… Это никак не на пятнадцать минут работы.

— А если подключим ***наши*** *вычислительные мощности? —*

задумчиво предлагает самый старший мужчина.

— Без разницы. Наши мощности будут лишь управлять полицейским вычислительным центром. Может быть, что-то и ускорим; но не радикально.

— Давайте зайдем с другой стороны? — подаёт голос ещё один из присутствующих. — Почему не отправить прямой запрос в армию? Это же их подведомственность?

— Потому, в основном, что начальство именно на армию и думает, — угрюмо роняет его сосед по столу. — А у нас задача стоит не изобразить кипучую деятельность, а реально разобраться. Желательно — с задержанием фигурантов.

— Логика говорит, что если использована такая аппаратная база, то они, как минимум, не хотели, чтобы их поймали. Либо вообще могли опознать, — вступает в беседу последний участник импровизированного совещания. — Также, косвенно, всё говорит о том, что это разовый выстрел. И больше он не повторится. Масштабные действия ведутся совсем по-другому…

— Ты мне лекции не читай! — устало перебивает говорящего самый старший. — Я же не призываю открывать войну с кем-то из смежников! Давайте для начала просто поймём, что это было?! Если для себя поиметь из ситуации ничего не сможем, во всех смыслах, — он многозначительно обводит взглядом присутствующих, — то отложим в третий ящик. Для памяти, на будущее, мало ли… А вдруг окажется, что там на два дня работы всего — и мы его выведем?! Вояки тоже лопухнуться могут, вдруг что и скажут в ответ на запрос по дурости? А вдруг там финансовых фондов не на один миллион?! Под такую-то технику, на какой-нибудь не сильно известный проект?!.

_____

В отличие от Единички с его белобрысой подругой, они с Моше путешествовали вполне нормальным транспортом. Коммуникатор, по настоянию Моше, Чоу не включала до самого возвращения в Муниципалитет.

Сразу после приземления, она была крайне удивлена количеством пропущенных вызовов от Единички. Слегка обеспокоившись на тему того, что бы это могло быть, она тут же перезвонила ему обратно.

— Когда сможем увидеться?! — врезал с места в карьер Алекс.

— Что-то очень срочное? Важное? — не отказала себе в удовольствии потянуть резину китаянка.

— Да, — только и ответил он.

— Жди, — вздохнула она. — Сейчас едем к вам.

В медицинском секторе, где они договорились встретиться под присмотром Камилы (заодно — посмотреть на Жойс), Единичка

чуть не насильно схватил её за руку и потащил в самую дальнюю комнату, не имевшую окон и являвшуюся глухим помещением.

— У нас есть возможности в соседнем муниципалитете?.. Мы можем установить местонахождение груза, если он был изъят с наших таможенных складов?.. У тебя есть идеи, каким образом вообще можно вернуть потерянное?.. — он держал Чоу за руку и бомбардировал её вопросами, не дожидаясь ответов.

Понятно, что все ответы он считывал напрямую.

— Да уймись ты! — отпрянула она от него через четверть минуты, с усилием высвобождая свою ладонь. — Что вообще случилось?!

* * *

Там же, через 5 минут.

— Я подожду с оплатой, — медленно и уверенно проговорила ЮньВэнь, обдумывая услышанное. — Про соседний муниципалитет забудь. Точнее, на меня не рассчитывай и меня не приплетай даже мысленно, — тут же поправилась она. — Я всегда и сразу говорю, что могу. И точно так же предупреждаю, чего не смогу ни при каких условиях. В данном случае, ты вообще не по адресу. Лично мне приходит в голову, что твои друзья из Квадрата в этом вопросе помогут тебе намного скорее, чем наша Компания.

— Я уже обращался туда, — хмуро ответил Единичка. — Это не их уровень. Да и связываться с соседями из-за… — он не стал оканчивать фразу, которая китаянке и так была понятной. — Я тебя прошу об одном: только не отменяй доставку и изготовление сыворотки? Я что-нибудь придумаю с деньгами.

— Хорошо, не буду, — покладисто согласилась хань. Затем не сдержалась. — На будущее: клянчить и пресмыкаться — самая тупая позиция на деловых переговорах. «Падающего — толкни», вами же сказано? В следующий раз, подобные просьбы лучше излагай с позиций сдержанной силы и достоинства, — его скакнувшее вверх давление и угрюмое сопение сквозь плотно сжатые губы были лучшим бальзамом на её исстрадавшейся по реваншу душе. — Заказа не отменяем, всё по плану. С деньгами подожду, — повторила хань уже более миролюбиво.

Она, кстати, не стала озвучивать сейчас вслух очевидного ей. Те планы и возможности, которые открывались в связи с потенциальными возможностями пацана в одном очень интересном регионе, не шли ни в какое сравнение с пятнадцатью минутами хлопот, которые лично она посвятила решению его вопроса.

Единичка, как и все местные, не до конца представлял специфику кланов внутри Поднебесной. Это внутри страны можно грызться друг с другом, спорить, и даже воевать.

Если же речь заходит о внешней экспансии, или хотя бы о её отдалённой возможности, клубок конкурирующих организаций мгновенно превращается в согласованный монолит: недоброжелатели и враги в мгновение ока становятся соратниками и друзьями, если делить нужно не распределённый внутренний рынок, а потенциально безграничный внешний.

_____

Главный инженер одного из производственных комплексов Муниципалитета был удивлён, когда его аудиенции попросил абсолютно незнакомый парень, одетый в форму местного федерального Корпуса.

Выслушав предложение, инженер ненадолго задумался.

По роду работы, с различного рода рационализаторами он и так сталкивался почти что каждый день. К сожалению, далеко не все их предложения были столь же конструктивны, как и амбициозны. В переводе на обычный язык, девять из десяти подобных инициатив являлись бессмыслицей и пустой тратой времени. В лучшем случае.

Видимо, пацан что-то такое прочёл во взгляде инженера. Поскольку в завершении своего предложения добавил:

— Я уверен в результате, потому давайте сделаем эксперимент за мой счёт?

— Подробнее, пожалуйста, — пацану удалось зацепить инженера.

Как правило, никто из «гениев» никогда не начинает разговор с оплаты расходов. В принципе, одно это — повод послушать дальше и отнестись серьёзнее, чем обычно.

— Во сколько вы оцените тестовую переналадку линии? — продолжил парень, закрепляя тактический успех в беседе.

— От восемнадцати до двадцати пяти тысяч, если грубо. Зависит от времени суток. Если нужно, могу быстро объяснить, почему столько и откуда берутся цифры, — снизошел до деталей главный инженер, который говорил сейчас чистую правду.

— Спасибо, не нужно, — отмахнулся посетитель, ровно на долю секунды дольше обычного задержав взгляд на переносице собеседника. Кажется. — Я бы предложил не тратить времени, если наши интересы совпадают. Давайте набросаем примерный план? И я переведу деньги прямо сейчас?

— Мне нравится ваш подход, — не счёл нужным скрывать очевидное менеджер. — Разумеется, вы скомпенсируете все превышающие себестоимость расходы, но вы правы. Давайте

составим прозрачный для нас обоих план действий? И раскидаем смету по пунктам? Например, за использование рабочей силы я с вас ни сантима не возьму: специалисты по наладке работают на окладе. — Подумав, инженер добавил. — Вне зависимости от вашего эксперимента, я им так и так буду платить…

Как ни парадоксально, предлагаемая малолеткой схема оптимизации вакуумизатора томатной пасты действительно выглядела логично.

Если совсем честно, на этот режим можно было бы выйти и самостоятельно: месяца полтора практических экспериментов, да на разных режимах — и технологическую карту можно изменить, с последующим увеличением выхода процента на три.

Неизвестно, где парень достал результаты уже кем-то сделанных опытов по подгонке режимов, но говорил он уверенно и явно понимал, о чём говорит. На потенциально каверзные вопросы, имел вполне рабочие ответы. Этому нельзя научить; такому можно только научиться.

Видимо, его послал кто-то из обиженных сотрудников на заводах-конкурентах в других провинциях: подобную технологическую карту можно отработать только на сравнимом производстве.

А второго такого завода, как этот, в округе не было. Собственное производство в качестве источника данных тоже исключалось: обо всех отработках подобных тем технологами у себя, главный инженер знал заранее. Потому что был инициатором этих самых заданий.

Глава 22

Откровенно говоря, на пищевое производство я поперся исключительно от безнадёги. Чтобы не сидеть на месте, ничего не делая и не зная, чем заняться.

За всеми последними перипетиями, абсолютно незаметно прошло вручение мне сертификата о минимальном необходимом образовании. Так-то, это большая веха в жизни, я понимаю. Мать бы точно радовалась.

К сожалению, обстоятельства оставили мало места для праздничного настроения.

По главному инженеру предприятия было видно: он однозначно проверит, есть ли финансовый смысл в моих словах. Гораздо сложнее будет заставить его раскошелиться потом.

Хаас, кстати, вообще в лоб сказала: для быстрой добычи денег данная схема не годится категорически. Ну-у-у, если только речь не идет о каких-то левых наличных потоках — кажется, она имела ввиду оптимизацию производственного процесса какого-то там синтеза (Алекс по внутренней связи поржал и прокомментировал, что речь о наркоте).

По инерции узнав у меня из вежливости название завода, куда я навострил свои лыжи, она быстро исключила и эту возможность:

— Технологию с ними отработать можно, спору нет. Денег получишь максимум в объёме одной зарплаты, причём не главного инженера. — Безапелляционно подвела итог маленькая блондинка. — Я просто знаю, кто там хозяин. По деньгам будет решать он, не менеджеры. В общем, забудь.

Затем она немного помялась и добавила:

— Я поговорила с отцом о тебе. И об этом моменте.

— Вообще-то, момент не до конца законный и был между нами. — Нейтрально заметил я.

— Не сдержалась, — шмыгнула носом она. — Так тебя было жалко! Ты тут, как рыба об лёд, а они…

— М-да, психологию кое-кто точно профессионально не изучал, — вздохнул я демонстративно. — Самая яркая иллюстрация как не надо…

— Ты о том, что я тебя сейчас технично обесцениваю на будущее? Жалостью? — моментально ухватила мысль Хаас, радикально меняя собственное настроение и начиная фонить любопытством. — Ты не прав, изучала… это я просто расслабилась, пардон…

Затем она подошла и, в стиле Карвальо, повисла на моих

плечах, уткнувшись мне носом куда-то в район ключицы.

На заднем плане мелькнула предательская мысль, что в отсутствие Жойс кое-какие деликатные мысли технического характера уже, кажется, не просто мысли. А вполне себе потенциальная проблема. К счастью, маленькой звезде юриспруденции и моему единственному другу в среде учащихся Корпуса по личному рельефу геометрии и до Камилы, и до Жойс ой как далеко.

— Алекс, отец говорит, чтоб ты забыл про этот ваш товар. — Удерживая не такие уж слабые (привет искре) ладони на моих боках, наша голубоглазая мечта педофила проникновенно смотрит мне в глаза снизу-вверх. — Это чистой воды уголовщина, Алекс, пусть и не против конкретной личности. Налоговые нарушения, это я тебе как юрист говорю, имеют массу прецедентов гораздо более жёсткого отношения в процессе судебных разбирательств. Зависит от периода. Сейчас в Муниципалитете период такой, что убийства могут и не заметить либо спустить на тормозах. А вот налоги и левый оборот подакцизного товара… ещё и с последующим реэкспортом…

В общем, с учётом позиции Хаас по самому животрепещущему для меня вопросу, сидеть без дела было невыносимо. Сходив в церковь уже без Жойс, развязавшись там на три свечи и два часа времени, вышел с кое-какими идеями, переходящими в намерения. Терять-то всё равно нечего.

———

Фельзенштейн на мои вопросы вначале задраил ангар изнутри, затем принялся что-то прикидывать с задумчивым лицом, в стиле Бака.

В отличие от подполковника, правда, израильтянин в процессе размышлений никогда не тратит бумаги, исчёркивая её нечитаемыми иероглифами. Вместо этого Моше быстро развернул виртуальное приложение к комму (заменитель того самого листа бумаги), затем принялся набрасывать какой-то иерархический список на своём языке.

Мне ещё тогда подумалось: вот кому у нас даже шифровать ничего от чужих не надо. Пока этот онлайн переводчик, о котором мне прожужжал все уши Алекс, вопрос будущего, тот же Моше со своими каракулями может спать спокойно: надо знать язык, чтоб хотя бы предположить, о чём он пишет.

Через некоторое время он поднял глаза на меня:

— Технически, можем попробовать. Смета будет к вечеру. Если честно, я для своих нужд прикидывал: у вас есть элементная база и собрать можно в течение трёх-пяти дней. Только нужны выходы на … — он недоговорил, вопросительно глядя на меня.

— Обращусь к старым друзьям Жойс, — кивнул я в ответ. — Она бы, конечно, решила это вообще в одно касание. Но думаю, и я смогу договориться. У меня случайно остались концы.

— Да-а, Жойс молодец, — невпопад вздохнул он. — Вон и горючки сколько натаскала…

_____

— Держи! — Хаас, ураганом ворвавшись в медицинский сектор, зачем-то протянула мне свой комм.

— Не понял? — задумчиво поднял глаза я, на всякий случай отодвигаясь вместе со стулом назад.

— Квартира теперь снова твоя! Судебный кейс закрыт полностью! Дата вступления в силу решения суда — сегодня, — весело выпалила Анна на одном дыхании.

— Спасибо, — я тут же озадачился сменой статуса и подъехал к ней на стуле обратно. — А комм мне твой зачем?

— Ты палец свой приложи, — блондинка красноречиво наклоняет голову к плечу, всем видом демонстрируя, что я плохо соображаю. Затем добавляет. — И мы у тебя эту квартиру сразу выкупили. Ты же говорил, что жить в ней не будешь? А деньги тебе наоборот срочно нужны?

Это действительно так. Тут же прикладываю палец к нужному месту экрана, а она скороговоркой сообщает вдогонку:

— Цена на уровне рыночной, можешь проверить. Текущую сводку по рыночным ценам в своём районе можешь скачать сам. Деньги зайдут на твой счёт в течение четверти часа.

Расцеловав Хаос в нос и в уши, поболтав ещё с ней о том о сём, через пятнадцать минут я действительно принимаю деньги и тут же, с места, отправляю всю полученную сумму Чоу.

Хотя это примерно лишь половина требующегося аванса, но Алекс во внутреннем пространстве занудно учит: любая динамика погашения такой задолженности ровно на сто процентов лучше, чем никаких изменений.

Где-то с ним согласен.

_____

Пытаюсь сосредоточиться, обдумывая один деликатный вопрос, когда приходит принудительный вызов от куратора, уже начинающий становится привычным:

— Алекс, немедленно зайдите ко мне. — В течение секунды обозрев окружающую меня обстановку медицинского сектора, Бак коротко кивает и отключается.

_____

— Смотрите сюда. — Подполковник активирует голограмму и над его рабочим столом возникает гротескное, смазанное, хотя и узнаваемое местами, моё лицо.

Во внутреннем пространстве тут же отзывается Алекс и говорит, что картинка составлена каким-то там моделированием на основании симуляции. Дескать, можно не опасаться: это инструмент явно каких-то оперативных работников, но никак не доказательство в суде.

— Что это? — уточняю под влиянием соседа.

— А это приложение к таким вот очаровательным летательным аппаратам, — отзывчиво кивает куратор и воспроизводит уже вполне документальную запись.

На записи какие-то уличные камеры в Столице, с не самым лучшим разрешением, выхватывают фрагменты работы дронов Моше.

— Ничего себе. Только диву даваться их расторопности, — озадачившись, признаю очевидное. — И как они только сообразили с такой скоростью… Вернее даже, вообще озаботились. Я до сего момента, — указываю взглядом на голограмму, — свято считал, что полиция беспокоится о собственном кармане в первую очередь. О законе — постольку-поскольку. Тут дело явно тухлое, с чего они копать начали… ещё и так быстро.

— А вы не думайте, что Столичный департамент полиции работает точно также, как и местный, — жёстко цедит Бак, вставая из-за стола и начиная прогуливаться от двери к окну.

Он всегда так делает, когда злится или нервничает.

— Но на самом деле, это была даже не полиция. — Выдаёт он почти через минуту. — Это чуть другая организация, которая сейчас в Министерстве обороны пытается технично навести справки. Сказать, на какую тему?

— Премного обяжете, — ворчу, опуская взгляд.

— Вопросы они задают исключительно о неких животных, которые умеют действовать наредкость согласованно по времени и сути замысла, ещё и в разных концах географии. Ничего не хотите мне рассказать?

— Вы же сами говорили, что не желаете к этому плану иметь никакого касательства?! — в этом месте искренне удивляюсь.

Я его действительно тогда понял так, что не пойман — не вор. Стоун это потом вообще прямо подтвердил.

— Обстановка изменилась, — нехотя признаётся куратор. — Пока что эта организация, не желая идти с нами в прямые контры, в наших столичных подразделениях наводит лишь неофициальные справки. Отгадаете, чем ещё интересуются?

— Откуда мне знать? — Искренне удивляюсь во второй раз. — Я в розыске ни ухом, ни рылом. Курса такого в индивидуальной программе не ставили. Чем оперативный

работник отличается от любого другого точно такого же, понятия не имею.

— Если вкратце, то что это за интересная и явно зарубежная летучая техника. И какое отношение оно всё имеет к армии. Ещё пытаются шерстить реестр кинологов, собаководов и даже просто любителей, хоть как-то связанных с Министерством обороны. Но это только пока.

— Почему? — подаю голос со своего места.

— Как только они не найдут собак в Министерстве, наверняка примутся расширять круг поиска. — Уверенно обещает куратор.

— По собакам всё чисто. С этой стороны даже пусть не надеются, — здесь я действительно более чем уверен.

— Если по собакам вы гарантированно прикрыты, — Бак испытывающе глядит на меня, — то по летающим аппаратам вашему заграничному другу, конечно, тоже вряд ли есть чего опасаться. Вопрос лишь, насколько его смогут связать с вами…

Он поворачивается ко мне боком и какое-то время ходит уже поперёк помещения, а не вдоль.

— Алекс, объясните мне ради бога. А какую дурь вы имели в виду, когда запустили одну и ту же схему, синхронно, в трёх разных точках? Ещё и настолько характерную?! — выдаёт он следующую порцию накипевшего либо того, что считает таковым. — Извиняюсь, вас что, в магазине скобяных изделий на порог не пускают?! Ножом ткнуть не могли? — переводит он, видя, что я не понимаю. — Или камень на голову сбросить с этого самого вашего дрона? Вы этим что, хотели кому-то что-то сказать? — в его голосе явно слышна насмешка.

— Честно говоря, да. Моё послание между строк было: если не успокоятся, я их найду везде, и достану тоже везде. Причём таким образом, что моего участия никогда не докажут. Даже если меня установят. Кстати, господин подполковник… на всякий случай. Я ведь всё это время в реанимационной капсуле лежал. Капитан Карвальо говорит, что оспорить логи капсулы законным образом можно было только в тот момент, когда поймали бы на горячем. То есть, пустую капсулу. Тьфу три раза. Этого не случилось: я уже тут и *сейчас* тот поезд ушёл. Доказать моё присутствие где либо, кроме медицинской капсулы, технически нереально.

— Своё попадание в объективы уличных камер, либо камер торговых центров, либо видео фиксаторов полицейских патрулей на улицах, случайных свидетелей — это всё вы исключаете? — серьёзно спрашивает подполковник.

— На сто процентов, — уверенно киваю в ответ. — И господин подполковник, не сочтите за неуважение; там просто не

только моя информация… Указанные вами моменты были проработаны ещё *до того*, как мы оказались в Столице. Я не продолжаю сейчас только потому, что собираюсь буквально и дословно исполнить ваше собственное распоряжение: никаких лишних деталей кафедра не знает.

Вообще-то, в этом есть логика. Не знаешь — значит, не переживаешь и не можешь никому рассказать.

— Я ещё наведу справки, чего вам ждать. Нам ждать, — тут же поправляется он. — Я не специалист именно по этому типу задач, но я бы на вашем месте не переоценивал потенциала собственной сообразительности. С той стороны сидят далеко не идиоты. Ход с собаками и дронами, признаю, изящный. Но я бы на вашем месте потратил толику времени, чтобы спланировать контрмеры на случай, если органы дознания всё же не сделают тех ошибок, к которым вы их подталкиваете.

— А что, чисто теоретически, может служить такой защитой? — Против воли, заинтересовываюсь его словами.

— Только более высокий личный статус. — Уверенно отвечает Бак. — Такой статус, чтобы никому в армии и в голову не пришло поддерживать разговор о таком специалисте с посторонними. Например, финалиста Турнира, к которому вы, как я погляжу, совсем перестали готовиться.

Глава 23

— Привет, это я звонил тебе, — за стол Эвандро подсел невысокий белый пацан, ростом от силы метр семьдесят. — Я серьёзно поговорить пришёл; ты уверен, что место здесь подходящее? — белый типа как нагнетал напряжёнку и настойчиво сверлил взглядом мастер-сержанта, постукивая ногтями по крышке стола.

— А ты не называй вещи своими именами, — снисходительно предложил Ло. — Если у тебя в руках действительно комм Жойс, то тебе ничего не стоит найти там несколько таблиц; посмотреть, как что называется по-простому; и заменять все свои острые слова синонимами, — Эвандро не собирался менять заведение ради мутного разговора, который ещё непонятно чем окончится.

Да и на ком Кайшеты в руках белого посмотреть было нелишним: одно это автоматически отвечало бы на ряд узких вопросов, которые уже успели возникнуть.

— Кстати, я Алекс, — запоздало кивнул белый и полез в карман за девайсом.

Эвандро знал, что предыдущий свой комм Жойс расколотила, но тут же купила себе такой же.

Когда в руках у белого появился ВАРВАР знакомой сержанта, мастер-сержант Эвандро Ло чуть успокоился.

Белый тут же воткнул собственный большой палец в сканер распознаватель на комме, активируя аппарат. На экране заставкой заиграла фотография Кайшеты, которая была не совсем одетой и сидела на коленях у этого самого пацана.

— Ты говоришь на нашем языке? — перешёл пацан на Portuguese.

— Ух ты, — вежливо кивнул мастер-сержант в ответ, слегка поднимая правую бровь и изображая заинтересованность. — Откуда родом?

— Порто Муртиньо, граница с Парагваем, одноименная река, — пробормотал пацан, углубляясь в ВАРВАР Жойс и отвечая на том суржике, который в ходу исключительно в той местности.

— Да уж, такое не подделаешь, — пробормотал сам себе Эвандро, имея в виду ярко индивидуальный говор собеседника (в иных местах определяемый как деревенский). — Так что ты хотел?

— Погоди, разбираюсь, где у неё эти твои таблицы, — отмахнулся назвавшийся Алексом.

— Да окстись ты! — фыркнул темнокожий военный, разворачивая комм на столе, чтобы видеть его экран. — Иди вон в

ту директорию, где фотографии с подписями. Подписи не читай. Только указывай пальцем на те фотографии, которые тебе интересны.

Там же, через 5 минут.

…— в принципе, не самый сложный инструмент, достать можно. — Заключил Ло, выяснив у парня тактическую задачу и сверив её на всякий случай с возможностями выбранного инструмента. — Но тут такое дело. Поскольку у нас не магазин и возврата товаров не предусмотрено, платёж сделаешь прямо сейчас.

На самом деле, такая постановка вопроса и последняя фраза тоже были элементами проверки. Если пацан действительно состоял в тех отношениях с Кайшетой, о которых ходили слухи (и свидетельством которых косвенно являлся комм с её фотографиями в его руках), он должен был быть в курсе и того, что такие предосторожности при подобной сделке — вполне нормальная практика.

— Конечно, — коротко кивнул белый и извлек из кармана второй комм, уже казённой модели, бывший стандартной дешёвкой. — Деньги на этом счёте, — не смущаясь, пояснил он сержанту. — Покупку делаю за свои, сам приписан в Корпусе. Не удивляйся.

— Да мне-то чего удивляться? — а далее Эвандро с удовлетворением проследил, как пацан отправляет оговоренную сумму по указанным реквизитам.

— Когда ждать товар? — пацан поднял глаза на темнокожего.

— Прямо сейчас можем поехать и забрать, — нейтрально улыбнулся сержант. — Доставки нет, извини. Подхватишь в том месте, где лежит; и к себе потащишь сам.

— Слушай, ну как я эту бандуру через весь муниципалитет упру? — искренне удивился белый. — На своём горбу, что ли?

— Вообще не моя забота! — резонно ответил Эвандро. — Я абсолютно случайно знаю, где такая подделка под дойчей лежит неучтенной. «Промежуточная» пуля, мощный патрон, приспособлена к креплению в любой плоскости. Ты заценил, как я тебя технично не спрашиваю, на чём ты с ней летать собрался?

— Ничего себе, ты и об этом догадался? — искреннее и неподдельно изумился белый.

— Поживешь с моё, да в тех местах… — захохотал Ло. — В общем, ты понял.

Судя по целому ряду сложно передаваемых словами моментов, пацан действительно был тем, за кого себя выдавал.

— Слушай, а если другой вариант? Не подумай, что я тебя

гружу своими проблемами, но тебе же всё равно, каким образом эту штуку у вас заберут?

— Нет, мне не совсем всё равно. Если совсем точно, то совсем не всё равно, — ровно ответил Эвандро. — Начнем с того, что передача твоего товара тебе же должна быть для меня максимально безопасной. Ты в качестве адресата меня устраиваешь, — Эвандро оставил за кадром ту часть фразы, в которой хотел намекнуть, что с одним белым коротышкой он и голыми руками всегда управится. Случись вдруг что.

— Я не совсем об этом, — поморщился пацан. — А что, если по вашему адресу эта самая летучая штука прилетит? И на неё надо будет подвесить…?

— Двести монет сверху, — прикинул расклад на ходу Ло. — Не мне, — тут же пояснил он белому, — просто нужно будет ещё два человека плюс кое-какое оборудование. Я так понимаю, ты же его не скотчем примотать хочешь? А уже штатно закрепить и зафиксировать?

— А что, у вас и такое возможно? — глаза пацана загорелись.

— За дополнительные двести монет возможно, — снова улыбнулся темнокожий. — Ты на колёсах или пешком?

— Ты шутишь? Какие колёса?! В мои годы — только бегом…

— Это как раз хорошо, — сейчас сержант окончательно убедился в том, что всё происходящее — чистая монета.

Будь это что-то иное, пацан в жизни не пришёл бы пешком. А так, мозаика окончательно схлопнулась правильно и всё встало на свои места.

Что с Жойс случились какие-то неприятности, в ветеранской среде уже знали — такие новости разносятся быстро.

Что она встречается с каким-то белым недомерком, приписанным к местному Корпусу, знали тоже.

Сейчас, когда этот самый белый, вооруженный коммом Жойс, сделал заявку на один достаточно нетривиальный ствол, и это было объяснимо и предсказуемо.

Когда он оговорил возможность подвески инструмента на что-то, явно бывшее летательным аппаратом, картинка в голове Эвандро Ло приобрела четкую и окончательную конфигурацию.

А когда пацан оказался пешеходом, сомнений не осталось вообще. Кажется, за бравую сержанта скоро кому-то сделают очень больно; но это Эвандро уже не касалось.

_____

Разговор двух неустановленных абонентов.

— Гутя, привет. Нужна помощь.

— Чем могу?

— Ожидаю ситуацию, когда нужно будет срочно принять

деньги, большую сумму. На себя, по ряду причин, не могу: из-за границы муниципалитета идёт, раз; статья платежа стрёмная, два.

— Спринтер, извини; в темную не подпишусь: ты же потом от меня их наличными захочешь?

— Необязательно. Можно перевести на счёт один китайский, на который укажу.

— Меняет дело. Если перевод в Китай, а не тебе тут — приму без разговоров, и перешлю тут же. Один и две процента заложи только на комиссию? И имей в виду: к тем, кто будет отправлять бабло сюда, рано или поздно явятся фискалы. Там постановка на эндээс только нарисована, в реале же… Ну, ты понял.

— Да мне без разницы, придут к ним, или нет. Я бы их вообще исполнил, если бы мог…

— А что так? — более пожилой собеседник впервые за весь разговор демонстрирует повышенную заинтересованность. — У тебя же возможностей и на воле — не в пример другим? За чем дело стало? Ты не подумай, что я не в свои дела лезу, — тут же оговаривается он. — Просто если помощь нужна — скажи? Вдруг чем-то пособим, ко взаимному интересу?

— Здесь не сможете. Это такие же, как я, в смысле одежды. Только на двадцать лет старше.

— А-а-а, понял… — мгновенно схватывает суть пожилой. — Спасибо, что предупредил. Больше не буду лезть… Кстати! Я так понимаю, ты им что-то типа разового укола хочешь сделать? Простимулировать скорость мыслительного процесса, так сказать? — пожилой дробно смеётся.

— Ты умный, — улыбается более молодой собеседник. — Да, планирую создать им условия, что соображать времени не будет. Или будет только по-моему — или вообще никак.

— Ну так давай для получения платежа такую однодневку им подставим, что их отправитель автоматом под камеральный контроль попадает? — пожилой явно оживляется, трёт руки.

И начинает на ходу конструировать схему, по которой более молодой задаёт вопросы.

***Там же, через полчаса**.*

*— … если бы были нормальные люди, я бы под тебя специально чистую однодневку выделил, — эмоционально развивает мысль более пожилой, явно углубляясь в подробности. — Если же ты их окунуть хочешь поглубже, то давай им сразу **уже работавшую** однодневку ставить?*

— Не возражаю. Но пока перевариваю услышанное.

— А ты за подробностями, как оно работает, свою маленькую блондинку спроси? Не хочу здесь подробно, а она тебе наедине на

два счёта шикарно объяснит.

_____

— … с каких это пор ты таким заниматься решил?! — и без того немаленькие глаза Хаас, кажется, сейчас вылезут из орбит.

Сама блондинка сидит на большом стуле, в банном халате Жойс, и невзначай демонстрирует мне то место, где у неё соединяются ноги.

Интересно, это она случайно так делает, и это я озабоченный?

Или прав Алекс — и женщины ничего не делают просто так?

— Да не занимаюсь я этим, и в будущем не собираюсь, — досадливо отмахиваюсь. — Разовая задача. Могу рассказать в подробностях.

— Рассказывай. — Уверенно говорит она и, наконец, спрыгивает со стула.

После чего притаскивает с балкона импровизированное кресло и устраивается в нём, около стены.

…

— … в общем, чистая однодневка — это фирма, по которой вопросы фискалов возникнут в будущем. — Завершает пояснение она. — А «сработавшая», как говорит твой товарищ — это эвфемизм. Это значит, что вопросы фискалов по ней уже возникли, просто работать ей осталось считанные дни, ровно до решения суда.

— М-м-м… техничная подстава получается, — перевожу понятными себе категориями то, на что намекал Гутя. — Примерно как меня на налоги и акцизы тут выставили — а товар уже давно в другом муниципалитете. И деньги с его продажи будут получать совсем другие.

— Угу, — кивает Анна. — Ты, кстати, не парься. Если это тот твой товарищ, с кем мы из салона связи разговаривали… — она выжидающе смотрит на меня.

Коротко киваю, подтверждая правильность догадки.

— … то можешь не беспокоиться, — продолжает начатую мысль маленькая блондинка. — У *этих* людей такие моменты отработаны, дай бог всем так, — она смеётся каким-то своим мыслям, многозначительно кивая три раза подряд. — Соответственно, те, кто стоит за той конторой, деньги выгнать с неё успеют. А вот к тем, кто на неё деньги *загонял*, — делает ударение на последнем слове она, — вопросы скорее всего будут задаваться и за себя, и за того парня.

Хаас какое-то время изображает игру на фортепиано правой рукой, по тыльной стороне ладони своей левой.

— Прямо беспредел какой-то, — кажется, моё настроение

начинает резко улучшаться.

— Да бог с тобой! Это и не хорошо, и не плохо; это — то, как работает финансовая система. Если разжевывать таким, как ты, то правило очень простое. Вступая в любую сделку, ты должен всегда сам оценивать свои риски. Если ты облажался, последствия кривой сделки — только твои, — равнодушно пожимает плечами будущая звезда юриспруденции. — Это всегда и везде так. И если, например, контрагент возьмёт у тебя аванс — но не поставит тебе оговоренного товара — это будут только твои проблемы. Согласен?

— Да. За руку никто не дёргал, решение платить по левому каналу принимал сам.

— Вот обозначенные налоговые проблемы — то же самое. Если однодневка-получатель денег не ответит по своим налоговым обязательствам, которые возникают вследствие работы с тобой…

— Ой, спасибо, но очень сложно. — Посылаю ей по воздуху воздушный поцелуй. — В общих чертах, уловил. Спокойной ночи?

— Угу, — она забирает своё «кресло» и, на ходу переделывая его в подстилку, направляется на балкон.

Почему-то последнее время она живёт у меня. Вроде, и комнату ей уж новую выделили; но не будешь же спрашивать: «Чего ты к себе не идёшь?»

Или: «А почему ты к родителям домой не едешь?»

Глава 24

Человек в армейской форме без знаков различия задумчиво гулял по здоровенному ангару, изучая маркировку на больших тюках, сложенных внутри.

Двери и вентиляционные отверстия модульной армейской конструкции были распахнуты: времянка, в которую сложили груз, предназначалась лишь для защиты от дождя и снега.

Товар здесь разместили совсем ненадолго, оттого заморачиваться принудительной вентиляцией было дорого и нецелесообразно. Конструкцией же модуля она просто не предусматривалась

— Слушай, здесь совсем дышать нечем, — недовольно заметил тихо подошедший сзади брюнет, внешним видом напоминающий выходца с юга.

— Ну а ты чего хотел? — спокойно ответил первый, среднего роста коротко стриженные блондин. — Тут несколько фур товара, и товар премиальный. Это если бы запаха не было, то тогда и надо было бы волноваться: а то ли мы взяли? Если пахнет — значит, по качеству вопросов не будет! — улыбнулся блондин, похлопав более высокого товарища по плечу.

В этот момент сразу через технологические отверстия сразу с трёх сторон в ангаре появились необычные летательные аппараты, общим числом шесть. Почти не издавая звуков, они расположились прямо над беседовавшими.

— Ну нихера себе, — брюнет моментально осип и снизил громкость.

Один из дронов, самый большой по размеру, имел на подвеске сразу два устройства весьма определённого назначения. В случае их активации, присутствующие однозначно не имели бы никаких вариантов укрыться либо скрыться.

Будучи людьми, осведомлёнными о специфике данного оборудования профессионально, оба офицера застыли на месте.

— Кажется, я вижу у вас активный видеоканал, — гораздо более спокойным тоном, чем товарищ, обратился к нужному дрону блондин. — Если бы вы хотели действовать, этой паузы бы сейчас не было. Что вы хотите? Вы отдаёте себе отчёт, что ваша техника находится сейчас на территории Министерства обороны и…

Брюнет слегка поморщился. Его товарищ, несмотря на все личные плюсы, специалистом по подобным переговорам не был никогда. Пытаясь рефлекторно и подсознательно занять в намечающемся диалоге верхнюю позицию, он наоборот безошибочно

втискивался на слабое место.

Вместе с тем, коммуникационный дрон был определён правильно. Устройство на нём действительно предназначалось для связи.

Подлетев к присутствующим поближе, аппарат запустил двустороннее связное устройство. В следующий момент в воздухе появилась голограмма размытого силуэта с предусмотрительно затёртым лицом.

— До чего приятно видеть здравый смысл там, где его отсутствие осложнит жизнь обеим сторонам, — техника забулькала тембром робота. — Вы догадались, чем обязаны этому визиту?

Брюнет уже справился с собой и сейчас предусмотрительно придержал за руку своего более старшего и активного товарища. Он сделал шаг вперёд, подходя ближе, затем ответил:

— Можем предполагать. Но будет лучше, если вы всё же озвучите.

…..

Там же. Через некоторое время.

— … таким образом, вы взяли не свой товар. Человек, который за него отвечает, по вашей вине попадает на очень большие деньги: акцизы, таможенная пошлина, налоги при импорте плюс по мелочи, типа оплаты хранения.

— А мы похожи на тех, кто не понимает, что делает? — слегка улыбнулся брюнет, демонстрировавший сейчас чуть больше хладнокровия, чем его товарищ, которого сейчас начинало бит подобие озноба.

— Отвечу, что думаю, — бульканье в течение следующих трёх секунд должно было изображать смех. — Тогда встречный вопрос. А наша сторона похожа на них же? На тех, кто не понимает, что делает?

— Давайте договариваться, предложил блондин, делая шаг вбок и увеличивая расстояние между собой и брюнетом.

Висящие в воздухе аппараты мгновенно перестроились, поделив фокусы между двумя целями.

…

Там же. Через некоторое время.

— … я бы мог сжечь сейчас вас вместе с товаром, согласны? Я бы мог сжечь вначале товар; а потом перещёлкать вас поодиночке, даже в разных частях города, — далее прозвучали адреса квартир, в которых проживали близкие присутствующих и, временами, они сами. — А если бы «пузатый» отработал по вашим квартирам, мне нужно объяснять, что было бы со всеми там присутствующими?

— Мы слушаем вас, — мягко предложил брюнет, снова

придерживая за руку своего более импульсивного коллегу.

— Хорошо. Вот стоимость налогов, — в воздухе второй голограммой развернулась онлайн-выписка из персонального электронного кабинета, с предусмотрительно затертыми идентификаторами. — Это то, что выдает система муниципалитета на данный товар. Если вы захотите, наверняка можете изыскать возможность, как проверить сумму потом и собственноручно…

Блондин снова порывался что-то сказать, но был ещё раз остановлен товарищем:

— Я увидел сумму, — кивнул брюнет. — В финансах в данный момент более компетентен я. Что дальше?

— Вы заметили, что я ни слова не говорю о компенсации стоимости самого товара?

Брюнет коротко кивнул.

…

Там же. Через некоторое время.

— … у вас во внутреннем кармане персональный платежный терминал, — один из висевших сбоку дронов подсветил лазерной указкой грудь брюнета. — Вы сейчас перечисляете на мои реквизиты стоимость государственных пошлин и налогов, плюс сто пятьдесят тысяч монет дополнительно. Это в разы ниже, чем даже оптовая стоимость товара, согласны? Я не гарантирую, что у вас не возникнет никаких проблем вследствие этого. Но я вам обещаю забыть о вашем существовании лично и не предпринимать против вас, ваших близких либо тех, кто проживает по тем адресам, никаких враждебных действий. — Аппарат неразличимо побулькал, затем добавил. — Прямо или косвенно ведущих к любому осознанному вреду ваш адрес. До тех пор, пока вы сами не начнёте нарываться. Предлагаю сейчас просто разойтись при своих.

— Вы же понимаете, что в отсутствие сколь-нибудь значимых гарантий, кроме пустых слов, подобное заявление не стоит ничего? — вклинился в разговор блондин.

— А вы подумайте лучше. Что мешает мне исполнить вас прямо сейчас? Как вариант? А ваш терминал вместе с телом брюнета-хозяина отбуксировать к себе? С его телом у себя, уж как-нибудь с платежом и сам разберусь.

— Система паролей, завязанных на сетчатку и коды, — чуть высокомерно улыбнулся более высокий, касаясь указательным пальцем собственного виска. — Даже неостывший труп не поможет.

— Так а кто сказал, что я бы вас на смерть исполнял? — кажется, булькающий голос сейчас искренне удивлялся. — При

желании, могу даже пулей по черепу черкнуть вас так, что без сознания отправляетесь от сорока до ста двадцати минут. Ваши последующие потери здоровья мне до лампочки, потому что за это время я успеваю доставить вас к себе. А уж у меня…

— Вы же понимаете, что что мы будем анализировать произошедшее впоследствии? — уверенно уточнил брюнет.

— Если вы хоть чуть-чуть в курсе обстановки в нашем муниципалитете, — говоривший сделал акцент на предпоследнем слове, — то вы должны быть в курсе: ваши предполагаемые, грядущие и виртуальные разбирательства «когда-нибудь через пять лет» для нас сегодня звучат просто неубедительно. И не звучат серьёзно.

— Почему именно пять лет? — ухватился за последнюю фразу более высокий. — За обстановкой у вас не следим, — добавил он практически без паузы.

— Потому, что ближайшие пять лет ни у кого из федералов не будет серьезных технических возможностей на территории муниципалитета. Читайте меморандум.

_____

Там же. Через некоторое время.

— Не знаю, что сказать. — Тяжело и долго молчавший блондин наконец начинает говорить.

До этого он сидел на ближайшем тюке, обхватив голову руками и будто бы о чём-то думая.

— Сейчас не стоит вообще ломать голову. Мы оба в горячем состоянии. Спокойно думать не способны. Вначале надо привести себя в порядок, уже потом обсуждать.

— Слушай, а как он догадался, что у тебя деньги есть на счёте? А если бы мы упёрлись либо денег реально не было? Кстати, надо будет эту технику пробить: я что-то не слышал у наших летунов ни о чём подобном.

— Это была первая причина, почему я согласился, — видно, что более высокий говорит через силу. — Я тоже об этих аппаратах не слышал. А это уже кое о чём говорит.

— Думаешь, ещё и кто-то сверху…?! — коренастый удивлённо и вопросительно смотрит на товарища.

— Не знаю. И знать не хочу. Ближайшее время буду разбираться с финансами. Перевод я делал с личного счёта, и явно на какой-то левый акк. Как бы от фискалов «подарок» не прилетел… А он сто процентов прилетит, жопой чую… — недовольно отозвался блондин из другого конца ангара, куда отошёл сплюнуть набежавшую в рот слюну. — Похоже, мы ещё и налоги заплатим. Принудительно.

— Ну правда, — светловолосый, кажется, не унимается с

разговорами потому, что таким образом пытается прийти в себя. — А если б у нас денег не было? А если б мы упёрлись?

— А ты уверен, что точно такие же машины у нас возле окон дома не висели? — абсолютно безэмоционально парирует брюнет. — И если б я промолчал, нам бы картинку с наших окон не подали? Знаешь, на уровне ощущений… Мне показалось, что правильнее не обострять. Чем пытаться сэкономить эти деньги. Если хочешь, вычитай из моей доли.

— Да нет, ты чего… это я так, зудю… Хотя есть мнение, что шантажу никогда нельзя поддаваться. Как бы обратно не нарисовался? Через какое-то время?

— Ты думаешь, такая техника будет летать над федерацией бесконтрольно всегда? — кажется, темноволосый искренне улыбается первый раз за всё время. — Я почему-то думаю, что это разовый проход. От какой-то безнадёги. Позже проанализирую по спокойняку.

В руках блондина появляется универсальная фляга, из которой он делает два длинных и глубоких глотка.

После чего морщится, наклоняется вперёд и какое-то время жмурится, шумно вдыхая воздух.

— Дай и мне, — блондин, не дожидаясь, берёт ёмкость из рук товарища.

_____

Несмотря на все предварительные опасения, задуманное проходит, как по маслу.

Какое-то время, потраченное на достаточно нервное общение, плюс несколько транзакций — и я закрываю все долги перед муниципальными фискалами (будь они прокляты) плюс перечисляю Чоу весь остаток за Жойс.

Если делать, как предлагала она, то есть дожидаться результата, это намертво привяжет меня к этому месту.

А у меня есть целый ряд других планов, плюс обязательства перед куратором. Вполне может быть, что я физически не смогу контролировать или осуществлять платежи, когда Жойс станет лучше.

Фельзенштейн почему-то отказывается от гонорара за оказанную им неоценимую услугу, хотя я искренне хотел отблагодарить и его.

На мои вопросы о неуместной щепетильности, он коротко бросает:

— Дурак.

И больше не отвечает, молча собирая какие-то коробки в углу своего ангара.

Некстати (или наоборот — кстати, это как посмотреть)

вспоминается тактика Жойс: когда у неё нет возможности всучит деньги, она делает приятные и недешёвые в массе своей подарки.

Точно. Надо будет спросить Чоу, что ему подарить. Она точно должна знать.

Подхожу сзади, хлопаю его по плечу и говорю:

— Спасибо.

Жмём друг другу руки, после чего меня догоняет его вопрос уже в самых дверях:

— Эй, а что с твоей техникой подвешенной делать?

— Упс. — Застываю с поднятой ногой. — А какие есть варианты?

_____

Эвандро был несказанно удивлён, когда тот самый белый перезвонил через какое-то время и попросил принять технику обратно.

Пацан, кажется, куда-то торопился, потому что даже слова в первый момент вставить не дал.

После короткого уточнения деталей, его летающая этажерка приволокла почти всё, что он брал, обратно.

— Если это какая-то подстава, то донельзя замудреная, — сказал Ло сам себе, при помощи пары ассистентов споро отсоединяя крепления от аппарата. — Хм… и что, его теперь снова на баланс ставить? Второй раз точно никто не купит.

Своих денег белый сожитель Кайшеты обратно не попросил.

Глава 25

— Не круто ли — все сто процентов суммы наличными? — Оптовый покупатель из другого муниципалитета нечитаемо, как ему казалось, глядел на невысокого пацана. — Может, всё же согласимся на банковский платёж? Хотя бы частично?

Если та сторона согласится, то и об отсрочке платежа можно будет поднять вопрос… Тема накатанная.

— А вы уверены, что пересматривать условия сделки задним числом, после заключения договора, это хороший тон? — вопросом на вопрос ответил парень.

Что было интересно, за спиной у него на полном серьёзе стояла то ли младшая сестра, то ли несовершеннолетняя подруга. В общем, продающая сторона напоминала скорее детский сад, чем серьезных партнеров.

Впрочем, передаваемый детским садом товар был не единожды проверен и вопросов не вызывал. Таможенная очистка, что интересно, вроде как тоже сделана по всем правилам, но тут не проверишь: этот муниципалитет сейчас на особом положении. Снаружи не вычислить.

Это, по большому счёту, и явилось основной причиной согласия на сделку.

— Ну-у-у, так у нас и договор устный, — словно задумываясь, пожал плечами покупатель.

После чего оглянулся на сопровождавших, вопросительно поднимая бровь и в самом деле что-то прикидывая.

— Вы не усматриваете разницы между подписанным документом и предварительным разговором? — вовремя подал сзади голос кое-кто из родственников.

— Знаете, там, где я учусь, говорят: пересматривать уже заключенные договора задним числом — это что обсуждать будущую войну. — Одетый в форму типа военной пацан как будто не смутился. — Мне неважно, устная ли была договорённость между нами, либо заверенная по всем правилам. Мы говорили, вы соглашались. — Почему-то он абсолютно не напрягся. — Мы спросили, вы согласились. Вы же не думаете, что наши логисты работают бесплатно? Или мы все просто поговорить сюда ехали? Хотите — иначе поговорим?

Тон продавца слегка изменился.

У покупателя мелькнула мысль, что за ситуацией сейчас стоит больше, чем ему кажется.

Опять же, в противовес осторожности, заблаговременно выставленные в паре ключевых мест наблюдатели никакой лишней

активности вокруг не зафиксировали. Стало быть, никакой кавалерии себе в подмогу пацан ожидать не мог.

— Я бы всё же поговорил о какой-то скидке, — будто бы мягко, но достаточно безапелляционно продолжил покупатель.

Он только что решил рискнуть. В опасность двух подростков не давал поверить банальный расчёт (водители и кое-кто из логистического сопровождения — не в счёт).

Вместо ответа своего спутника, стоящая позади пацана девчонка молча, демонстративно пожала плечами. И через секунду на каждой из её ладоней красовался шар перегретой плазмы.

— Пересматривать договорённости задним числом значит обсуждать будущую войну, — повторился парень, отзеркаливая нарочито мягкий тон покупателя и повторяя его же снисходительную улыбку.

Пигалица из-за его спины подошла поближе. Шары плазмы с её рук никуда не делись.

— Хотите, могу назвать свою фамилию, — словно скучая, предложила она. — Но предупреждаю сразу: если рассчитаетесь без дальнейшей болтовни, я сейчас даже не буду насчитывать вам один процент сверху за моё беспокойство. Это если мы, как договаривались, работаем анонимно.

— А если нет? — второго покупателя словно чёрт под руку толкнул.

— Если я вам сейчас скажу, как меня зовут, то не обижайтесь… — в голосе малолетки явно прозвучало что-то ещё. — Один процент будет только для затравки разговора. Верьте мне.

С этими словами малолетка запулила шар с левой руки за спины покупателям.

Полыхнуло знатно. Плюс волна горячего воздуха прошлась по волосам, словно жар из открытой двери сауны.

Пока достаточно немолодые мужчины рефлекторно оглядывались назад и поворачивались обратно, девчонка зажгла ещё один шар на ладони, вместо отработавшего первого.

Что продавец окажется одарённым либо из семьи одарённых, старший покупатель явно не рассчитывал.

Когда девка активировала свою искру, он чуть-чуть замешкался от неожиданности, не зная, какое решение принять.

— Ладно, раз вы колеблетесь, то ещё один намёк сделаю, — словно снисходительно, тряхнула в воздухе волосами она. — На мне сейчас боевой концентратор. Так что вас, вместе с вашими колымагами, — она указала взглядом на два достаточно солидных контейнеровоза, — сожгу не по одному разу.

— А неприятностей с законом мы не боимся? — подал голос

из-за спины брат покупателя, кажется, адекватно ситуацию не оценивавший.

— Тут понимаете какое дело… вообще-то, они и есть закон в нашем агломерации, — абсолютно серьёзно проговорил парень.

_____

Там же, через пятнадцать минут.

— Слушай, какая тебе вожжа под хвост попала?! — Старший брат, отреагировав на поступившее сообщение, сейчас растерянно демонстрировал экран собственного комма младшему.

На экране загорелось официальное предупреждение сразу от трёх департаментов местного самоуправления.

— Быстро валим отсюда! — моментально сориентировался младший. — Это именно что предупреждение! Похоже, они с девкой и в самом деле не из самой простой семьи. Надо просто за три часа отсюда уехать, пока оно в законную силу не вступило…

_____

— Слушай, я тебя во всём поддержу. Но сориентируй меня, пожалуйста? Сколько ещё подобных сделок ты собираешься проворачивать? — Хаас качает в воздухе ногой на моём стуле и абсолютно безразличным взглядом наблюдает, как я раскладываю пачки наличных по кровати.

— А какая разница? — задаю встречный вопрос ей. — Ты же сейчас всё равно можешь в городе творить всё, что угодно. Мы никого не щемим, чужого не берём. На чужие караваи рта не раскрываем, хотя и могли бы попытаться… В чём вообще проблема?

— Неприятно это всё, — чуть подумав и нахмурившись, отвечает Анна. — Понимаешь, не могу объяснить словами. Но такие ощущения, как в говне искупалась.

От неожиданности начинаю непристойно ржать:

— Ты и такие слова знаешь?

— Ну так это твоё выражение, — она индифферентно пожимает плечами. — С кем поведёшься…

Маленькая блондинка вздыхает, поворачивается к кофеварке и втыкает кнопку запуска. После этого разворачивается обратно и усаживается на стуле по-турецки:

— Ну а всё-таки?.. Я вопрос задала.

— Это была последняя партия, — вздыхаю. — На опте с этого момента ставим крест, потому что возобновлением поставок товара в обозримом будущем и не пахнет.

— Что так? — Якобы участливо, а на самом деле ехидно, веселится Хаас.

Которой явно понравился мой ответ.

— Всё просто. Жойс в коме. Без неё *туда* ехать не хочу, хотя

возможно и придётся… Мне этот бизнес и самому не нравился с самого начала. Но она, во-первых, к моменту нашего с ней разговора всё наладила. Во-вторых, заявила, что есть куча бизнесов, построенных на контрабанде. Вроде как и по двести лет возрастом темы есть. — Красноречиво изображаю мимикой недосказанное. — Ну и, у неё были кое-какие последние желания, так что…

К сожалению, перспективы пока не ясны.

Градус веры в лучший исход внутри себя я поддерживаю без снижения, даже Алекс вон удивляется. Но это никак не отменяет моей аккуратности в исполнении её просьб. Изложенных в бумаге нотариуса.

— А зачем тогда всем этим занимаешься? — Анна указывает глазами по очереди вначале на деньги на кровати, затем — на большие сумки в углу, внутри которых находятся образцы товара общим весом в несколько десятков килограммов.

— Обещал ей помочь кое-каким людям. — Не хочу сейчас пояснять тонкостей… — Для этого нужно было конвертировать товар в деньги. У Жойс были обязательства, в том числе морального плана.

— Так это им деньги и предназначены?! — моментально ухватывает суть наша будущая звезда юриспруденции.

— Ну да. У меня на карте вон, баковские роялти ещё не все потрачены. Мне столько не надо…

— Слушай, а ты турнира что, вообще не боишься? — Хаас резко меняет и тему, и тон.

После чего спрыгивает со стула, подходит ко мне и зачем-то кладет свой подбородок сзади на моё плечо.

— Куратор помог с подготовкой. Где-то достал записи тренировок и предыдущих боёв фаворитов турнира.

— И что это тебе даёт? — в голосе Анны слышится явное сомнение.

— Так я в тренажёре, — многозначительно указываю пальцем себе на висок, — прокрутил наиболее вероятные сценарии. Так что, ответ нет. Не боюсь.

— Слушай, а ты точно учитываешь все последствия? — она снимает подбородок с моего плеча и принимается ходить по комнате. — Ты понимаешь, что ты там будешь абсолютно один, среди моря ненависти? Я сейчас и про сам турнир, и про вариант, если ты хотя бы до полуфинала доходишь. Там даже одарённому было бы непросто! Поверь, я знаю, о чём говорю! А ты ещё и не клановый… Это очень серьёзное давление на психику в твоём случае, — раздельно, почти по слогам, выговаривает Анна последнюю фразу. — Твой куратор тебе либо не сказал, либо не

счёл важным.

— А сейчас мы с тобой в Корпусе буквально купаемся в почитании? — смеюсь в ответ. — И мне тут с первого дня просто розами путь выстилали?

— Ну-у-у, лично у меня есть кое-какие точки опоры. — Неуверенно бормочет Хаас, моментально сдуваясь.

Не буду ей сейчас напоминать, где она ночлег ищет после каждого такого общения с этими «точками опоры».

Потому что, вижу по ней, и сегодня ночевать она навострилась на моём балконе.

В противном случае, пакет с бельём с собой бы не волокла сюда.

_____

Когда Единичка предупредил о том, что деньги поступят в полном объёме, Чоу вначале не поверила.

Не то чтобы она пристально следила за ним всё время. Просто исчезновение достаточно крупной (даже по её меркам) партии товара, обязательства за который повисли на Единичке, в понимании китаянки делали в ближайшее время оплату от пацана ей невозможной.

Разумеется, если совсем честно, она не собиралась тормозить реабилитацию его (и Камилы) подруги даже при отсутствии денег. Хотя бы и потому, что необходимые препараты уже поступили (и хорошие отношения с доктором Карвальо тоже чего-то стоили).

Кроме того, альма-матер китаянки была не на шутку заинтересована итогом применения полученной контркультуры в данном случае: «Запас большим не бывает».

Опыт успешных решений лаборатории — это всегда опыт успешных решений. Иногда он стоит много дороже денег.

А самое смешное, что деньги от пацана действительно поступили.

Чоу вначале не поверила.

Затем бросила всё и проверила платёж ещё раз.

Отправитель был мутным. Несмотря на это, деньги пришли вполне реальные.

Из природного упрямства, она билась ещё полчаса, но так и не смогла деанонимизировать отправителя.

Глава 26

— Алекс, а вы не хотите написать статью? — Бак, которому, как обычно, не спится с утра, до неприличия оживлён.

Даже руки отчего-то потирает, чего за ним обычно не водится. Как правило, он демонстрирует холодную вежливость; максимум — сдержанный интерес, но это если его совсем чем-то особенным зацепить.

Когда он сегодня утром, по своей обычной дурацкой привычке, со своей стороны принудительно активировал мой комм в режиме двусторонней связи, из ванной, как назло, к себе на балкон шагала мокрая Хаас. В тапочках и с голой жопой.

Чёрт его знает, что Бак подумал по этому поводу…

Так-то, майка на ней была. Но не уставная, а какая-то галантерейная, женская; не знаю правильного слова. Анна говорила название, но я не запомнил.

Доставала эта майка по длине ей ровно до талии, а больше на нашей звезде юриспруденции ничего и не было.

Я б и внимания на это не обратил, как обычно. Но Бак отчего-то выпучил глаза, указывая мне за спину, всхрапнул и многозначительно поинтересовался — всё ли у меня по плану и порядке.

А когда я ответил, что она вообще последнее время именно так и повадилась ходить (порой даже *без* майки), он многозначительно покивал. Как будто что-то недоступное моему пониманию имел ввиду.

И не скажешь ведь про чип и Алекса. Я-то вижу, что **никаких** *личных* и *особенных* планов в мой адрес у начинающей юристки нет. Но если не упоминать про мои незадекларированные возможности, относящиеся к чипу, то такое утверждение будет голословным.

Бак, ещё какое-то время пофыркав, позвал меня на кафедру, для разговора в рамках чего-то там по турниру.

Ну я оделся и прибежал.

— Честно говоря, не замечал за собой публицистического таланта, — осторожно отвечаю в ответ на вопрос про статью. — Но вы обычно просто так ничего не спрашиваете. Если вы заговорили об этом, значит, какой-то план у вас есть, — продолжаю думать вслух, Бак это любит. — Просто мне этот план пока не понятен.

— Точно. И публицистический талант вам не понадобится.

На кафедре кроме нас никого нет. Куратор же просто лучится каким-то нездоровым энтузиазмом.

— Вы отличаете научный стиль от художественного? И оба — от научно-популярного? — он останавливается у окна и поворачивается в мою сторону, в руке удерживая чашку с кофе.

Мне почему-то не предлагается. Ну ладно.

— Специально не учил, — пожимаю плечами. — Но с точки зрения стилистики языка, разницу понимаю. Продолжать?

— НЕТ. Вот стиль статьи будет научный; либо, в крайнем случае, научно-популярный. — Развивается Бак, явно что-то придумывая на ходу.

А меня используя как мотиватор для генерации контента.

Прикольно.

— Господин подполковник. Со всем уважением, но какой из меня написатель статей? Я себя, конечно, и люблю, и уважаю. Но давайте смотреть правде в глаза: кто это будет читать? И, самое главное, кому это вообще нужно?

— А давайте сыграем в игру… — отчего-то пускается в шарады подполковник.

Алекс, что интересно, тоже ржёт на заднем плане и ничего не поясняет.

— Когда я вам обычно даю какую-то задачу, кому оно обычно нужно?

— Кафедре. Мне. Не всегда в таком порядке, — добавляю, добросовестно проигрывая в голове историю последних месяцев. — Бывает, что нужно мне. Кафедре же — постольку-поскольку. Последнее время так бывает чаще. — завершаю мысль под его удовлетворённый взгляд.

— Блин, ну какой вы занудный, Алекс! — ошарашивает меня куратор крайне нетипичным для него порывом.

Логическое построение это и вывод, кстати, мне регулярно говорит Жойс.

Говорила…

— Включите мозги! — если б не навязываемая мною самому себе критичность, я бы предположил в Баке сейчас эйфорию.

Интересно, что это его так торкнуло? Ладно, скажем правду. Раз сам нарывается.

— У меня есть единственный по-настоящему близкий мне человек. Этот человек — сержант Кайшета. Она сейчас в коме и неизвестно, выберется ли. Не нулевая вероятность того, что, даже если она выживет, она останется инвалидом достаточно непростого профиля. Я попал по деньгам на миллион с лишним из-за того, что наши с вами коллеги из другого муниципалитета обнесли склады, где хранился подотчётный таможне и подакцизный товар.

— Миллион в какой валюте? — врезается в мою исповедь Бак,

широко раскрывая глаза и наконец выныривая из своего эйфорического состояния.

— Нашими. Но эту проблему я решил. Пошлины уплачены, деньги за Жойс в Китай тоже переведены… В общем, у меня сейчас не особо с чувством юмора. Извините.

Можно ещё сказать про квартиру, которую пришлось продать, едва вернув обратно. Но это мелочи на общем фоне.

Есть ещё обязательства перед нанятыми Жойс крестьянскими хозяйствами в колониях, но то не моя информация, и говорить об этом нельзя. Хотя и моя ответственность.

— Это вы извините, — вздыхает Бак и наконец втискивается в свой обычный чопорный настрой. — Я чего-то действительно оторвался от реальности… Да, пока не забыл. Алекс, ваш демарш в Столице привёл к замене пары ключевых лиц на некоторых должностях, по техническим причинам.

Он делает паузу явно для того, чтоб я что-то спросил. Ну ничего себе, что это с ним.

— Святое место долго же не пустует? — уточняю. — Наверняка же поставлены другие люди на такие интересные места?

— Люди поставлены. Но они озабочены ревизией. Их основной фокус сейчас на приёме дел заочно. Ваш вопрос не то что не в первом приоритете, а вообще…

— Извините за настойчивость. Вы бы не могли пояснить более развёрнуто? Ваш тон предполагает, что я на одном уровне с вами там ориентируюсь в раскладах, но это не так.

— М-м-м… Одна южная территория — это перспективный, по разным оценкам, вектор развития, — кивает Бак и начинает пояснять. — Заниматься развитием было логично, когда человек сидел на должности прочно и финансовые потоки контролировал, как свои пальцы.

— Сейчас, когда личности сменились, контроль над финансами ослаб, что ли? — кажется, смутно понимаю, но не до конца.

— Знаете, как оно работает? — снисходительно глядит на меня куратор. — Есть Джон и Джордж. У них с годами сложились отношения. В финансовых операциях — так вообще до автоматизма. Допустим, Джон на каком-то этапе выбывает и его по естественным причинам меняет, ну пусть, племянник. Ваш прогноз: Джордж продолжит выполнение своих обязательств без изменений? Откажется от выполнения вообще? Или какой-то промежуточный вариант?

— Ну-у, пример не до конца корректный, по мне, поскольку надо знать обстановку, — когда вехи очерчены, размышлять

становится намного проще. — Судя по моему небольшому опыту, девять раз из десяти будет третий либо второй вариант. Если только описанные вами Джон и Джордж — не члены формализованной структуры типа католической церкви. Где норма кассы с каждого прихода в квартал есть величина, известная за последние несколько сотен лет до сантима. И от замены личностей ежегодный прирост паствы в сельве не меняется. Потому что демографические графики церковью ведутся не в пример официальной статистике.

Бак тихо смеётся, хлопает в ладоши и отвечает:

— Именно. Вот в отличие от вашего весьма иллюстративного примера, там, — он зачем-то тычет пальцем в окно, хотя Столица находится в другом направлении, — всё строится не на демографической ёмкости прихода. И не на объективных экономических константах, типа церковной десятины. В этих департаментах всё базировалось и будет базироваться исключительно на личных отношениях.

— А-а-а… новым людям необходимо будет эти отношения отстроить?

— Или установить свои, — аккуратно кивает Бак. — Но сейчас об отношениях речь вообще не идёт. У новичков отношений не бывает, поскольку отсутствует совместная история. Применительно к вам: активность Правительства в спорных лично с вашей семьёй, упокой Господь их души, направлениях, — Бак быстро и уважительно крестится, — в ближайшие годы будет отсутствовать, как явление в природе. Поскольку новым персоналиям будет не до развития. Они будут порушенный status quo восстанавливать.

— Спасибо за информацию.

— Не за что… Так вот, к нашим делам, — Бак поднимается из кресла, отставляет в сторону пустую чашку (из которой он прихлёбывал всё это время) и запоздало спохватывается:

— Вон кофемашина! Обслужите себя сами, если хотите… Статья нужна в большей степени мне. — И дальше, без перехода. — Если наша общая затея с выходом в финал — не пустышка, и что-то у нас получится, лично я выиграю весьма в том случае, буде смогу заявить: «У нас в Корпусе и на кафедре есть люди, которые без активированной искры проходят *все* системы защиты того же Квадрата. Кстати, они же и на Турнире отметились».

— А статья причём? Я правда не ухватываю логики. Но напишу всё, что скажете…

— Собственно, статей будет две, — задумчиво смотрит в окно куратор. — В первой вы в произвольной форме опишете *ваши*

рекомендации тому, кто будет тренироваться проходить что-то типа Квадрата на ресурсах организма, без *гаврилы* майора Стоуна.

— А вторая?

— А во второй вы публично и гласно объявите ключевые пункты своей подготовки к Турниру, — припечатывает Бак, оборачиваясь ко мне и глядя в глаза где-то жёстко.

— Да что там писать? — неподдельно поражаюсь вслух. — «Бери больше, бросай дальше. Пока летит — отдыхай»?.. Просто переложение старого учебника на новые реалии и адаптация к искре. Одним ударом — наповал. Дальняя дистанция — пистолет либо заменители. Средняя дистанция — трость либо ноги, они вполне её заменяют при должном подходе… короткая дистанция — кулак и, как говорит Стоун, «взять на приём».

Бак, не мигая, не сводит с меня взгляда.

— Погодите… вы что, серьёзно?

— Алекс, вы ещё очень молоды и на своём опыте пока просто не видели. — В его интонациях наконец появляются оттенки снисходительности и он становится похож на обычного себя. — То, что основы методики заложены не сегодня, не отменяет их ценности. А статья нужна для того, чтоб, в случае вашей *победы*, все желающие оспорить её объективность и справедливость могли обратиться к вашим же заявлениям. Кстати, какое вы сделаете заявление *в самом конце этой статьи*? — он смотрит сейчас тем взглядом, которым экзаменатор обычно сопровождает каверзный вопрос испытуемому.

— Разум сильнее меча, — пожимаю плечами. — Любой может быть победителем, не только одарённые. Вопрос в точности вектора подготовки. Либо — можно ханьскую версию: «Одарённым является **каждый**. Просто многие не тренируются, оттого умирают обычными людьми, так и не раскрыв потенциал». Там не дословно, но суть эта. У нас многих слов нет в языке.

— Ханьскую версию не надо! — ощутимо напрягается Бак. — От революций воздержимся! Первая формулировка — просто шикарная.

Хм, а ведь он искренне считает, что я буду если не победителем, то, минимум, на пьедестале.

Интересно.

— Если не секрет, а для какого издания эти статьи предназначены?

— Не секрет. Наши министерские журналы. Обычный профильный науч-поп, — ему в голову, кажется, пришла какая-то мысль, отчего он снова веселеет прямо на глазах. — Кстати! У меня вон терминал свободен! Не хотите прямо сейчас набросать тезисы? Кофе себе, кстати, сделайте…

_____

— Господин майор, а что лично вы думаете об этом мероприятии? И что там вообще будет?

— Ну-у, лично я бы без свидетелей сказал, что прикладная ценность небольшая. — Стоун пожимает плечами. — Хотя и не нулевая, нет. Так, типа бывшего открытого чемпионата по бою голыми руками среди спецслужб. Скажем, достаточно узкое и нишевое мероприятие, практическая ценность которого равна…м-м-м… Понимаешь, ну не пошлёт никто никого с голым кулаком или искрой на серьёзную задачу. Это или что-то весьма уникальное и разовое… а в таких случаях и исполнители одноразовые… Либо очень необычное стечение обстоятельств, где героизмом и уникальностью навыков надо компенсировать отсутствие надлежащей подготовки к операции на этапе планирования.

Во время написания статьи по заказу Бака, я столкнулся с рядом концептуальных моментов, в которых мне банально не хватает ума.

У Алекса эти моменты в подготовке либо опыте тоже отсутствовали, поскольку у них весь мир пацифисты.

Не мудрствуя понапрасну, я созвонился со Стоуном и, получив разрешение, явился за советом.

— Так а зачем тогда это вообще всё надо? Зачем нужен чемпионат и турнир, с такими бюджетами и таким антуражем? Если это всё — дутый пузырь? — у меня в голове мозаика что-то теперь вообще не складывается.

— Сразу видно далекого от армии человека, — жизнерадостно ржёт в ответ майор Стоун. — Какой бы пример привести… Что ты знаешь об армии княжества Монако?

— Ровным счетом ничего. Я и о самом княжестве таком не слыхал до сего момента.

— В общем, их армия сто пятнадцать, что ли, человек по штату. Включая пожарный взвод. Он у них тоже к армии относится. А самый первый пункт их устава знаешь какой? «Армия Монако непобедима потому, что никогда не знала поражения», — выражение лица Стоуна излучает позитив и оптимизм.

— Однако, — качаю головой.

Признаться, я не ожидал такой глубины мысли с его стороны, потому перевариваю. Под заливистое веселье Алекса во внутреннем пространстве.

— Ну или давай зайдем с другой стороны, — продолжает

экскурс в непонятные мне реалии майор. — Куда ты, вот лично ты, поставишь самый первый свой пост в любой части?

— Судя потому, что вы спросили, вопрос с подвохом. В финансовую часть? Поближе к сейфу с наличными?

— Зачёт, — выдыхает Стоун через долгие полминуты, продолжая всхлипывать от смеха и вытирать слёзы из правого глаза. — Где-то логично, конечно… Хорошо бы. Но нет. Знамя части. — Он назидательно поднимает вверх указательный палец. — И вот теперь ты мне скажи, как череп. Со своей кафедры, какой вывод из этих двух моментов ты сделаешь?

— Получается, в армии символизм имеет еще большее значение, чем в культуре или искусстве? — Вывод напрашивается сам собой, но лично для меня звучит несколько революционно.

— Так точно, — утвердительно кивает Стоун. — Не буду вдаваться в дебри инструментов управления личным составом, с возрастом сам поймёшь роль твоего символизма на эту тему… Скажем, этот турнир и есть прямое продолжение той самой концепции. Насколько я понял поползновения твоего куратора, он как раз и собирается сменить символ на пьедестале. Ну, по крайней мере, об этом всерьез призадумался. До эпизода с тобой, мне неизвестно, чтобы в основную сетку, да по основной программе, в качестве участника заявляли неодарённого.

— Вообще-то, у меня есть ранг ханьской искры, — замечаю осторожно.

— Окей, одаренного в *нашей* системе ценностей, — чуть корректирует собственную формулировку майор.

— Да мне вообще кажется, что доминанта одарённых в целых муниципалитетах либо министерствах — это вообще ничем не оправданная сегодня попытка передавать элитарность по наследству. — Почему-то со здоровяком-майором на меня накатывает странное ощущение того, что говорить можно всё, что думаешь.

И аналогично можно не думать, что сейчас сказать, а о чём стоит бы умолчать.

— Секрет полишинеля, — опять двигает плечом Стоун, изображая скуку и тривиальность. — К сожалению, пока существует вертикальное строение общества, всегда будут круги, претендующие на элитарность. Как следствие, они же будут претендовать и на передачу по наследству того, о чём ты сказал. В этой связи, наши одарённые ничуть не отличаются от владельцев рабов, описанных в учебниках

истории до Спасителя: каждый стремится упрочить своё положение на вершине пищевой цепочки методически и, желательно, законодательно. — Говоря такие вещи, глядит на меня майор весело и с неубиваемым оптимизмом, что чуть не вяжется с содержанием его слов. — Но ты, кажется, о другом шёл говорить?

— Хотел помощи просить. Куратор говорит статью писать о подготовке, а меня смутные сомнения одолели. Помогите, пожалуйста, принципиальную концепцию составить? Так, чтобы в случае выигрыша я на свои заявления потом сослаться мог?

— При этом, попадись твоя статья кому ненужному на глаза сегодня, чтобы никто из заинтересованных по самой методике реально ничего не понял? — вполголоса смеётся Стоун.

— Да.

— Так я ж вообще не в курсе, на что ты там рассчитываешь! — озадаченно выпрямляется он и начинает шарить по карманам в поисках зажигалки.

Прикурив наконец презентованную мной сигару, он что-то прикидывает, затем предлагает:

— А пошли тогда на полигон пробежимся? У меня чуток времени как раз есть.

— Как скажете, — поднимаюсь со всего места. — Хотя и не до конца понимаю, зачем.

— Как говорит опыт, любую дезу надо тщательно мешать с дольками правды. Я о твоём стиле вообще понятия не имею… — глубокие затяжки сигарой не мешают Стоуну шагать быстро.

Я едва за ним поспеваю, хоть на бег переходи.

Глава 27

— Вообще, твоя схема рискованная, конечно, — Стоун продолжает задумчиво затягиваться сигарой, сидя в раскладном дешёвом пластиковом кресле и задумчиво глядя сквозь меня. — Кстати, хороший табак… А с другой стороны, если ты третий сектор с голым телом проходишь, то всё может быть. За вашей позицией, я про кафедру в целом, глядишь, что-то и сто*и*т.

— Помогите тезисы для статьи сформулировать? Сигар занесу вечером, с меня причитается. Вне зависимости от вашей помощи! — быстро поправляюсь. — У меня много.

— Недёшево встанет, — майор вытягивает руку и оценивающе смотрит на тлеющий огонёк.

— А я всё равно не курю. — Пожимаю плечами. — Они от бизнеса моей девушки остались, век бы их не видать… С делами теми вообще планирую завязывать, уже здорово влетел из-за них. Еле распутался в итоге.

— Девушка та, которая в нашей реанимации лежит? — понимающе уточняет Стоун. — Слухами земля полнится, — поясняет он в ответ на мой удивлённый взгляд. — Случай больно уж нерядовой. Ну и, нашу кафедру привлекали для анализа возможных рисков, чтоб устранить прецеденты и дыры на территории: одно дело — боевая сержант. Хотя и то потеря… Другой момент — если кому-то из клановых по голове прилетит… вони не оберёшься на всю армию… — Стоун неловко заминается, поскольку вони уже и так хватает в любых масштабах. — Ладно, извини. Не туда зарулили. Сформулируй мне ещё раз вербально свою тактическую основу? Я тебе откровенно скажу: ты очень неплох. Даже по моим *личным* меркам, — он выделяет интонацией, — отправь я тебя сейчас в кое-какие места, мне б за тебя не было стыдно. Имею ввиду физическую форму и функциональную пригодность… НО! — он поднимает вверх сигару. — Это ж в реале, а не в лабораторных и дуэльно-полигонных условиях! Ты вообще уверен *до конца*, что участвовать именно *тебе* — это стоящая идея?

— Знаете, я ведь тоже долго думал перед тем, как решиться. Мне кажется, люди собственную слабость, особенно достигнув определённого возраста, склонны представлять общей тенденцией, свойственной всем без исключения. — Не думал, что Стоун склонен к абстрактным размышлениям. Но по его глазам четко вижу, как надо отвечать. — Если что-то невозможно для конкретного человека или для группы людей, это вовсе не значит, что оно же невозможно и для других.

— Революции — неблагодарная вещь, — неопределённо пожимает плечами преподаватель в ответ. — Даже если это всего лишь революции в сознании.

Удивительно. Стоун — философ.

— Это если не накоплена критичная масса, — не спешу соглашаться. — Если в мире достаточно тех, прямо противоположных, которые физически способны на большее — то это уже эволюция, не революция. Мне кажется, мы искусственно топчемся на месте, сдерживая собственный потенциал. Я сейчас даже не про кафедру методики, а про нас в общем смысле.

— Ближе к теме.

— Парализатор, в качестве замены пистолета, для дальней дистанции. Пока с разных сторон зашли в манеж и сближаемся. Говорят, их разрешено брать с собой, только одарённые ними не пользуются, потому что им без надобности… Ноги и манёвр — средняя дистанция. Но я считал: если в стандартном манеже будем биться, это менее трёх секунд в сумме.

— А через три секунды что? — лично мне кажется, Стоун всё чудесно и сам понимает, просто выступает в роли того самого научного оппонента.

— За три секунды я вплотную войду, по-любому. Или не войду — но тогда и обсуждать дальше смысла нет. Ближняя дистанция — сверхжёсткий ближний бой, всё по учебнику. Или одним удар наповал; или, если какой-то кабан попадётся, ну мало ли… на приём возьму. Но это на тот случай, если у меня ударные части рук повреждены будут. — Подумав, добавляю. — Я, с высоты опыта *тут*, ваши приёмы исключительно как запасной вариант в голове держу. Я пока не представляю того, кто мой удар словит — и его выдержит. Это просто против физики. Так не бывает.

— Где-то солидарен с мнением, — прикрыв глаза, затягивается ещё раз Стоун. — Пока что рёбер крепче, чем силикатные кирпичи, лично я тоже в природе не встречал. И да, любой запасной вариант ровно на сто процентов лучше его отсутствия, тут тоже согласен… А чего ты мнёшься? Что не так?

— Мне кажется, тот учебник был рассчитан с нулевого уровня занимающегося. И доводить до приемлемого уровня надо было в очень сжатые сроки, плюс упор скорее на широкие массы, в масштабах крайне низкого индивидуального среднего уровня занимающихся. Там не м*а*стера целью было сделать в итоге, а поскорее хоть какой-то работоспособный человеческий материал получить.

— Ты смотри, до чего отрадно видеть такое рвение теоретиков на чужой стезе, — удивлённо бормочет Стоун и даже

приоткрывает глаза на мгновение. — Да, так и есть. Считаешь, твой уровень изначально был выше?

— Да. Потому кое-что для себя адаптировал. И не считаю, а знаю: есть же вполне измеряемые методы проверки потенциала. Хоть и сколько кирпичей за пятнадцать секунд какими ударными поверхностями ты разбиваешь в полёте.

— Пробовал? — мгновенно загорается интересом майор, вскидываясь и даже поворачивая голову.

— Конечно. Хаас и двое с третьего курса кирпичи бросали.

— Сколько?

— Двадцать четыре.

— Это удара или кирпича? — чуть напрягаясь, уточняет Стоун.

— И, и. Один удар — один кирпич. Я по-серьёзному выкладывался: надо было провериться.

— Сколько ударных поверхностей?

— Все тринадцать. По учебнику.

— Откуда две лишние? — хмурится преподаватель, уходя в себя, но тут сам себе и отвечает. — А-а, тыльная сторона ладони… Уважаю, чо!. М-м-м, знаешь, совет я тебе дам по статье. Но не такой, какой ты думаешь.

— Интригуете.

— Ты, видимо, собирался с содержанием поиграться? Тут чуть акценты сместить, там о чём-то недосказать? Так, чтоб всё было правдой — но реальная картинка не моделировалась? — не обращает внимания на моё замечание майор.

— Ну да.

— Предлагаю с точностью до наоборот. М-м-м, а ты кроме того учебника, что-то ещё методическое по теме читал? Вообще, в принципе? Видал, как написано?

— Да. На кафедре было, — перечисляю по памяти полдесятка методичек. — Но там, во-первых, муть. Во-вторых, даже одно рациональное зерно на полкниги надо долго высеивать.

— Вот! Искажать надо не содержание, а форму. Мой тебе совет, а я этих материалов знаешь, сколько перечитал?.. Пиши именно так, как думаешь, и не вздумай ломать содержание. Понимаешь, если тема заинтересует, а она заинтересует, из твоей статьи так и так всё вытряхнут! А вот если форма будет занудной и муторной, это оттолкнёт намного сильнее. — Стоун уверенно смотрит на меня. — То есть, рано или поздно и это прочтут, но далеко не сразу. И не так внимательно. А потом уже и турнир твой пронесётся.

— Занятно. У вас, видимо, мозги иначе устроены и не так работают. — Делаю вывод через пару секунд, на основании

заботливо подсунутых Алексом диаграмм во внутреннем пространстве.

— Да. И именно потому, что я лучше тебя представляю, как работают мозги таких, как я, тебе сейчас и советую. Не пытайся от профи на его же площадке спрятать то, в чём он тоже неплохо разбирается. Сделай так, чтоб у него отпало желание продираться сквозь твою муть в первый момент! Даже если она ему нужна по работе. Сделай ему скучно!

— Хм. Я не знал, что вы и по эмоциональным барьерам можете, — смотрю на здоровяка совсем иными глазами. — Извините. Искренне считал, что вы — типичный силовик.

— «Когда мне было четырнадцать лет, мой отец был большой дурак», — явно цитирует кого-то Стоун, гогоча.

Алекс внутри тоже отчего-то смеётся.

— «Но за последние семь лет он значительно поумнел», — завершает майор мысль. — Не ты первый. Если хочешь, дай мне почитать эскиз того, что наваяешь. Я тебе сразу скажу — можно ли это читать или неудобоваримая блевотина получится. Я своих хорошо знаю, мы все примерно одинаково мыслим и воспринимаем.

_____

По пути от Стоуна обратно на кафедру, по инерции продолжаю удивляться.

Я был весьма далёк от того, чтоб считать майора примитивным идиотом. Но и совета в таком стиле от него тоже не ожидал. Есть над чем задуматься.

Что интересно, искренне удивляюсь не только я, а и Алекс.

Питаться последнее время я почему-то привык где угодно, но не в местной столовой (хотя и могу). На ровном месте приходит в голову мысль, что именно сейчас есть вариант сэкономить как минимум время (на приготовлении у себя) и попытаться успеть на окончание завтрака: по идее, все уже разошлись и тишина со спокойствием гарантированы.

Заняв свой любимый козырный стол у окна (с которого в своё время всё и началось), отдаю должное курице, рису и салату. На кухне в номере всё равно сейчас было бы местами не до конца комфортно, по причинам эмоционального характера.

На казённый комм приходит вызов от какого-то абонента, которого я не знаю. Мужик здорово в годах даже активировал своё изображение из вежливости до соединения, чтоб я мог видеть, с кем имею дело.

Толку, впрочем, всё равно немного: седого джентльмена весьма пристойного возраста вижу впервые.

В столовой всё равно никого нет, да и нервничать вроде

поводов нет. Потому отвечаю сразу. Тоже активировав видеоканал со своей стороны.

— Приветствую. Вы меня понимаете? — начинает он на языке Жойс, глядя при этом не на меня, а на окружающую обстановку столовой. *— Вы бы не могли поставить ограничение громкости на комме на всякий случай?*

— Здравствуйте. Да, я вас понимаю. Я не знал, что тут есть ограничитель громкости. Хорошо, сейчас отрегулирую, — я и правда этого не знал.

Пару секунд разбираюсь с настройками казённой техники, неожиданно обладающей такими интересными свойствами. Оказывается, минималка через динамик и на этом комме (не только у Жойс и Хаас) выставляется на метр, и теперь нас вообще никто не услышит, иначе как подойдя вплотную.

А ведь я и не подозревал в этой модели такого функционала…

— Вы в курсе, что по факту кое-каких интересных действий в Столице сейчас ведётся следствие? Если точно, то в одно время погибли начальники следующих департаментов… — без пяти минут кандидат в покойники по возрасту сообщает мне то, что я и так знаю.

Поскольку приложил лично руку. А Бак перед этим сориентировал по должностям, именам и так далее.

— А вы кто? — уточняю перед тем, как отвечать «да» или «нет» на его вопрос.

— А я заместитель… — звучит первая фамилия. *— Сейчас временно вместо него на должности. Видимо, полтора месяца буду ещё в этом кресле, пока новые назначения не пройдут через парламент.*

— Я очень рад личному знакомству с персоной такого уровня, — вежливо киваю. *— Как и вашему интересу в свой адрес. Но пока не понимаю подоплёки нашего с вами контакта. Надо ли пускаться в рассуждения на тему того, что меня, как жителя своего муниципалитета и весьма мелкую сошку в иерархии местного отделения Корпуса, очень мало волнуют перестановки в креслах небожителей Столицы Федерации? При всём моём к вам уважении?*

— А я лично вам не враг. — Дед уверенно смотрит в глаза, насколько это возможно через связь комма. *— Я звоню как раз затем, чтоб согласовать свою личную позицию с вашей.*

— Лестно. Но непонятно. Тянет сострить на тему повара, с кем Президент советуется в вопросах государственного управления.

— При чём тут это? — старик непонимающе выныривает из

каких-то своих размышлений.

— Ну я точно так же далёк от вашей тематики, — поясняю. *— И мне неясно, нафига вам свои позиции согласовывать с пацаном из Тмутаракани.*

— Понятно… Давайте я тогда подробнее расшифрую свою позицию. Я в своё время отлично ладил с вашим отцом и великолепно его помню. Я не боец, по натуре вообще сибарит и кабинетный червь. — Его глаза с таким заявлением не вяжутся, но он сейчас говорит чистую правду. По крайней мере, искренне считает, что говорит то, что думает. *— И запуск некоторых программ* ***там*** *я отлично помню.* — Местоимение выделено тоном так, что имеется ввиду как бы понимаемый мною скрытый подтекст. *— Но у нас, к сожалению, когда в провинции голая земля и трава — оно никому обычно не нужно. О населении и речи нет ровно до тех пор, пока нет финансового интереса, например, к недрам. А вот когда на местности начинает вырисовываться какая-то инфраструктура и вдалеке начинают маячить денежные выгоды — представители финансистов и силовики моментально оттирают учёных и этнографов.*

Он требовательно смотрит на меня, как будто я ему то-то должен.

Благодаря скорости работы Алекса, у меня уже есть экспресс-анализ ситуации, потому вместо ответа деду я лишь чуть дольше обычного задерживаю веки в опущенном состоянии. Не разрывая беседы и предлагая таким образом продолжать.

— Мне уже шестьдесят семь, и жить осталось намного меньше, чем прожил. К сожалению. С вашей помощью, у меня сейчас есть шанс оказаться наверху иерархии в Департаменте Колоний. Для этого, мне достаточно быстро и эффективно уладить один острый вопрос, который, как назло, завязан на личности. Вы понимаете, о чём я?

— Возможно. Если вы имеете ввиду смешные наследуемые права в одном не менее смешном и весьма удалённом муниципалитете. Который находится даже не на этом континенте, — несмотря на парадоксальность ситуации, я вижу прямой смысл прояснить взаимные намерения и перспективы до конца.

Ещё мастер Донг утверждал, что интересные возможности в жизни часто приходят с таких сторон, откуда их и не ждёшь. Главное — не ломаться и не сгибаться под весом обстоятельств, а просто гнуть свою линию.

— Мне тоже смешно. — Абсолютно холодно и без тени улыбки кивает дед, не сводя с меня глаз. *— Но этот смешной муниципалитет, как вы изволили выразиться, имеет статус*

автономии с расширенными правами местного парламента. Зафиксированный в Конституции Федерации. Что превращает занятную, на первый взгляд, ситуацию, в правовой коллапс. С весьма нетривиальными перспективами для того, кто с ним разберётся.

— Я пока не понимаю своей роли в обозначаемом вами сценарии, — вежливо имитирую головой поклон в ответ из положения сидя. *— Не скажу, что не в курсе; но до сего момента не видел своего в нём участия. По причине отсутствия личного интереса.*

— А давайте попробуем обсудить совместные интересы на уровне возможного протокола намерений? — берёт быка за рога пенсионер, видимо, какое-то своё решение в ходе этого звонка уже принявший. *— Пока несколько вовлечённых организаций только* ***думают****, что предпринять; кое-кто из Департамента Колоний имеет личный план. Рабочий, прошу заметить,* — сухая рука взлетает вверх, делая назидательную отмашку. *— Лично мне это казалось намёком на восстановление возможной исторической справедливости. Пусть и в адрес потомка человека, которого я в своё время уважал.*

— Могу спросить, почему до этого момента я о вас не слышал? — Мне нет нужды подбирать слова, а сказать откровенно сейчас кое-что охота.

— Я не боец. Кабинетная крыса, — напоминает дед. *— Когда машут клинками агрессивные представители непростых фамилий, мелкой сошке навроде меня не стоит высовываться: всё равно не тот потенциал, чтоб что-то изменить. Но вот когда тигры сожрали друг друга, а игровая площадка освобождается и ждёт игрока…*

— …тут-то и наступает время обезьяны с дерева. Я понимаю. Чего вы хотите?

— Предлагаю совместно наложить руки на кое-что в Мвензи, в силу имеющегося потенциала ситуации. С вас — только юридическое присутствие, исключительно в его физическом смысле. Как законного наследника определённого задела, который передаётся в некоторых отсталых местах не избирательным мандатом. А исключительно по крови, от отца к сыну.

— Мой выигрыш понятен, по крайней мере, в потенциале. А ваш интерес каков?

— Я выиграю не меньше. И через подставные компании, которые в виде независимых лиц войдут в проект — но за ними буду стоять я. И в плане карьеры: если из исполняющего обязанности я хотя б на полгода стану просто главой сектора в колониальной администрации … — старик не оканчивает мысли,

красноречиво глядя перед собой. — *Прочие возможности, включая смену рода занятий и карьеру в другом департаменте либо на другом направлении, для меня физически закрыты в силу возраста. Мне под семьдесят,* — напоминает он. — *А возможности типа вашего наличия, извините за канцелярит, есть явления уникальные. Глупо не пытаться договориться открыть вместе замок на двери. Если уж об дверь кто-то иной перед тобой насмерть ошибся. Лично я ничего не теряю, а в случае вашего потенциального согласия приобрести очень даже могу.*

— *Я не против.* — На самом деле, я думал в этом направлении и раньше.

Как и Жойс, собиравшаяся переносить примерно в те края кое-какие плантации и даже людей.

Для самого себя ответ у меня давно готов. Но я, естественно, не мог угадать его величества Провидения, в виде неожиданного звонка этого деда.

— *Есть один скользкий момент. Вы в курсе некоторых демаршей на мой счет? Со стороны одной смежной с департаментом структуры?* — если он в теме, он должен хотя б краем уха знать о некоторых интересных эскападах в лично мой адрес.

— *Вы позволите, я отвечу не прямо? Но не менее исчерпывающе?*

Признаться, он сейчас удивляет меня своей уверенностью.

Дождавшись моего кивка, старик продолжает:

— *Пусть вас не смущает формат нашего с вами общения. Мне важно было, перед кое-какими собственными телодвижениями, заручиться вашим принципиальным согласием. Звонок для этого вполне годился, с учётом того, что вы наверняка в курсе многого, если не всего… судя по некоторым деталям синхронного выгула собак в столице некими неизвестными,* — он многозначительно и дробно смеётся. — *Что до ответа на ваш вопрос… Мой ответ вот. Если безопасность в Федерации, как функция, становится франшизой,* — постукивание пальцами по крышке стола. — *И по этой франшизе некоторые власть предержащие сдают в аренду часть функций управления государством, пусть и исключительно в узкой области… то логично предположить и тот момент, что платежи за аренду от* ***арендаторов*** *должны перечисляться регулярно. И быть немалыми.*

— *Занятно…*

— *Да. Что до этих платежей по франшизе. Сейчас сложилась весьма интересная обстановка, когда они не то что не поступают, а наоборот: требуют денежного потока в обратном направлении. Вы меня понимаете. Если просто продекларировать, что в*

ближайшее время течь в трюме будет хотя бы перекрыта, эта самая франшиза откроется на какое-то время без оговоренных франчайзинговых платежей. За аренду функций у организации, которые вы упомянули.

— У меня есть обязательства по месту работы. — Развить дальше мысль не успеваю.

Поскольку дед перебивает:

— Я видел ваше имя в списке участников одного турнира. Кстати, я именно на нём и собирался с вами встретиться. Забегая вперёд: было бы очень полезно для общего дела войти хотя бы в призёры. Но ваш куратор в Корпусе и так должен был вам это сказать. Попутно! У него свои интересы, но тут тот редкий случай, когда многие вообще несвязанные нити заинтересованностей сходятся в одной и той же точке.

_____

Завтрак в столовой в итоге затягивается на добрые сорок минут.

Несмотря на свою декларацию «просто познакомиться», сидящий на изрядной должности дед ловит момент и пускается в разработку (не отходя от кассы и по горячему) планов нашего с ним взаимодействия.

Попутно, он с невообразимой лёгкостью намечает цели, которые плавно являются задачами его департамента. И, по совместительству, Государства.

Мне, конечно, уже приходилось становиться причиной если и не законотворчества, то, как минимум, правовых и юридических коллизий.

Но до сего момента это имело место лишь в Муниципалитете.

Во внутреннем пространстве Алекс все эти сорок минут издевательски ржёт:

— Выходишь на федеральный уровень!

По-хорошему, ничего плохого дед не предложил. Я где-то ему даже благодарен…

Что не отменяет некоего эмоционального шока у меня — всё-таки, не совсем рядовое событие.

— Интересно, это так совпало? Или Бог действительно есть, и Бак что-то такое и имел ввиду? — рассуждаю во внутреннем пространстве в адрес Алекса.

— Ты о чём? — он качается в своём гамаке, подвешенном у океана, и беззаботно болтает в воздухе ногой.

— Ну смотри. Как сдал этот образовательный минимум, так сплошной рост потенциальных возможностей! Несмотря на все риски и тэдэ. Если бы ещё не с Жойс это всё…

В этот момент, отрывая нас от взаимной с ним пикировки, мой комм привычно активируется снаружи и принудительно.

Смешно, но в этот раз звонков сразу два: капитан Карвальо вместе с Баком, неожиданно возникнув друг перед другом, озадаченно таращатся один на второго.

— Алекс, вообще-то я вам звонил! — Словно в чём-то обвиняя, заявляет куратор.

Как будто я в чём-то виноват.

— И я тоже его набирала, — говорит Камила, обращаясь к Баку.

В глазах доктора Карвальо стоят слёзы, сама она покраснела.

Разговаривают они, что интересно, не на Всеобщем. Камила говорит на Portuguese, Бак — на Кастильяно.

— Так. Пусть он идёт к вам! — принимает решение куратор, видимо, как старший по званию. — Я сейчас тоже к вам в медсектор подскочу!

_____

В медицинский сектор я предсказуемо прибегаю перед Баком.

— Что случилось? — Спрашиваю у Камилы, залетая внутрь.

Местная дверь, кажется, уже давно реагирует на меня, как на саму Карвальо.

Несмотря на слёзы, затрудняюсь классифицировать её эмоции как-то однозначно.

Вместо ответа она виснет у меня на плечах, разводя сырость сверху.

Тут же появляется Бак.

— Ничего страшного, я потом… — роняет бравая капитан и возвращается втихаря реветь за свой стол.

Она отгораживается монитором от нас, поскольку, кажется, ей неловко перед Баком.

— Алекс, вы это сами придумали? — Подполковник держит в руках свой комм, с которого в виде голограммы прямо только что активировал программку, которую я ему посылал.

— Скажем так; тот, кто это придумал на уровне концепции, свои авторские права полностью делегировал мне, — отвечаю, как учила Хаас. — Но вы же понимаете, что это только прототип с весьма ограниченным вокабуляром. Я его набивал вручную, исключительно чтоб протестировать жизнеспособность идеи. Ну и с вами посоветоваться, потому

что сам я в теоретической науке, что баран в апельсинах.

— Да тут не о науке речь, тут скорее о прикладном применении надо говорить, — задумчиво морщит лоб подполковник. — Знаете, я навскидку не готов делать реверансы и раздавать авансы. Но! Судя по тому эмоциональному впечатлению, которое оно произвело на меня и на заведующего кафедрой, будущее у идеи решительно есть. Другое дело, как долго займёт реализация и как скоро может появиться конечный продукт? — он требовательно смотрит на меня, ожидая комментария.

— Есть мнение, что через шесть месяцев можно выдать первый онлайн-переводчик по трем базовым языковым парам, закрывая не менее шестидесяти пяти процентов грамматических ситуаций, и неограниченно — словарный запас. — Цифры я не придумываю и не беру с потолка.

Есть точная информация от Алекса. Онлайн-переводчик — это была его идея.

Он говорит, что это точно такой же инструмент в нашу эпоху, как и электрическая лампочка или печь на кухне. Только у нас почему-то на него и намёков нет. Хотя и инфраструктура, и коммуникационная потребность, и программное с аппаратным обеспечения в обществе потенциально давным-давно налицо.

— Я услышал цифры. — Уверенно кивает Бак. — Я вообще-то за ними и шёл. Почему то не хотелось спрашивать по телефону, — признается он. — Видимо, старческие суеверия… У нас, конечно не профильная лингвистическая кафедра. Но, если говорить о *крыше* проекта на федеральном уровне, то мы её себе можем позволить вполне законно. Единственное но: у него же всё-таки гражданская сфера применения? Насколько могу судить, в девяноста процентах случаев это же не армейский инструмент?

— Господин подполковник, так я и не армейский человек, — резонно ему возражаю. — Я мыслю категориями гражданской экономики и абсолютно цивильными экономическими мотивами, которые вижу вокруг себя. У меня личные обстоятельства сложились так, что под пять языков знаю на уровне родного — просто близкие в своё время постарались и вколотили базу. Я в вашем Корпусе всего-ничего, но без этой языковой базы на сегодня даже не представляю, как функционировать в современном мире. Только вот кроме меня есть масса людей, которые и трёх языков не знают. Логично возникла идея, так сказать, протеза для них. Без которого в сегодняшнем мире очень

сложно.

— Протез… — куратор задумчиво барабанит себя по коленке.

— Да. Прототип такого протеза я на коленке и набросал.

— Вы не подумайте, что я обесцениваю! — спохватывается подполковник. — Всё логично, и вы правы… Это просто наша профессиональная деформация — на всё смотреть с *нашей* утилитарной стороны, — словно оправдывается он. — Алекс. Но я ведь и не только за этим шёл, по большому счёту. Вам должны были позвонить. — Он пронзительно смотрит на меня. — Из столицы. Я некоторым образом в курсе и звонка, и его темы. Вам звонили?

— Да.

— До чего договорились?..

_____

Там же, через пять минут.

Бак только что вышел.

Камила, проводив его взглядом (для чего она смешно высунулась сбоку из-за монитора), моментально вскакивает из-за стола и бросается ко мне:

— Смотри! — Карвальо чуть не силой подталкивает меня к своему рабочему месту и запускает изображение.

На экране вижу, что камера из внутреннего пространства реанимационной капсулы показывает лицо Жойс.

Та очень слабо улыбается уголком рта и вроде как подмигивает нам левым глазом, глядя в камеру из-под опущенных век

— Чоу сейчас занята. Говорит, что всё нормально. Она сама зайдёт позже. — Камила торопливо выдаёт слова, как будто боится, что её перебьют. — Говорит, сыворотка начинает чистить зрение и речевой аппарат в первую очередь. Вот вроде как глаза у неё уже работают; с моими датчиками тоже согласуется.

Жойс, словно подтверждая сказанное, дёргает всё тем же левым веком три раза подряд.

— Она нас слышит? — Уточняю у Камилы.

— Да. Я, когда она не спит, отсюда всю телеметрию ей транслирую, — кивает наше медицинское светило.

— Жойс, ты нас слышишь? — спрашиваю громко.

В ответ левый глаз снова моргает.

— А сама почему не спросила? — на всякий случай уточняю у нашей капитана.

— Боялась, — всхлипывает Карвальо и повторно повисает на моих плечах.

Упираясь своими бубонами мне под подбородок.

— А помнишь, нам Жойс переспать разрешила? — спрашиваю, утыкая палец в один из них.

Камила тут же взвивается в воздух с места и отскакивает на шаг:

— Идиот?!

— Ладно, ладно, я так спросил! — примирительно поднимаю вверх ладони. — Не успели так не успели…

— Идиот, — ворчит Карвальо, моментально успокоившись.

Я, кстати, давно заметил: интимная тема, особенно в моём исполнении, её почему-то моментально раздражает и переключает с любого рода размышлений.

— А вот это было почти обидно, — назидательно выпрямляю вперёд указательный палец. — Могла ведь и мою самооценку уронить!

— Жойс тебе её скоро сама поднимет, — уже полностью овладев собой, буднично отвечает наша доктор.

И, усевшись за стол, начинает изображать игрока на фортепиано по клавиатуре:

— Сейчас попробую поближе датчики подвести, чтоб по импульсам хотя б по вопросно-разговорной системе диалог с ней наладить, — роняет Камила через плечо, погружаясь в какие-то манипуляции и особо не обращая на меня внимания.

Глава 28

Ещё какое-то время Камила не говорит ни слова, будучи полностью поглощенной манипуляциями.

— Жойс, скажи что-нибудь! — просит Карвальо через долгих пятнадцать минут.

Вместо ответа Жойс красноречиво моргает одним глазом.

— Ух ты, я и не думал, что одним зрачком можно столько эмоций передать, — замечаю из-за спины нашей капитана.

— Я попыталась откалибровать кое-какие датчики. Возможно, получится считать нервный импульс, а озвучивать за тебя будет динамик, — с нездоровым энтузиазмом в голосе поясняет Камила, глядя в экран. — Сейчас минуты две всё время пытайся что-то говорить. В принципе, с искусственной вентиляции и с кардиостимуляции я тебя сняла, — наша доктор словно размышляет о чём-то вслух. — Наводок быть не должно. И это… понятно, что говорить у тебя сейчас скорее всего не получится! Но я пытаюсь настроиться на твой импульс. Дай мне несколько минут!

Несмотря на почти полное отсутствие мимики, лицо Жойс едва уловимо меняет своё выражение. Какое-то время она, видимо, пытается исполнить пожелания доктора Карвальо, потому что Камила в это время изображает на клавиатуре компьютера джазового пианиста, с азартом пытаясь выровнять бегущие в разные стороны (и с разной скоростью) столбики таких-то диаграмм.

— Ну что, как вы там без меня, прелюбодеи? — неожиданно раздаётся абсолютно лишенный человеческой интонации голос из динамика.

В первый момент даже я почти вздрагиваю, хотя чего-то такого подспудно и ожидал.

Карвальо радостно взвизгивает, подпрыгивает на стуле, затем вскакивает с него и принимается тискать меня, словно любимую собаку.

Скрежетание динамика, очевидно, должно изображать смех в исполнении Жойс.

— Рассказывайте, что тут было? — богатой интонацией давно поломанного робота выдаёт техника. — Я, честно говоря, боялась, что с ума сойду. Ужасные ощущения. Камила, ты меня вернёшь в люди? Надеюсь, паралитиком не останусь?

— Не должна, — уверенно и серьёзно отвечает Карвальо. — Сыворотка из Китая. Я в деталях всего сказать не могу, потому что сама не знаю. Но если тебе сейчас сказать, сколько она

стоила, то сомневаться в её эффективности ты тоже не будешь, — несмотря на глупую улыбку, Камила сейчас то и дело смахивает с глаз слёзы.

— Не предполагал такой эмоциональной сентиментальности за нашей железной капитаном, — подаю голос из-за спины врача. — Жойс, у меня для тебя две новости, плохая и хорошая.

— Началось… — скрежещет динамик.

Ровно через секунду присоединяясь глухим карканьем к нашему с Камилой смеху.

— Твои коллеги вынесли таможенные склады с нашим товаром, выставив меня на миллион с лишним. По твоему завещанию я оказался единственным наследником; обязательства по обязательным платежам в бюджет тоже перешли мне.

Видимо, когда мы втроём, атмосфера электризуется совершенно определенным образом. Потому что в этом месте все, включая меня, опять смеются.

— Как выкрутился? — интересуется моя половина. — Судя по тому, что ты здесь, не арестован, с целыми руками и ногами — каким-то образом ты эту проблему всё-таки решил?

— Да. Пришлось обратиться к твоему коллеге по фамилии Ло. Разжился у него на время кое-какой техникой. Потом нацепили эту технику Ло на технику Фельзенштейна, а дальше дело техники. Пардон за тавтологию.

— Фигасе ты грамотный, — опять каркает динамик, транслируя таким образом смех Джойс. — Что, и весь товар тоже вернул?

— Ага, сейчас… Блажен, кто верует. Слишком много хочешь. Вытряс деньги на пошлину и твоё лечение, с небольшим запасом. Во-первых, товар обратно вывозить всё равно было бы нечем. Да и не пускают сейчас в наш Муниципалитет никаких таких грузов, ты просто не в курсе… Во-вторых, если бы я им заломил полную стоимость, у них возникли бы мысли: оплатить или нет? Всё-таки люди военные, могли и на принцип пойти. А так, сделал по учебнику: если цена вопроса меньше его стоимости, та сторона всегда заплатит эту цену, не торгуясь. Даже если нет денег — одолжат где либо, либо достанут в другом месте.

— И где ты только этому успел выучиться. — Несмотря на то, что техника интонаций не передает, лично мне отчётливо слышно: Жойс сейчас искренне веселится.

— Да есть тут добрые люди в округе, которые подсказали… — не говорить же, что я тот учебник специально для этого читал. Плюс, из науки Алекса кое-что почерпнул да с Гутей советовался. — Знаешь, я тогда подумал. Если ты будешь жива — мы что-то ещё придумаем. А включаться в тягомотину с

войной за товар мне почему-то не захотелось. Не до того было…

— Я понимаю, — единственный пока рабочий глаз Жойс смотрит весело и серьёзно одновременно. — Интересно, если я в итоге буду хромать, дёргаться, словно паралитик, заикаться и тому подобное… как будет выглядеть наша семья?

…

Через тройку минут Карвальо уже говорить не может от истеричного смеха.

Незаметно за беседой проходит ещё пара часов. Вроде и новостей особых нет, а пока всё обсудили…

_____

— Можешь перетаскивать все свои вещи сюда! — сообщаю с порога Анне.

Сам направляюсь в санузел, начиная сбор своих вещей оттуда.

— Что ты имеешь ввиду? — моментально напрягается наша звезда юриспруденции, стаскивая с себя наушники и прекращая танцевать что-то донельзя странное на моей большой кровати.

— Заселяйся пока в мою комнату, на неопределенное время. Потому что быстро она мне не понадобится. Я пока переселяюсь в медсектор. В ближайшее время двину на турнир — Бак говорит, надо хотя б недельку на тех полях побегать своими ногами, — поясняю. — Я тут после всего вроде как на особом положении. Поэтому разрешили номер пока не сдавать и оставить его за собой.

— Ничего себе, — блондинка без затей падает на пятую точку, благо, кровать такое позволяет (ещё и с её весом). — Прико-о-о-ольно. Раньше не слышала, чтоб за кем-то помещение закрепляли.

— А раньше было много таких ситуаций? Как со мной? — парирую, оглядываясь, не забыл ли чего.

С другой стороны, вещей у меня немного. Даже включая немногочисленные предметы, принадлежащие Жойс. В стандартный рюкзак всё помещается с первого раза.

— Логично, — соглашается Хаас. — Ты вообще один сплошной юридический коллапс. Не имевший прецедентов. Ну ладно… Хм, надо бы что-то сказать сейчас, но ничего в голову не лезет.

Вместо ответа, она подходит вплотную и обнимает меня.

Самое смешное, что в очередной раз в её действиях нет ни малейшего сексуального подтекста — спасибо чипу, всё как на ладони.

— Блин, вот мозгами понимаю, что ты рядом, — жалуется она. — И что, по большому счёту, ничего не меняется. Но как

будто чего-то будет не хватать.

— Рискну предположить банальности о сформировавшихся маркерах эмоционального комфорта, — смеюсь. — Я б ещё понял, если б у тебя были какие-то иные планы, — решаю не фильтровать текст и позволить себе быть до конца откровенным. — Но ты не воспринимаешь меня, как мужчину; и в таком качестве во мне не нуждаешься.

— Угу. Я и сама думала об этом. — Признаётся она. — Вроде как мозгами мне с тобой комфортно. Эмоционально — тоже. Но сколько ни пыталась представить, как мы с тобой детей делаем, абсолютно не впирало.

При этом, она стоит, касаясь меня и продолжает держать меня вплотную к себе.

— Хм. Доктор Карвальо назвала бы нашу с тобой ситуацию даже не двусмысленностью, а несоответствием декларируемого реальности, — смеюсь, забрасывая рюкзак за спину.

— Доктор Карвальо вообще многое оценивает с позиций личной системы ценностей, — надувается маленькая блондинка. — Она почему-то искренне считает: если она думает и воспринимает что-то именно так, значит, и другие должны думать, как она.

— Есть такое… Ладно, буду нужен — звони! Я пока живу в медсекторе.

— Жойс в себя пришла? — с запозданием догадывается Хаас.

— Угу. А Карвальо оформила моё какое-то там наблюдение и патронаж в свете бывшей травмы и грядущего участия в турнире. Кстати! А ты на турнир поедешь?

— Даже и не думала, — нехотя отзывается Хаас, наконец размыкая руки и прыгая спиной вперёд на кровать. — Сейчас тут типа как есть что делать. А с другой стороны, такое мероприятие тоже не каждый квартал. Вот не знаю…

— Бак говорил, если бы ты смогла поехать со мной, в качестве дублирующего секунданта, это было бы каким-то там офигенным решением многих потенциальных вопросов. Но он ещё говорил, что это для тебя нагрузка сильная, — на ходу взвешиваю, сообщать ли ей всё в деталях и подробностях или нет.

Анна предсказуемо ориентируется в реалиях не хуже меня или Бака:

— Он имел ввиду, что я себя там противопоставлю одарённым. Логично, с одной стороны… но только уже не работает, — легко отмахивается она. — Те, кто из нашего муниципалитета, против ничего даже не вякнут. А те, кто из других, да пусть хоть слюной захлебнутся.

Она отчего-то подхватывается из удобного горизонтального

положения и снова подлетает ко мне:

— Знаешь, я ж тебе не сказала! Мы сейчас первые в негласном рейтинге всех кланов… по темпам роста активов. — Звезда юриспруденции утыкается носом в мой рукав, изображая щенка. — Твой куратор просто не в курсе. Так что, негатива из всех муниципалитетов и так хватает. А ты бы хотел, чтоб я поехала?

— Да. Бак говорит, там тот ещё паучатник. Говорит, что психологически будет весьма неплохо, если кто-то из сильных адептов будет рядом. Ну, для своего возраста сильных, — поправляюсь. — Слушай, всё хотел спросить! А почему ты сама на этот Турнир не заявилась? Стоун сказал, что в своей группе и возрасте ты чуть не фаворит?

— Блин, вот так живёшь с человеком, считай, вместе — а он даже не в курсе, что тебе интересно, — изображает интонации Жойс Анна. — Алекс, ну нафига это мне?! Знаешь, сколько в Федерации кланов и бизнесов *нашего* уровня?

— Думаю, что много.

— Дурак, что с тебя взять, — нейтрально пожимает плечами молодая юристка. Впрочем, абсолютно беззлобно. — Ты, видимо, учитываешь сейчас и те бизнесы и кланы, которые интегрированы в долгосрочные государственные программы. Вот сообщаю тебе, как друг: абсолютно автономных от государства кланов совсем немного. Из них, крупных и растущих ещё меньше. Семь или девять, смотря как считать.

— На всю Федерацию? — удивляюсь в первый момент. — Так ты всё равно что принцесса?

— Угу. Вот а теперь ты мне скажи… Ну и нафига мне этот турнир? И, главное: что лично я с него б поимела, даже выиграй я его? Уже молчу, что меня абсолютно не привлекают ни синяки, ни переломы, ни даже царапина на ноге, которая заживёт завтра… Знаешь, у нас в семье пословица есть. Только не обижайся, — как-то по-взрослому смеётся она. — Стаями тусуются только воробьи, ну ещё вороны. А орлы — они в одиночестве и в вышине. — Анна задумчиво чешет нос. — Ладно. Давай с тобой съезжу, как секундант. Может, и стоит развеяться, — без какого-либо перехода заключает она.

Похлопав друг друга по спине и договорившись о взаимодействии в процессе подготовки, хлопаем друг друга по ладони и прощаемся.

_____

Беседа в одном из столичных особняков. Элитный район.

— Ну что, есть информация? — более молодой собеседник старательно смешивает стеклянной палочкой овощное пюре с

соком в специальной пиале.

— Пока только предварительные прикидки. Точной сетки ещё нет, не все заявились на участие. — Мужчина постарше, но внешне похожий на молодого, грузно садится на пустой стул.

— В смысле, не все заявились? Как это возможно?!

— Ну, не все подтвердили участие. Приём заявок уже закрыли, да. Но ещё ж этап подтверждения есть. Вот пока процентов тридцать остаются в подвешенном состоянии. Кто медицину не прошёл, кто ещё вообще не доехал.

— Ладно… Давай тогда ориентироваться на тех, кто уже точно участвует. Есть мысли по откровенным аутсайдерам?

— Да. Есть такие мысли. Вот тебе из разряда сенсаций: в общий зачёт заявился какой-то простодыра.

— Э-э-э, как ты сказал?..

— Неодарённый. Причём, апломба там на два Совета Директоров. Его, говорят, на стартовой квалификации допускать не хотели даже. Но он всё равно пролез.

— А зачем это дурачку? — сейчас спрашивающий действительно искренне удивлён. — Не боится сдохнуть? Или искренне дебил?!

— Ой, там мутная история. Судя по деталям, всё равно ничего не выкопаем — я и вопросов задавать не стал.

— Ну не тяни! Из тебя что, всё надо клещами тянуть?

— В общем, он из того самого муниципалитета, который сейчас под Меморандумом. И с ним секундантом приехала младшая Хаас.

— Ух ты!

— Ну. Дальше так. В программе он заявлен не от их Клана, а вообще от Министерства Обороны. Получается, типа как федерал.

— Как интересно, — многозначительно двигает бровью молодой. — Из муниципалитета под Меморандумом — но федерал. Какой-то вояка, поди?

— Боже упаси… пацан ещё, несовершеннолетний. Он от кафедры какой-то тамошнего Корпуса. Выставила его та кафедра, а Министерство участника согласовало и подтвердило. Исходя из своих внутренних данных по этому участнику; там типа засекречено, кто он.

— Занятный способ самоубийства, — задумчиво выдаёт молодой через несколько секунд. — Ну и хорошо. Сможем сделать, чтоб я с него начал? Нас как-то в сетке можно свести в первый день?

— Не хочешь напрягаться на старте? — в голосе старшего мужчины слышны чуть покровительственные нотки.

— Да. Не хочу.

— Хорошо, сделаем. — Пожимает плечами собеседник. — Не финал. По крайней мере, постараемся. Как ни смешно, но с ним пока никто не рвётся столбить место.

— Опасаются какого-то подвоха?

— Видимо, да. Хотя, сейчас тот редкий момент, когда я с тобой солидарен на все сто. Нашли кого бояться…

— А сами Хаас не участвуют?

— С чего бы? У них только девка эта, брат её уже вырос же. А она вообще не по этой части, насколько я знаю.

— Годится… В общем, заявляй меня так, чтоб я на тот муниципалитет в первый день попал? На этого пацана желательно первым.

Глава 29

— Далеко? Надолго? — Фельзенштейн, попросивший зайти к нему в ангар, как обычно, делает три дела одновременно.

Гоняя по кругу две группы дронов, он, как я понимаю, занимается тем, что у нас называется тренировкой. В принципе, вести столько объектов синхронно, да так бросать их на цель… скажем, видна набитая рука опытного человека. Со специально под этот вид деятельности заточенными рефлексами.

С другой стороны, я в его специальности и ноль без палочки. Может, на самом деле это всё и не так сложно; просто я б на его месте так же смог далеко не сразу.

Во-вторых, он вовсю общается сразу в нескольких чатах текстом, причём на паре языков. Один из них — Всеобщий; второй, как понимаю, его родной (судя по абсолютно нечитаемому для меня алфавиту).

В-третьих, он параллельно общается со мной (из-за чего и хотел, чтоб я к нему зашёл).

— Турнир, Столица. Если хочешь, зайду попозже, если ты занят. — По себе знаю, когда делаешь несколько дел одновременно, лучше бы твой собеседник говорил коротко.

— Нет, не надо попозже… ты мне не мешаешь…

Он отправляет команду аппаратам заходить на посадку, для чего раскрывает крышу ангара. Чаты тоже сворачивает волевым решением руки.

— Об этом и хотел поговорить. — Моше указывает на летящие вниз аппараты, откидывается в кресле и, сложив ладони перед собой, барабанит пальцами одной руки о другую. — У меня готов парк дронов для почтовых услуг, как мы обсуждали. Я бы хотел запустить скромный пилот на пробу прямо сейчас. Скажем, клиентов сорок, только постоянных, в тестовом режиме.

— Упс. Не ожидал, что будет так быстро, — признаюсь. — Я думал, ты ещё с месяц аппараты собирать будешь?

— С чего это вдруг? — удивляется он. — Тут требования на порядок ниже чем те, что у нас с тобой были… — он не развивает мысль, понятную обоим. — *Живучесть* вообще неважна. Надёжность в эксплуатации тоже вторична. Сделал по-быстрому, из говна и палок, что у вас в широком обороте есть. По самым низким ценам закупался. Часов пятьдесят моторесурса на единицу есть — и хватает. А там, если всё *пойдёт*, масштабироваться будем уже из нормальных материалов. — Он требовательно смотрит на меня, ожидая ответа.

— Ничего себе… Я просто по аналогии думал. Не ожидал, что

гражданское назначение встанет настолько проще.

— Ну так конфиденциальность нам неважна, — пожимает плечами он. — Если аппарат сгорит и рухнет — лишь бы не на голову кому. С тем же блоком РЭБ можно вообще не надрываться, я вашей сотовой сетью воспользуюсь: они открытый контракт дают, им тема тоже интересна.

За кадром остаётся тот понятный нам с ним момент, что в нашей с ним предыдущей практике текущая дислокация аппаратов была строго конфиденциальной. И, узнай о ней тот же сотовый оператор (как поставщик услуг передачи данных), в той же Столице всё могло закончиться намного сложнее.

— Не подумал. Каюсь.

— Ну хорошо, что я угадал, — нейтрально замечает он. — Что ты можешь быстро свалить — и дело повиснет. Я тактичный, — он улыбается во все тридцать два и откусывает булочку, которые потребляет, кажется, десятками. — Будешь?

— Боже упаси… теста сейчас точно не буду… В чём наш затык?

— Как фоговафивались, — он наконец справляется со слишком большим куском и продолжает уже нормально. — От тебя для начала оформление документов.

— На какую тему документы?

— Во-первых, надо принимать куда-то деньги от клиентов. В вашей местной юрисдикции, а не в Израиле. У вас с этим строго. Во-вторых, есть очень интересные заказы на срочную корреспонденцию в режиме реального времени между юридическими лицами. — Моше пристально смотрит на меня с каким-то нездоровым предвкушением. — А для того, чтобы я принял обязательства в адрес контрагентов нормально — и чтобы они мне поверили — для заключения снова договора нужен кто-то местный. Два в одном, так сказать.

— А ничего, что я несовершеннолетний?

— Ой, не парь мозги, — отмахивается он. — Как раз это гораздо менее серьезный барьер, моё израильское гражданство. Хочешь, прямо сейчас позвоним твоей блондинке-малолетке — и она на коленке двадцать три схемы нарисует, как всё сделать? И ещё про сто три сходных на словах расскажет?

— Точно. Про Хаас я почему-то не подумал…

———

Там же. Через час.

— Ну видишь, я же говорил, — Моше просто лучится позитивом и оптимизмом. — Теперь только один вопрос остался…

— Счета же Анна откроет. Ты дашь ей доверенность, а она

заодно инвестицию от налогов освободит. Или я что-то не так в вашем разговоре понял?

— Да я не об этом, — досадливо кривится он. — Принципиальный вопрос: ставим мега-цель, вдвоём? Или так, по-быстрому поиграемся?.. Уточняю исключительно затем, чтоб понимать, как самому относиться, — предвосхищает он рвущийся у меня наружу вопрос. — Если завязываемся всерьёз, я тут буду залипать надолго. И ближайшие пару лет от вас никуда не денусь. А если ты, как обычно, планируешь потом на что-то переключиться, то лучше сразу меня предупреди? Я не буду грандиозных ожиданий плодить, и просто домой через квартал вернусь.

— Как-то круто всё в меня одного упирается, — задумываюсь. — Вроде, я ж не такая большая персона, чтоб из-за меня твой план так радикально корректировался?

— Не скажи, — не спешит соглашаться он. — В вашей юрисдикции прозрачный бизнес будет делать или иностранец-дебил, до невозможности наивный и оторванный от реальности, или … Скажем, я с теми же Хаасами напрямую не сойдусь без тебя. Оформлять *на себя* всё законно — не вариант, пока я у себя *там* числюсь, — он неопределённо кивает в сторону монитора. — А кому-то ещё я настолько просто не доверяю, как тебе.

— А Чоу? — мне неожиданно приходит в голову мысль.

— Не в этом вопросе, — снова качает головой Моше. — Она, кстати, в моём же положении. Она может только юридическим лицом посоучаствовать. А мне это не интересно — у китайцев потом свои потоки денег и клиентов ловить… они со мной год поработают — а потом пятнадцать контор знаешь с какими бюджетами откроют? Причём, будет это исключительно мелкий, по их меркам, бизнес. С восьмидесятипроцентной дотацией от их развесёлого государства.

— Слушай, а что, тут буквально такой рынок, что есть из-за чего подобным образом огород городить?

— Триста тысяч отправлений в самый первый год, от пяти до двадцати пяти монет за отправление. Это стартовая ёмкость рынка, причём только в агломерации. Для меня деньги, для тебя деньги. Для китайцев — шелуха от кукурузы. Пока что. НО, — он тянется за второй булочкой. — Опыт на других рынках говорит: как только компания твёрдо проработает год, полтора, рынок начинает расти чуть не по экспоненте.

— За счёт чего?

— Формирование культуры потребления услуги, — он пожимает плечами. — Просто пока оно немного где есть, соответственно, у непричастных информации мало.

— Невовремя. — Говорю честно, чтоб не тянуть резину.

— Ты обещал.

— Я смогу точно ответить недели через три?

— Откуда такой срок? — моментально впивается в меня взглядом израильтянин. — Почему не две недели, или не одна? Не давлю, — он предостерегающе поднимает руки. — Просто хочу понять твою логику, чтоб видеть перспективу.

— Во-первых, надо понять, когда Жойс встанет на ноги; и что для этого понадобится. Чоу обещала точный прогноз суток через пять, не раньше…

— А что там может быть?! — Фельзенштейн искренне не понимает.

— Как вариант, смена климата на период реабилитации. — Теперь пожимаю плечами уже я. — Могут сказать, что наша середина материка ни разу не годится. И что надо ехать к морю. Как самый простой вариант.

— А-а-а…

— Во-вторых, Турнир. Знаешь, я тоже думаю, что *там* всё будет нормально. Но мне уже стали в личку с анонимных акков намёки и обещания слать, так что грамотнее будет всё же там отвыступать сперва. Потом с тобой договариваться окончательно

— Что за угрозы? — моментально просекает суть Моше. — Чем грозят, чего хотят? К своей безопасности федеральной не хочешь постучаться?..

———

Регистрация на турнир, как оказалось, традиционно разбивается на несколько этапов.

Первый из них проходил вообще из Корпуса. За него формально отвечал мой куратор; и я до последнего момента искренне считал, что это всё чистая формальность и есть.

Оказалось, что это было не совсем так. Точнее, даже совсем не так.

Когда я, по просьбе подполковника, в оговоренное время зашёл к нему на кафедру (чтобы поставить оттиск своего большого пальца туда, куда он скажет), Бак до последнего момента выглядел жизнерадостным и даже где-то легкомысленным.

Я по его команде мазнул пальцем по сканеру на его рабочем месте и уже собирался уходить, когда он жестом попросил присесть в углу и на пальцах выбросил, что нужно подождать минуты три, пока что-то там прогрузится.

Через три минуты, как водится, ничего не случилось. Ещё через минуту Бак напрягся, широко раскрыл глаза и удивленно поднял брови на затылок.

Беззвучно выматерившись и по инерции пошевелив губами, он принялся ожесточенно барабанить по клавиатуре, словно кому-то что-то доказывая в письменном чате.

Мне отчего-то при виде его изменившегося настроения стало весело. Не уловив остроты момента, я позволил себе вполголоса шутку на тему рыбы, которая никак не желает ловиться.

Подполковник в ответ покраснел, взорвался руганью и сказал сидеть на этом стуле, не вставая и не раскрывая рта.

А сам куда-то быстро убежал.

Вернулся он через целых полчаса; правда, уже с каким-то полковником под руку. В его спутнике я запоздало вспомнил то ли начальника штаба, то ли кого-то в этом духе.

Полковник уверенно и вальяжно похлопал Бака в районе плеча, после чего уселся на его место и принялся было общаться по тому же каналу, что и куратор.

За следующие тридцать секунд уже лицо полковника сменилось на озадаченное и от былой вальяжности не осталось и следа. Дальше он выдал примерно ту же тираду, что и Бак; только чуть другими словами.

А потом они оба впились взглядами в меня, безальтернативно требуя вызвать сюда Хаас.

Хотелось, конечно, спросить их: а почему они не могут позвонит ей сами? Тем более, обладая всей полнотой необходимой власти.

Я уже даже начал открывать для этого рот — но по предостерегающим гримасам Бака понял, что дискуссия сейчас будет не лучшим вариантом.

Анна тут же ответила на вызов; добросовестно бросила всё, чем занималась и примчалась в течение десять минут. После чего моментально была усажена военными за личный терминал подполковника.

В отличие от офицеров, она общалась в том чате как бы не полчаса. Затем Хаас извлекла личный комм и на родном языке ещё минут пять на повышенных тонах о чем-то переговаривалась с отцом.

В итоге, консорциум из двух старших офицеров и одной маленькой блондинки-учащейся заявил мне (ещё через час): в моём пребывании на кафедре срочной необходимости нет. Следовательно, я могу не протирать здесь штаны и не висеть над душой у занятых людей, которые сейчас решают *мои* проблемы.

Благоразумно удержавшись от замечаний на тему того, что *у меня* как раз проблем нет, я коротко кивнул им и пошел к себе и Жойс в медсектор. Напутствуемый в спину окриком Бака быть всё время на связи — и явится сюда в течение минуты, по его

первому требованию.

Анна, во время этого офицерского пассажа расположившись методически грамотно за спиной моего куратора, только наморщила лоб и отрицательно провела ладонью перед собой. После чего показала мне жестами, что я могу спокойно идти спать до утра.

Сама она, кстати, появилась на связи, из моего номера, буквально через час и сообщила, что всё улажено:

— Из-за нашего Меморандума есть ряд вопросов, вообще по всем без исключения федеральным мероприятиям, с нашими участниками. Было даже процедурное разъяснение; но кто-то в Министерстве не уведомил твоего куратора, — зевая, сообщила Хаас.

— А ты буквально можешь решать и такие проблемы в одно касание? — я в очередной раз поразился возможностям маленькой блондинки.

— Пришлось. И не я, а папа. Скажем, когда они просят *меня*, уже я могу напрячь своего отца, — посмеялась она. — Все же хитрые! Получается, заявление делается от имени Муниципалитета, а твой куратор ничего моей семье не должен, потому что, формально, с просьбой к отцу обращался не он.

— Век живи — век учись, — остаётся только присвистнуть.

Я этого момента вообще в упор не понял.

_____

На медицинской комиссии многолюдно было только в приёмной.

В самом здании, специально отведённом для всевозможных видов тестирования, согласно целому ряду регламентов, обеспечивались тишина и порядок.

Невысокий парень, получивший уже в регистрационном комитете бейдж участника Турнира, мазнул пальцем по сканнеру на входе и придержал открытую дверь, пропуская впереди себя маленькую светловолосую девочку с голубыми глазами.

Кто-то незнакомый с этой парой близко мог бы предположить в них брата и сестру, уж слишком ненаиграны были неуловимые интонации в их общении. Однако из толпы друзей, родственников и просто сопровождающих, не допускавшихся внутрь медицинского сектора огромного комплекса олимпийского класса, раздались отдельные голоса:

— Хаас. Вон та девчонка — младшая Хаас, Анна.

— Она участник?!

— Нет, что ты… секундант, читай в программе…

Следом за девочкой по фамилии Хаас в двери вошла большая собака бежевого окраса, ведомая самой Анной на поводке. На морду

собаки, в соответствие с недавними изменениями столичного муниципального законодательства, был надет жёсткий фиксирующий намордник, а на лапы — специальный мешочки, скрывавшие когти.

В тот момент, когда Хаас и её подопечный участник входили в здание, из него же выходил высокий брюнет, в котором многие легко узнавали представителя одного из столичных кланов.

Спутник Анны Хаас чуть замешкался, пропуская вперёд саму девочку и её собаку.

Выходивший брюнет, сопровождаемый кем-то из секундирующих родственников (судя по внешности и одежде), не сбавляя хода, столкнулся с субтильной представительницей юридического клана. За счёт большей массы, он сбил её с ног, весело хмыкнув:

— Аккуратнее! Смотри под ноги!

Вскинувшийся пёс глухо зарычал, дёргая поводок из рук хозяйки и, несмотря на намордник, бросаясь на обидчика.

В следующий момент водная плеть, соткавшись за доли секунды из воздуха, аккуратно отделила голову пса от туловища.

— Сюда раньше с собаками не пускали, — осклабился брюнет, переступая через тело собаки и весело глядя на ворочающуюся у стены девчонку.

_____

Разговор двух неустановленных абонентов.

Запись с коммутатора спецсектора военной полиции.

— …господин подполковник. Извините, что тревожу, нештатная ситуация. Вы говорили в таких случаях всегда звонить вам.

— А что случилось? Алекс, да, внимательно вас слушаю?

— Господин куратор, я только что убил человека при входе на медицинскую комиссию. Инцидент произошел из-за немотивированного нападения на Анну Хаас и на её собаку. Собака нападавшим убита первой, я действовал в рамках самозащиты.

— Так, дайте сообразить… Ладно, я вам всё, что думаю, потом выскажу… Вам известно, кем был убитый? Второй вопрос: какой помощи прямо сейчас хотите лично от меня?

— Анна говорит: если вы оформите собаку, как служебную по министерству обороны, это автоматически решит все мои юридические проблемы здесь.

— Но оформлять нужно задним числом, правильно понимаю? — Не дожидаясь ответа, человек на другом конце провода продолжает. — Электронный паспорт собаки мне где взять? Так, сейчас… комм возьму…

— Прямо сейчас отправляю на ваш личный комм… Червяк ползёт, жду; отсюда связь плохая… Вот, прогрузилось!

— Ну ничего себе… Вы как будто заранее год готовились, что этого пса у вас убивать будут… Извиняюсь, если Хаас нас сейчас тоже слушает. Когда вы на него успели полный пакет документов сделать?!

— Это была любимая собака Анны. Они с ней одно время… — Говорящий из полицейского сектора осекается и что-то недоговаривает. — Господин подполковник, она вот прямо сейчас спрашивает: можете ли вы помочь? Если да, то через сколько времени? От этого просто зависит какая-то её позиция по приезде штатного дознавателя.

— Передайте Анне, что с её стороны было очень любезно запастись документами, — сварливо говорит тот, кого называют подполковником. — Сейчас… Так, паспорт собаки внесён в вашу личную карточку, с первого числа сего месяца. Алекс, если делать быстро, я не смогу его оформить на Анну: её куратором я не являюсь, в отличие от вас. Доступа к редактированию её дела не имею. Зарегистрированная на вас собака годится для её позиции у дознавателя?

— Да, спасибо огромное! Она говорит, что всё идеально! Она видит статус через систему! Собака тоже сотрудник Министерства!

— Алекс, Вы не ответили… Кем был убитый?

— Хаас говорит, какой-то клановый из Столицы, какие-то их старые дела. Вроде как они защищали в суде у нас в муниципалитете тех, кто с этими длинными за какую-то лицензию спорил. Он её увидел — и решил по мелочи оттопыриться..

— Слушайте, я спросонья не соображу. А каким образом вы не под арестом? Вас что, отпустили после всего по городу гулять?!

— Нет, не отпустили. Доставили в специальный сектор военной полиции и заблокировали внутри этого сектора.

— Уже боюсь дальше спрашивать… Что, прямо вместе с вашей подругой? Представляю, что её родитель потом заявит…

— Да, вместе с ней. Она сказала, что она мой законный представитель по целому ряду дел против государства, дела в производстве. Государство не только в муниципалитете, а в том числе и по Федерации. И что если не прибудет какой-то хрен из Юстиции по несовершеннолетним, уполномоченный на какие-то действия именно в нашей ситуации, я не понял деталей… то она их всех сожжёт вместе со

спорткомплексом, не отходя от кассы. До кого дотянется. Ещё концентратор им на себе показала; помните, я ей дарил?

— М-да… а охрана где была? Там же очень неплохая охрана?! Как раз на такие случаи, когда одарённые берега теряют?!

— Так я стоял рядом. Охрана ей ничего сделать не успела…

— М-да… Стоп, Алекс. Ещё раз. Так а как вы из закрытого сектора, будучи задержанным, сейчас мне звоните?! — искренне недоумевает подполковник.

— А тут какой-то капитан дежурный из военной полиции… я при задержании отказался говорить на Всеобщем. Потребовал переводчика с португальского, типа, других языков не понимаю. Вот этот капитан мне права на нашем языке зачитывал и первичный опрос делал по поводу происшедшего. А я ему сказал о Жойс и о её двести тринадцатой горнокопытной. Сказал, кто мы друг другу. Он мне после этого армейский комм оставил и сказал, что изымать не будет. Ещё собаку, сказали, никому не отдадут. В смысле, тело. А то вроде уже и гражданская полиция из Столичного муниципалитета приезжала, права качать.

Глава 30

Что идущий нам навстречу дебил имеет достаточно недружественные намерения, лично я видел ещё с десяти метров, даже сквозь стеклянные двери.

Против меня сработал стереотип: за все эти месяцы наших с Анной совместных похождений где бы то ни было, особенно в Корпусе, девять раз из десяти агрессия была направлена в мой адрес, а не в её.

Вот я по инерции и ждал, планируя: сейчас Хаас проходит в двери; с собой заводит собаку и делает пару-тройку шагов по коридору. Через две секунды она вообще минует этого типа и его дядю, оставляя их за своей спиной.

Я, соответственно, встречаюсь с ними в районе дверей. Если он начнёт быковать прямо сейчас, думал я, то вытаскиваю его на улицу, хоть и продергивая на себя за руку; и уже на улице разбираюсь. По обстоятельствам. Заодно, в плюс нам с Хаас идут независимые и незаангажированные свидетели, числом на сотни.

Вышло с точностью до наоборот.

Вначале здоровенный дебил сбил с ног Анну. А пока я дооткрывал двери, чтобы войти, он ещё и убил собаку.

Откровенно говоря, лишнюю половину секунды я потерял, ожидая реакции охраны.

Хорошо, что работает чип: в намерениях охраны явно засквозили симпатии к этому высокому козлу (видимо, потому, что он местный). А чего стоит любая полиция, если ты чужой, я отлично помню ещё по дому, был повод выучить урок в Квадрате…

Естественно, первым делом я пробил странному типу по голове. Он предсказуемо повалился на пол, а его дядя (или кем там был тот родственник) собрался ответить мне чем-то достаточно серьёзным. Кажется, его искрой была энергия, как и у покойной Исфахани.

Естественно, ожидать, пока он развернется, я не стал. Начать хотя бы с того, что возле стены ворочалась сбитая с ног Анна: у неё нет моих барьерных функций; и как бы она переносила тот же удар инфразвуком, экспериментировать не хотелось.

Дядю пришлось бить уже всерьез, а не просто в голову: сложенной копьем рукой, пробивая мышцы пресса и вырывая наружу его рёбра плюс, частично, внутренности. Сердечное биение и дыхание старого мудака прекратились быстрее, чем за секунду: Алекс, пользуясь моментом, дал какой-то импульс ему в нервную систему. Я так понимаю, тормозя вообще все процессы

под видом болевого шока.

Сбитый с ног инициатор конфликта заворочался и получил от меня второй, футбольный, удар по голове — чтобы затихнуть уже на более продолжительное время.

Охрана как раз только-только протёрла мозги и принялась лапать оружие, кстати, вполне боевое. Не инъекторы.

Что это значило применительно к нашей ситуации, вариантов виделось немного: местные, которые напали на нас первыми, к тому моменту были уже нейтрализованы. На ногах оставался один я. Спрашивается, зачем им лезть за стволами? Если не в меня палить?

Ну и охране пришлось по одному разу стукнуть в лоб; слава богу, их было всего двое.

—

Нас с Анной в секторе военной полиции даже не стали разводить по разным помещениям. Справедливости ради, Хаас там всех честно предупредила, удерживая навыпуск свой концентратор: уже имело место прямое и незавуалированное нападение на неё. Ничем не спровоцированное с её стороны.

Любые действия, которые она теперь *только сочтет* недружественными, она вынуждена будет автоматически расценивать, как физическое нападение Федерации на Муниципалитет в её лице. А сам Муниципалитет, если что, находится под Меморандумом.

Все в полиции здорово притихли и задумались; а она, вовсе не изображая истерики, продолжила орать: у неё, как у потомственного юриста, есть все основания расценивать происшедшее, как откровенное желание вывести из строя наследницу председательствующего у нас Клана.

Что-то подобное, хотя и не настолько серьёзное, мы с ней на всякий случай обсуждали заранее.

Я, в соответствие с нашими договорённостями, автоматически перестал понимать любые языки, кроме португальского, и потребовал говорящего на нём офицера.

С пришедшим по моему требованию капитаном получилось договориться вообще полюбовно: выспросив у меня все детали о Жойс, он сказал, что разбираться с нами будут совсем другие инстанции. Запись происшествия возле стеклянной двери лично он уже видел, и на своём уровне к нам претензий не имеет. Другое дело, что и отпустить нас он тоже не может: как-никак, в наличии труп.

Напоследок, оставляя нас с Анной одних на целом этаже, он проворчал, что я могу не притворяться. Поскольку по Хаас невооруженным взглядом видно, что она по-португальски не

говорит, с такими-то белобрысыми волосами и бледной кожей. И что если я не хочу нарваться на неприятности, в виде обвинения в даче ложных показаний с более серьезными людьми, то мне лучше продумать, как я собираюсь общаться со своей секундантом дальше, если у нас с ней нет ни одного общего языка.

После того, как все ушли, оставив в нашем распоряжении пустой этаж, Анна развила бурную деятельность и заставила меня позвонить Баку.

Куратор, дай бог ему здоровья, быстро внёс убитого пса в армейский реестр, сделав его, таким образом, равным военнослужащему.

Хаас, мгновенно увидевшая эти изменения в едином реестре, принялась тут же успокаивать меня: дескать более опасаться нечего, имело место нападение на военнослужащих.

А чтобы её слова были услышаны и обработаны столичными как можно быстрее, она затребовала какую-то шишку из профильного парламентского комитета. Поскольку у нас, оказывается, действовал чуть ли не аналог дипломатического иммунитета на всей территории Федерации. Спасибо Меморандуму.

Лично мне во всей этой сутолоке было жаль только собаку. Хотя, говоря цинично, в жизни случались потери и много серьёзнее.

_____

Кафедра прикладной методики.

— … что, у нас как обычно? Наш девиз — ни дня спокойно? — заведующий кафедрой, раскачиваясь в своем кресле вперед-назад, откровенно посмеивается. — Надеюсь, с Турнира нас ещё не снимают?

— Вот будешь смеяться, но он на этот раз вообще нисколько не виноват, — сварливо отвечает полноватый мужчина со знаками различия подполковника. — Я уже затребовал от имени заявителя на Турнир подробности по инциденту. Они вообще, если что, тупо шли на медкомиссию.

— Ну это же только наш кадр даже до медсектора спокойно дойти не может, — продолжает подначивать подчинённого начальник.

— В этот раз началось из-за девочки, — спокойно качает головой подполковник. — Какие-то их старые клановые дела. Наш как раз в этом инциденте добросовестно ударил даже не вторым, а вообще третьим.

— Как это может быть? — кажется, полковник по-настоящему заинтересовывается только сейчас. — Кто там два

раза бил до этого тогда? И кого?

— Вначале, насколько я понял, прилетело в голову Хаас. Затем тут же убили её собаку. Наш только после этого вообще в двери здания вошёл, а до этого находился снаружи. Есть телеметрия с камер, мне прислали. Я посмотрел. Всё так и было.

— Так а кого он там в итоге заколбасил? — трясётся в кресле от смеха заведующий кафедрой.

— Секунданта нападавшего.

— Слушай, если серьёзно. — Полковник стирает с лица весёлое выражение. — Там нормально разберутся? Точно?

— Девочка в этих делах ориентируется, — пожимает плечами подчинённый. — Мне обновления по статусу дела приходят в режиме реального времени. Недавно туда приехал заместитель главы профильного комитета. Девочка уже часа полтора орёт на всю Столицу, что участнику срывают тренировочный процесс. Что имеет место дискриминация, и так далее. Юристы умеют понагнетать…

— Иди ты!.. а комитета — парламентского?

— Да. Так что есть основания полагать, что разберутся в итоге нормально. Слушай, Лео! На этом турнире вечно по три таких происшествия в день! — морщится подполковник. — Ну одно из них случилось с нами! Ты на этом так заостряешься, как будто произошло и правда что-то из ряда вон выходящее…

— Главное, чтобы нормально разобрались, — продолжает настаивать заведующий кафедрой.

— А ты считаешь, что парламентский комитет может не отпустить дочь главы клана — автора местного Меморандума?.. — кажется, подполковник впервые за всю беседу искренне удивлён.

— Логично…

———

…

— Я вас услышал.

Сидящий напротив нас с Анной высокий и худой мужик за пятьдесят не излучает ничего, кроме смертельной скуки.

Если честно, я подсознательно ожидал чего-то более динамичного.

Несмотря на заверения Анны, подсознательно вертелась мысль: ну не может Столица вот так позволить безнаказанно…

Оказывается, очень даже может.

Сам дед оказался наредкость конструктивным.

Их разговор с Хаас, что смешно, длился часа два. Из них, полтора часа они обсуждали вначале общих знакомых, затем — какие-то юридические кейсы.

После этого дед деликатно прозондировал намерения отца Анны в связи с этим Меморандумом. Последний, как оказалось, волнует Столицу гораздо большее, чем наша собака или их человек, оставшийся возле стеклянной двери.

Алекс, послушав их с Хаас расшаркивания минут пятнадцать, заявил, что тут скучно и что он пошёл на море. Если будет что-то важное или интересное, он вернётся. А пока его беспокоить не нужно: всё вроде как на мази и дед приехал именно за тем, чтоб выдать нам все возможные индульгенции в рамках случившегося.

Видимо, что-то такое у меня на лице всё же мелькало, вроде напряжения. Потому что через полтора часа дядя, поглядывая на меня время от времени, соизволил внести ясность:

— Анна, при всём уважении. Кажется, ваш секундируемый всё ещё воспринимает инцидент остро. Это так? — посмотрел он на меня.

Мне, конечно, хотелось ответить ему на портуньоле что-нибудь насчёт личного опыта в Квадрате и что я на Всеобщем не понимаю. Но не стал хамить.

Я только собирался открыть рот, чтоб вежливо обозначить отсутствие личного понимания перспективы, когда мелкая поганка Хаас прыснула смехом:

— Я его специально мариновала! Чтоб понервничал. Ну-у-у, вы всё испортили!..

Оказывается, дед приехал только лично поболтать с ней. Оказывается, на её запрос, он сразу с места выдал все необходимые распоряжения, разобравшись, что называется, за секунду. Благо, всюду понатыканные камеры и современные каналы коммуникации позволяют и не такое.

А инфраструктура здесь нашей не чета. Как и скорость протекания процессов.

В этом месте прорезался Алекс:

— Ну логично. Если такие миллионы крутятся в секунду, то и скорость обработки информации должна быть не как в вашей дыре. Как и скорость принятия решений.

В общем, на этой оптимистичной ноте меня отпустили дальше, проходить медкомиссию.

А сама Анна вместе с этим дедом (тоже, по совместительству, юристом) попёрла в какое-то местное злачное заведение — наводить какие-то мосты друг с другом на ниве юридической практики.

_____

Во время проведения регулярного Турнира, Столица уже привыкла к тому, что каждый день следует ждать личных столкновений либо между представителями участников, либо

между самими соревнующимися.

Эта традиция возникла не сегодня и не вчера. Когда на ограниченном месте собирается цвет региональной элиты, или те, кто себя таковой считает, внутренняя конкуренция между ними предсказуемо возрастает до неимоверных высот.

В этот раз, счёт происшествиям открыл инцидент между Анной Хаас, наследницей одного из немногих серьёзных независимых кланов, и их столичными конкурентами.

В самом происшествии не было бы ничего из ряда вон выходящего, если бы не его результат.

Весьма серьезно, сразу насмерть, пострадал представитель столичного клана, в профессиональных кругах известный достаточно высоким личным уровнем искры. Остроту ситуации определял тот факт, что погиб он от руки хоть и участника турнира, но официально — неодарённого.

Происшествие на короткий период привлекло внимание обывателей, но вскоре было забыто: по распоряжению с самого верха, именно этот случай с новостных страниц был удалён в течение двух часов.

* * *

Следующая глава в этой книге последняя. Больше книг бесплатно в телеграм-канале «Цокольный этаж»: https://t.me/groundfloor. Ищущий да обрящет!

Глава 31

Задним числом следовало признать, что поставить на место этих сук Хаас не получилось.

Сама идея смотрелась весьма перспективно. Хаасы за каким-то чёртом привезли на турнир в роли секундируемого не одарённого, а простака. Получается, если грамотно спланировать столкновение и надавать по шапке самой белобрысой — то задачу их анти-пиара можно было бы считать завершенной (простак противником не является).

В формальных документах, правда, было что-то на тему: заявителем пацана считается чуть ли не Министерство обороны. Но это была самая натуральная читка для лохов, поскольку Министерство обороны — ни много ни мало, Федеральный орган.

А в том муниципалитете, в котором во главе тамошней ассамблеи задают тон Хаасы, Федеральные органы сейчас не пляшут от слова «совсем». Ибо Меморандум.

В общем, вдаваться в лишние премудрости не стали. Вместо этого, просто подкараулили девку с пацаном на входе в медицинский сектор.

Как и планировалось, Анна его узнала не сразу. То есть, потом она его, конечно, вспомнила — но уже когда сама валялась на полу у стенки, а голова её кобеля существовала отдельно от туловища.

Казалось, всё прошло, как по маслу.

Если бы не её подопечный.

Одарённым придурок и вправду не был, поскольку банально полез на более сильного противника с кулаками. Очевидно, именно этот элемент неожиданности и выдал ему такую большую фору. Убогому удалось попасть в Джона до того, как сам Джон сообразил защититься от невысокого болвана.

Следует признать, что бить недомерок умел сильно. Сам с собой Джон был до конца откровенен: он валялся на полу в самом настоящем нокдауне, когда случилось самое страшное.

Непонятно, чем дядя привлёк внимание пацана; но у будущего участника турнира, видимо, в руках было какое-то холодное оружие.

Живот дяди оказался вскрыт хоть и не ровно, но явно не голыми руками — как пытались утверждать специальные дознаватели, работавшие под присмотром парламентского комитета.

Долбаный Меморандум, что тут ещё сказать.

Сучка Хаас таки успела подсуетиться и поднять шум.

Попутно, дело осложнилось тем, что убитая собака была не

простым кобелём, а стояла на балансе Министерства обороны.

Тут уже даже свои столичные не смогли помочь: в долбаной армии долбаных собак считают мало не полноценными военнослужащими. По крайней мере, им даже многие виды довольствия полагаются так же, как и людям.

В общем, из идеально спланированной затеи, которая даже началась вполне успешно, в итоге ничего не вышло.

Только дядю было жаль.

Получив дома по морде повторно, уже от родного отца, Джон тут же развил бурную и кипучую деятельность: с подопечным Хаас надо было встретиться в самом первом бою, пока его не ухлопал кто-нибудь ещё.

Тут оказалось, что на дурачка уже были виды у совсем другой семьи.

В итоге, пришлось тратиться ещё и на то, чтобы перекупить жеребьевку.

Ладно. Дядю было жалко. Но из любой, даже самой плохой, ситуации надо уметь делать хорошие выводы.

Кстати, слава богу, что на спорткомплекс с Джоном поехал дядя, а не отец… Вот это был бы номер.

А по своему подопечному пусть эти сраные Хаасы заказывают панихиду: первого боя он не переживет.

Ну да, удар кулаком у дурачка поставлен. Но хорошо, что об этом стало известно до самих соревнований.

Прости, дядя.

****

Интригой самого первого боя в данной подгруппе был тот факт, что его участники уже встречались раньше.

Пускай это было и не в рамках соревнований, но член семьи одного из участников той парадоксальной встречи не пережил.

Рефери поединка, будучи осведомленным обо всех деталях, готов был поставить собственную месячную зарплату: Джон не просто так оказался в паре с этим неодаренным на самом старте.

Привычно продиктовав правила и автоматически спросив участников, всё ли им понятно, рефери немало удивился поднятой руке простака:

— Мой противник имеет намерением не спортивное состязание, а личную месть. — Невысокий пацан хотя и выглядел спокойным, но вещи говорил точные и правильные.

Ему было впору начинать нервничать.

— А ты думал, что он тебе бонусы на усиленное питание выдаст? — не счёл нужным наводить тень на плетень судья поединка. — Или ты лез на Турнир в надежде что-то выиграть?

Мужчина равнодушно пожал плечами, подводя итог пустому и

не нужному словоблудию.

— Я буду расценивать агрессивные намерения противоположной стороны поединка, как преднамеренную попытку неспортивного поведения. — Чуть довернув лицо к ближайшему видеофиксатору, картинно продекларировал неодаренный.

— Хватит языком болтать, — не удержавшись, сорвался на агрессию рефери.

Которому, разумеется, исход этой схватки был абсолютно ясен ещё задолго до её начала.

Шансов у пацана не было.

Логичным был бы его отказ от участия в Турнире; но, видимо, понукаемый хозяевами-юристами, он вынужден был зачем-то выйти в манеж.

Теперь пытался всеми способами отсрочить неизбежное.

Поддаваясь внезапному порыву, судья решил дать пацану шанс:

— Хочешь отказаться от схватки? Так и быть, засчитаю поражение авансом. Но от их клана смазывать пятки салом и хорониться будешь самостоятельно, — добавил он уже значительно тише. — В Столице я бы на твоём месте надолго не задерживался. Здесь их возможности не чета твоим покровителям.

Вместо ответа, неблагодарный недомерок пожал плечами и вернулся в свой угол.

— Каждому своё, — рефери тоже равнодушно пожал плечами и дал сигнал к началу поединка.

Джон, особо не заморачиваюсь, сразу ударил инфразвуком.

Откровенно говоря, на поле манежа рефери смотрел исключительно из собственного высокого профессионализма. Так-то, было понятно: даже если простак каким-то чудом выдержит пару секунд, Джон просто-напросто увеличит амплитуду.

Собственно, на этом будет всё.

А в следующий миг подопечный провинциальных юристов в прямом смысле размазался в воздухе.

По идее, расстояние между участниками должно было быть около тридцати метров, но они разошлись не на самые края манежа.

В общем, эти двадцать метров пацан проскочил быстрее чем за две секунды.

А затем, как-то странно повиснув у Джона на шее, свалился вместе с ним на покрытие.

Чтобы подняться уже в одиночестве.

* * *

Рефери впервые не знал, что ему делать.

Разумеется, формат данных соревнований изначально не предусматривал боёв до смерти — всё-таки, не древние века за окном.

Проблемой изначально было то, что все виды индивидуальной защиты активировались и работали благодаря полям подавления искры.

Если бы боец Хаас был одаренным, на нём бы автоматически срабатывала и профильная защита. Как только порог воздействия, в данном случае Джона, превышал бы барьерные функции пацана, тогда же срабатывал бы и сигнал окончания схватки. А «умная» система автоматически регистрировала бы итог.

Но искры у представителя Хаас не было от слова «совсем», потому именно он попадал на Турнире, словно рыба на разделочную доску.

Вообще-то, ещё лет двадцать назад, этого простака просто не допустили бы до боёв. Лишние трупы никому не нужны, оттого отговорились бы чрезмерной степенью его индивидуального риска.

Но сейчас, ввиду борьбы со всеми видами дискриминации, формальное ограничение на участие таких, как он, было давно снято.

Другое дело, до сего момента никому из неодарённых не приходило в голову вылезать в манеж на полном серьёзе.

Были, конечно, и специальные защитные костюмы для такого контингента. Но они, во-первых, здорово стесняли движения. Во-вторых, от удара инфразвуком они бы тоже никак не защитили, поскольку рассчитаны были в первую очередь на огонь и воду. Адепт искры энергии, в отличие от первых двух, должен здорово постараться, чтоб ухлопать противника насмерть. Ну или очень этого захотеть, как Джон.

Кстати, пацана, теоретически, от греха подальше, можно было просто снять на медицинской комиссии, придравшись к чему угодно. Но его поручителем было Министерство обороны, в лице одной кафедры и одного проекта. Сам пацан тоже был сиротой, так что жертву эксперимента, если что, просто некому жалеть.

Ну и не стал бы никто его специально давить насмерть. Джон — это просто такое стечение обстоятельств.

По идее, пацан бы отделался или парой ожогов, или порезов. С любым другим противником.

Пока все эти мысли роем проносились в голове рефери, оставшийся на ногах неодаренный участник схватки заявил в ближайший видеофиксатор:

— В рамках прав, предоставляемых участникам данного турнира, заявляю официально о своей неподсудности вследствие

предварительного уведомления о результатах этой схватки. Прошу прикрепить к данному заявлению видеофайл моего обращения к судье в манеже до начала поединка.

—

Аудио беседа двух неустановленных абонентов.

Перехват выполнен специальным сектором военной полиции при спортивном комплексе.

Примечание: язык беседы — португальский. Оба говорящих являются носителями языка.

— Привет, Коротышка.

— Жойс?! Ты уже разговариваешь?!

— Да, хе-хе. Микстура твоей китайской подруги творит чудеса. Есть мнение, что за пару недель буду, как новенькая.

— Молюсь всем богам… Ты уже ходишь?

— С ума сошёл?! Только головой шевелить начала. Ещё ноги заново учусь сгибать в коленках и шевелить ступнями. С руками, правда, полегче. Вот даже тебе позвонить смогла. Правда, сейчас Камила держит аппарат. О, привет тебе от неё.

— Ты не хочешь включить видео?

— Боже упаси! Так кошмарно выгляжу… наберись терпения, примерно дней на десять.

— За десять дней я уже домой вернусь.